Интеллигенция в истории

Образованный человек в представлениях и социальной действительности

Предлагаемый сборник — плод совместного проекта Института Всеобщей Истории РАН, Москва и Высшей Школы Социальных Наук (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales), Париж. Особая благодарность — в адрес инициатора и души всего предприятия с французской стороны, г-жи Ютты Шеррер. Сборник не смог бы состояться также без организационной и финансовой поддержки со стороны руководства ИВИ РАН и наших французских коллег — директора Дома Наук о Человеке в Париже г-на Мориса Эмара и руководителя Центра русских, советских и постсоветских исследований г-на Владимира Береловича.

ACADEMIE DES SCIENCES DE RUSSIE
INSTITUT D'HISTOIRE UNIVERSELLE

LES INTELLECTUELS DANS L'HISTOIRE MODERNE ET CONTEMPORAINE

REPRÉSENTATIONS ET RÉALITÉS SOCIALES

MOSCOU
2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

[НТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ИСТОРИИ

ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

МОСКВА
2001

ББК 63.3
И 73

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Дома Наук о Человеке и Центра русских, советских
и постсоветских исследований
при Высшей Школе Социальных Наук (Париж)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Д. А. Сдвижков

Рецензенты:
Доктор исторических наук Т. А. Павлова (ИВИ РАН)
Доктор исторических наук Л. Г. Истягин (ИМЭМО РАН)

Секретарь Г. П. Добросельская

На обложке: О.Роден. Мыслитель (1880),
М.Антокольский. Мефистофель (1883)

И 73 Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. — М., ИВИ РАН, 2001. — 312 с.

Избрав своим предметом интеллигенцию как феномен культуры и социальный слой, авторы сборника видят в ней универсальное явление, к которому не зазорно примерить и "общий аршин". Взгляд со стороны на русскую интеллигенцию, сравнимые предмет и методика исследований образованных слоев - особенность книги, объединяющей статьи авторов из России, Германии, Франции и Польши.

И $\frac{0503010000-24}{45ж(03)-2001}$ без объявлен.

ISBN 5-94067-047-4

© Коллектив авторов, 2001
© Институт всеобщей истории РАН, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пожалуй, нигде трудность, может быть, даже искусственность превращения истории в науку не очевидна так, как в случае с образованными слоями, интеллигенцией. Сведение живого исторического феномена в пробирку анализа — трудоемкое и противоречивое предприятие. Уже название настоящего сборника "Интеллигенция и история" требует пояснения в стиле математических формул: "где χ/интеллигенция есть то-то и то-то". Но любые дефиниции уязвимы и не всеобщи — все равно "интеллигенция" в целом всегда остается величиной переменной.

Проблемность "интеллигентоведения"[1] — в вечном поиске контекста для явления, вроде бы очевидно присутствующего в истории, но неясного; это напоминает поиск булавки, чтобы пришпилить бабочку. "Текст" здесь самодостаточен, доминирует над остальными и изолирован от них, исключителен. Любые исследования интеллигенции — исследования "изнутри"[2] и напоминают вытаскивание себя за волосы из болота известным персонажем. От эпохи "научной революции" образованный человек унаследовал правила игры, по которым живет все секулярное общество Нового времени — видение мира как объекта; тогда как на стороне субъекта оставался лишь сам образованный человек. Дистанция и критическая рефлексия здесь зависит от национального и общеисторического развития; долго об истории интеллигенции говорили только выработанным ею же языком, следуя ее мифам.

Где место образованного человека — в чистом мире идей, внутри других социально-экономических групп, в ряду раз-

---

[1] Ср. Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы. Тез. докл. X-й межд. науч.-теорет. конф. 22-24 сент. 1999 г. (под ред. В. С. Меметова). Иваново, 1999.

[2] Ср. Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм (Россия/Russia. Вып. 2 (10). М. — Венеция, 1999. С. 123-124.

личных общественных элит? — каждый взгляд имеет свои основания.

Другая проблема — есть ли универсальный феномен образованного человека в разных странах, хотя бы в рамках Европы Нового времени, не забираясь до египетских жрецов и китайских мандаринов, или каждый случай уникален? С особой остротой здесь встает необходимость сравнительной истории, сличения и оценки материалов и методик исследований не только в западной и отечественной русистике, но и в литературе по истории других образованных слоев — французских intellectuels, польской inteligencja, Bildungsbürgertum в германских землях и др. Это прежде всего оправдывало для нас появление на свет очередного в бессчетном списке трудов по выбранному предмету и было нашим ориентиром. Что удалось в реальности?

Конечно, как и всякий сборник статей разных авторов, этот коллективный труд отличает известная неоднородность взглядов и концепций, материала и качества его обработки. Основную часть сборника составили статьи участников международной конференции "Генезис и формирование интеллигенции в сравнении России и Запада", проходившей в Институте Всеобщей Истории РАН весной 2000 года. Внимание конференции, как следует из названия, было прежде всего направлено на динамику развития образованного слоя, интеллектуальные и социальные механизмы его формирования. При этом предполагалось, что именно эти механизмы для разных стран могут сравниваться, обнаруживая единое в многообразии исторических форм образованных слоев. Однако как раз в части сравнения удалось не все из задуманного, поэтому мы сочли необходимым сконцентрироваться в основном на русской интеллигенции; некоторые статьи в настоящем сборнике были написаны уже после конференции. Но и в этом варианте подход остался в общем и целом тот же:

Феномен русской интеллигенции необходимо рассматривать в контексте общего европейского развития. Без такого сравнения историческая картина остается неполной, если не искаженной; плодотворен взгляд со стороны, будь то прямое сравнение с другими близкими образованными

слоями или исследование национальных исторических реалий исследователем извне.

Затем, *определение,* что такое интеллигенция, выглядит убедительно скорее в форме *описания* того, как складывается некая среда без твердо очерченных социальных границ, но с близкими друг другу жизненными установками, поведением, чувством внутренней общности; как она отражается и конструируется в переплетении слов, мнений, поступков в общественном сознании и быту, как заново реконструируется в исследованиях историков.

В первой части сборника речь идет об отражении феномена российской интеллигенции в представлениях западных исследователей (Ю. Шеррер), в целом о сравнении культурных концепций "образованного человека" в России и на Западе (Д. Сдвижков), о приоритетах и подходах к этой сфере в новой "социально-культурной" сравнительной истории (М. Хильдермейер).

Во второй части описываются конкретные процессы складывания образованного слоя в разных измерениях — где и как появлялись не просто образованные люди, а возникала особая социальная среда, как она функционировала, будь то европейская res publica doctorum (И. Андронов), образованное общество Варшавы под русским владычеством (М. Мичиньска), радикальная русская интеллигенция XIX в. (Е. Щербакова), международное научное сообщество в специфических условиях политизации Первой мировой войны (А. Дмитриев). Особые факторы складывания такой среды в России — роль женщины в интеллигенции (В. Веременко) и самоосознание "от противного" — очерчивание поля интеллигенции ее врагами (Б. Колоницкий).

Наконец, последняя часть дает представление о целостной картине образованной среды в конкретном пространстве: город как переплетение дружеских, семейных, родственных связей, образующих "сети", сообщества, социальный организм местной интеллигенции. Провинциальное общество как некий микрокосмос легче поддается такому описанию, тут более или менее возможно реконструировать жизнь в разных проявлениях, нащупать связующие нити, часто теряющиеся в столичных городах, ощутить аромат уютного мира — вечерних студий живописи, пикников со знакомы-

ми, разговоров за чаем. Поэтому здесь важно "густое описание" с нанизыванием даже малоизвестных фамилий, названий обществ и союзов — они передают ощущение ткани, среза живого организма.

В этом смысле интересна возможность сравнить картину жизни варшавской интеллигенции в западной "провинции империи" у М. Мичиньской с городами центральной части России в статьях А. Тумановой (Тамбов), И. Косихиной (Курск), М. Меспуле (особая профессиональная сеть саратовских земских статистиков), В. Канищева и А. Айрапетова (также специфическая среда обрусевших немцев-интеллигентов на примере Тамбовской губернии). Сравнимы и материальные формы (общества, журфиксы, родственные сети играют сходную роль, тогда как аналогов варшавских "кавярен" напрасно искать в Тамбове или Курске), и идеи (утопия "новой счастливой Польши", с одной стороны, и идеалы "освободительного движения" — с другой). Однородность не только материала, но и методик (схема "места-среда-сети" французской школы у М. Мичиньской родственна с теоретическими посылками М. Хильдермейера и практикой исследователей провинциальной интеллигенции) обнаруживает универсальность и сравнимость образованного слоя, при том что каждая картина сохраняет уникальность. Нельзя не согласиться с М. Хильдермейером в том, что исследования такого рода имеют будущее независимо от того, оценивать ли их самих по себе или в связи с общетеоретической концепцией, такой, как "гражданское общество".

Не стоит и говорить о том, что в статьях сборника затронуты лишь отдельные аспекты истории интеллигенции; сделанные наметки необходимо систематизировать и расширить. В общем появление предлагаемого сборника не восполняет, а скорее иллюстрирует настоятельную необходимость по-настоящему сравнительной истории образованных слоев в России и на Западе.

РУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ютта Шеррер

"Народ ... остался Каспаром Гаузером для того,
чтобы мы с вами читали Данта и слушали Бетговена"
А. И. Герцен[1]

Опубликованный в 1881–1882 гг. и включающий в себя почти полторы тысячи страниц мелким шрифтом труд публициста Анатоля Леруа-Болье (1842–1912) "Империя царей и русские"[2] считается во Франции до сего дня источником бесценной информации о "стране и ее обитателях", "институтах" и "религии" — согласно названиям отдельных частей книги. Этот труд относится к обязательному чтению каждого студента исторического факультета.

Леруа-Болье провел в 1872 г. в России ряд исследований, результаты которых начиная с 1878 г. публиковались в журнале "Revue des deux mondes" и вошли позднее в книгу, пе-

---

[1] Каспар Хаузер (1812–1838) — загадочная фигура; имевший по отцу аристократическое происхождение, он был брошен матерью и вырос в изоляции от людей. Его обнаружили только в юношеском возрасте в совершенно диком состоянии; только тогда он получил воспитание, но вскоре был убит. Эта мистическая история была в центре внимания по всей Европе; для Герцена фигура Каспара Хаузера стала символом полной оторванности от культуры (цит. по: Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собр. соч. в 13 тт. Т. 6. М., 1955. С. 81).

[2] Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. P., 1881–1882, 2-е изд. 1883 г., 3-е изд. 1890 г., 4-е — 1897–1898. Далее цитируется по последнему изданию (P., Robert Laffont, 1990).

риодически перерабатываемую автором. В шестой главе второй части под названием "Революционный дух и политические реформы" автор констатирует: "В России ... самые многочисленные и ревностные противники правительства выходят отнюдь не из тех классов, которые наиболее обездолены и имеют, казалось бы, очевидный повод протестовать. Напротив, они выходят из среды классов образованных и привилегированных, из немногочисленного культурного слоя, который в противовес народным массам именуют 'intelligence"[3].

В качестве примера Леруа-Болье приводит статистические данные за 1880 г., согласно которым четыре пятых арестованных полицией "агитаторов" были выходцами из дворян, сыновьями духовенства, чиновников, офицеров, купечества и высшей буржуазии, и только 20% — из "вовлеченных в пропаганду" мелких чиновников, рабочих и крестьян. Для Леруа-Болье этот феномен неудивителен постольку, поскольку "для образованных людей (hommes cultivés) по их природе внутренние нестроения в стране наиболее чувствительны и тяжело переносимы". "Образованные люди" и высшая аристократия со времен правления Александра I являются проводниками революционных и либеральных идей в Российскую империю, при том что правительство, замечает Леруа-Болье, особенно после 1825 г., смешивает либерализм и революцию в одно целое. "Возможно, нет другой страны, в которой был бы столь распространен дух оппозиционности" - констатирует автор, сравнивая грядущие в России общественные перемены с анализом Токвиля аналогичных тенденций во Франции накануне Революции[4]. Согласно Леруа-Болье, этим оппозиционным духом "более или менее" проникнуты даже высшая аристократия и руководящая элита. Но если у последних все остается на уровне "насмешливого фрондерства", то "мелкое дворянство и нарождающаяся буржуазия, нижние слои чиновничества и дети бедного духовенства представляют собой неистощимый источник для агитаторов. Именно в кругах intelligence, близких к массе народа, в нуждающихся и наполовину образованных

---

[3] Здесь и далее: Leroy-Beaulieu A. Op. cit. P. 823-842.

[4] Ср. Tocqueville A. de. L'Ancien Régime et la Révolution. P., 1952.

классах революционная пропаганда находит наибольшее число сочувствующих".

Главную причину этого Леруа-Болье видит в потере ориентиров русской молодежью. Одним из первых среди западных наблюдателей России он указывает на то, что феномен радикализации в равной мере касается не только мужчин, но и женщин. Чем выше уровень школы, тем более ярко выражен революционный дух у тех, которые ее покидают, — констатирует Болье, — 80% революционеров получили образование на уровне гимназии; та же цифра касается женщин.

Чтобы посещать городские школы, молодые люди вынуждены покидать свои семьи. Родители ничего не могут дать детям, поскольку в интеллектуальном плане они ниже своих отпрысков. "Многие ученики школ и студенты университетов — выходцы из бедных, малообразованных семей, которые никак не могли повлиять на направление развития детей. Большое количество студентов — практически неимущие и обязаны своим образованием только помощи со стороны частных лиц и институтов. Русские хвалятся, что у них нет промышленного пролетариата, зато у них есть нечто вроде интеллектуального пролетариата, университетский пауперизм, который существует за счет государства и страны". На вопрос, как революционный дух от образованных классов и intelligence проникает в народ, Леруа-Болье отвечает другим вопросом: может ли народ, многие годы подвергающийся упорной активной пропаганде, постоянно пропускать ее мимо ушей?

Леруа-Болье не употреблял терминов "*интеллигенция*" и "*разночинец*"[5]. Тем не менее он четко описывает оба феномена (кстати, отнюдь не исключено, что Болье знал эти термины, но не использовал их для сохранения стилистики французского языка).

Младший современник Леруа-Болье, чешский социолог и философ Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) — позднее президент Чехословакии, — собрал во время своих поездок в Россию в 1887, 1888 и 1910 гг. основные впечатления, которые он обобщил затем в двухтомном труде "К русской исто-

---

[5] Курсивом в тексте выделены слова, написанные по-русски в оригинале статьи — Прим. ред.

рической и религиозной философии. Социологические наброски"[6]. В главе о "началах политической и философской революции" при Николае I Масарик говорит о феномене "демократизации" и "социализации литературы и журналистики"[7]. "Писатели, — замечает он, — теперь выходят не исключительно из среды аристократии, как раньше, а из средних слоев народа. Литераторами становятся сыновья бедного и разорившегося дворянства, духовенства, чиновников и купцов, есть даже примеры пишущих пролетариев (например, Полевой)". Не употребляя напрямую термина "*разночинец*" (кроме одного раза в примечании), Масарик приписывает "демократизации литературы и публицистики" в России "еще и особую социальную роль": благодаря ей образовалась "интеллигенция' (Intelligenz) как особое сословие и класс".

Масарик с самого начала сводит в своем труде воедино "литературную оппозицию и революцию", которая под гнетом реакции "сформировалась и организовалась совершенно специфическим образом". Основное ядро "оппозиции и революции" составляла первоначально академическая молодежь, не в последнюю очередь по причине неудовлетворительного состояния школ и университетов "при русском абсолютизме". Поэтому самообразование было неотъемлемой чертой прогрессивной программы: литературные салоны, кружки единомышленников, в которых живо обсуждались и распространялись важнейшие теоретические, а затем и политические и социальные проблемы, давшие начало позднейшим революционным комитетам.

В своем описании феномена русской интеллигенции Масарик делает главный акцент на значении русской литературы, критики и публицистики, которая с самого начала была нацелена на пропаганду прогрессивных идей. "В той мере, в какой усиливалась реакция, демократическая литературная оппозиция радикализовалась в сторону революции", — гласит главный тезис Масарика. Анализируя тип литератора — Selfmademan, возникший в русской литературе и публици-

---

[6] Masaryk Th. G. Zur Russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen. Bd. 1-2. (1913) F.a.M., 1992.

[7] Здесь и далее: Masaryk Th. G. Op. cit. Bd. 1. S. 105-108.

стике под влиянием политической реакции, Масарик видит в нем значительное отличие по сравнению с Западной Европой. Точное определение понятия "интеллигенция" с его точки зрения — "задача, до сих пор не разрешенная в русской критике и философии", причем он поясняет: "с самого начала подразумевалась оппозиционная интеллигенция".

Масарик подчеркивал самобытность и оригинальность русских (хотя в его глазах Россия и составляла часть Европы). Интеллигенцию — он употребляет в оригинале немецкий термин "Intelligenz" — Масарик считал важным фактором специфики России. Русская революция была для него отнюдь не только политическим вопросом, но вопросом философии истории. Во взглядах русской интеллигенции на эту, по словам Масарика, "великую религиозную и этическую проблему современности" (т.е. революцию) "у русских можно кое-чему поучиться"[8].

Я изложила концепции этих двух авторов, сформированных исторической культурой XIX века, довольно подробно, поскольку уже у них явственно просматриваются тенденции, которые были продолжены в позднейшей западной историографии интеллигенции и еще долгое время определяли западное представление о ней: речь идет о роли интеллигенции в традиции революционного движения в России. Это стало характерной чертой прежде всего французской и немецкой[9] мысли, а затем — после Второй мировой войны — и американской историографии России.

В рамках статьи я не могу подробно остановиться на всех многочисленных западных монографиях по интеллигенции и ограничусь некоторыми общими замечаниями по теме западной историографии дореволюционной русской интеллигенции.

Вне всякого сомнения, на западных историков интеллигенции оказала влияние и дореволюционная русская, и со-

---

[8] Ibid. Bd. 2. S. 511. Представляется, что в определенном смысле Масарик заимствовал социологическое объяснение Белинского, согласно которому литература в России обогатила буржуазию "своего рода классом" — интеллигенцией. Этот класс состоит из представителей всех сословий, которых объединяет любовь к образованию (ср.: Ibid. Bd. 1. S. 315).

[9] Продолжателями традиции Масарика здесь были К. Нетцель, Ф. Либ, Д. Чижевский, А. фон Шелтинг, П. Шейберт.

ветская историография. С методологической точки зрения было бы неправомерно оставить этот фактор без внимания. Прежде всего я имею в виду дореволюционных историков интеллигенции, таких как Иванов-Разумник, Овсянико-Куликовский, Милюков и др., а также советских специалистов по интеллигенции — Лейкину-Свирскую, Ермана, Пирумову, Федюкина и многих других[10]. Решающее влияние на понимание западной историографией интеллигенции оказал сборник "Вехи" (1909). Уже в 1918 г. "Вехи" в сокращенном виде были выпущены в немецком переводе[11]. Вслед за работами, посвященными "Вехам" в западной историографии в конце 50-х — начале 60-х гг.[12] последовал выпуск английского и полного немецкого переводов[13]. Многие историки интеллигенции (К. Нетцель в Германии и прежде всего Т. Самуэли в Англии) практически буквально следуют за критикой интеллигенции, которая исходила в "Вехах" из рядов самой же интеллигенции, не задумываясь о более широких причинах самокритики авторов "Вех". На сборник "Из глубины" (1918), продолжающий "Вехи" и подтверждающий

---

[10] Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Т. 1-2. СПб., 1907; 3-е изд. — 1911; 4-е изд. — 1914; Овсянико-Куликовский Д. Н. История русской интеллигенции. Т. 1-2. М., 1906–1907; Он же. Психология русской интеллигенции // Интеллигенция в России. Сборник статей. СПб., 1910. С. 192–219; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1-3. СПб., 1896–1903; Он же. Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903; Он же. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. С. 89–191; Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971; Она же. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981; Ерман Л. К. Состав интеллигенции в России в конце XIX — начале XX вв. // История СССР. 1963. № 1. С. 161–177; Он же. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.

[11] Russlands politische Seele. Russische Bekenntnisse. Hg. v. E. Hurwitz. B., 1918.

[12] Brooks J. "Vekhi" and the Vekhi Dispute // Survey. 1971. Vol. 19. Nr. 1 (89). P. 21-50; Schapiro L. "The Vekhi" Group and the Mystique of Revolution // Slavonic and East European Review. 1955. Vol.. XXXIV. Nr. 82. P. 56–76; Oberländer G. Die Vechi-Diskussion (1909–1912). Köln, 1965; Tompkins S. R. "Vekhi" and the Russian Intelligentsia //Canadian Slavonic Papers. 1957. Vol. II. S. 11–25.

[13] Vechi/Wegzeichen. Essays zur Krise der russischen Intelligenz. Mit der Einleitung v. K. Schlögel. F.a.M., 1990.

их идеи, обращают гораздо меньше внимания, хотя в Париже снова появилось переиздание на русском языке[14].

В равной мере важно подчеркнуть влияние русской художественной литературы на образ интеллигенции на Западе ("Отцы и дети" Тургенева (1862), "Что делать" Чернышевского (1863), многих героев романов Достоевского, драм и рассказов Чехова или Максима Горького и др.). Большое значение имеют и свидетельства об интеллигенции в мемуарной литературе (например, воспоминания Надежды Мандельштам, которые рисуют драматическую картину жизни интеллигенции в сталинскую эпоху)[15].

Следующей характерной особенностью западной историографии по России в общем, и особенно по интеллигенции, было влияние русской эмиграции после 1917 г. Я упомяну здесь хотя бы о решающем влиянии Михаила Карповича на послевоенную американскую историографию по русской интеллигенции[16]. Из его семинара в Гарвардском университете вышли многие будущие ведущие историки России. Частично это были потомки эмигрантов, как Марк Раев и Леопольд Хаимсон, — оба начали свою академическую карьеру в 50-е гг. с диссертаций о русской интеллигенции. Из "школы" Карповича вышли историк Р. Пайпс (польского происхождения) и А. Уайльдман, которые среди прочего занимались темой интеллигенции, а также многие другие.

В Германии кроме Федора Степуна значительным было влияние Дмитрия Чижевского, который преподавал в университете Гейдельберга. В основе его исследований о Гегеле у славян, о русской истории идей лежало представление об интеллигенции как носителе культурных и духовных ценностей. Стоит также упомянуть об Анджее Валицком, который эмигрировал из Польши сначала в Австралию, а затем в США и с 1970-х гг. до сего времени играет там значительную роль в исследованиях о русской интеллигенции. Эмигрантом первой волны был мой научный руководитель Геор-

---

[14] Из глубины. Париж, ИМКА, 1967 (новое переиздание — М., 1991).

[15] Мандельштам Н. Воспоминания. Париж, ИМКА, 1987. На французском они были изданы еще в 1970-х гг.: Mandelstam N. Contre tout espoir. Souvenirs. 3 vol. P., Gallimard, 1972–1975.

[16] Ср. Karpovich M. Imperial Russia 1801–1917. NY, 1961, особенно С. 43 et passim о радикальной интеллигенции.

гий Флоровский (Гарвардский университет), которому я обязана своей тематикой — религиозные поиски интеллигенции на переломе столетий, а также Игорь Смолич (Гумбольдтский, а затем Свободный университет в Берлине).

Большую роль для восприятия феномена интеллигенции на Западе сыграли и русские эмигранты, не имевшие непосредственных связей с университетской средой. Тут особенно стоит отметить опубликованные вначале на английском языке труды Бердяева "The Russian Revolution" (Лондон, 1936), "The Origin of the Russian Communism" (Лондон, 1937) и различные труды Г. П. Федотова по истории русской культуры[17], а также вышедший в 1964 г. английский перевод книги меньшевика Федора Дана "The Origins of Bolshevism"[18].

Другой момент, исключительно важный для западной историографии России и концепции интеллигенции, — это политические, мировоззренческие, идеологические взгляды каждого отдельного историка на предмет своего изучения. Так, первые работы американских исследователей Мартина Малия о Герцене и Джеймса Биллингтона о Михайловском[19] отличает определенная симпатия к идеалам социализма, и может быть, даже марксизма, в той форме, как они были представлены в русской интеллигенции XIX — начала XX вв. Позднее же концептуальный подход к русской истории под влиянием собственного интеллектуального и политического развития у этих историков меняется. Другой пример — положительная оценка Леопольдом Хаимсоном меньшевиков, которая явственно просматривается в его первых — и последних — работах, или симпатии Пола Авриха к Бакунину, который отводил интеллигенции *критическую* роль в будущей революции[20].

---

[17] Ср. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х тт. СПб., 1991.

[18] См. русский оригинал: Даи Ф. Происхождение большевизма: к истории демократической идеи в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946.

[19] Malia M. A. Herzen and the Birth of Russian Socialism. NY, 1965; Billington J. Michajlovsky and Russian Populism. Oxford, 1958.

[20] Haimson L. H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955; Idem. The Making of Three Russian Revolutionaries. Cambridge-P., 1987; Avrich P. The Russian Anarchists. NY, 1967.

Более молодое поколение исследователей, как американец Аббот Глисон, увидело в американском студенческом движении конца 60-х — начала 70-х гг. определенные параллели с радикальными веяниями среди русской интеллигентской молодежи 60-х-70-х гг. XIX века. В своей книге "Молодая Россия. Генезис русского радикализма в 1860-х гг." Глисон, который в качестве секретаря Института русских исследований Кеннана при Международном исследовательском центре Вудро Вильсона имел тогда большое влияние на исследования по русской истории в Америке, говорит о своем "восхищении русской интеллигенцией XIX века". Радикальная интеллигенция, - пишет он, - "принадлежит для меня к числу наиболее ярких, многосторонних, одаренных людей, о которых я когда-либо слышал или читал. Ее история попрежнему внушает мне вдохновение"[21]. Однако энтузиазм Глисона по поводу русской радикальной интеллигенции XIX века нельзя отождествлять с некритическим подходом к Советскому государству, которое, как он подчеркивает, возникло в результате несокрушимой веры интеллигенции в прогресс. Подобно Глисону, и другие американские историки (например, Артур Мендель[22]) искали в социализме с человеческим лицом, выражение которого они видели в русской интеллигентской молодежи XIX века, альтернативу капиталистическому американскому обществу.

С 1970-х гг. в США, Германии, Англии, Франции и Италии популярностью у историков начинает пользоваться и тема революционной интеллигенции раннего советского периода: Ш. Фитцпатрик пишет о Луначарском[23], С. Коэн о Бухарине[24], появляется много работ о Троцком; к этому же веянию времени принадлежат и мои собственные работы о Богданове, "левых большевиках" и Пролеткульте[25] (здесь

---

[21] Gleason A. Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. NY, 1980. P. XI.

[22] Mendel A.P. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia. Cambridge, Mass., 1961.

[23] Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment. Cambridge, 1970.

[24] Cohen S. Bukharin and the Bolshevik Revolution. NY.., 1975 (см. рус. пер.: Коэн С. Бухарин и большевистская революция. Политическая биография, 1888–1938. Аии Арбор, 1986 и другие издания).

[25] Scherrer J. Les écoles du parti de Capri et de Bologne: La formation de l'intelligentsia du parti // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978. Vol.

необходимо также упомянуть исследования Д. Грилле, Й.-У. Петерса, Г. Эрлера, Г. Гожка в Германии; З. Сохор, Р. Стайтса, Л. Мэлли в США; Л. Рубеля, К. Фриу, Д. Лекур во Франции; В. Страда, М. Заламбани, Д. Стейла в Италии)[26]. Многочисленные литературоведческие работы о пролеткульте, культурной революции, социальной мобильности, которая вызывает к жизни новую, "советскую" интеллигенцию подчеркивают понятое в позитивном плане наследие старой "революционной" интеллигенции.

Есть, однако, и примеры глубокой антипатии к коммунизму, корни которого видят в дореволюционной интеллигенции, как, например, у А. Безансона в его докторской диссертации "Интеллектуальные корни ленинизма" (Безансон был в молодости убежденным коммунистом; переворот в мировоззрении явно отражается в его историографической методике). Более жесткой становится также точка зрения у Пайпса и Малия — от относительно умеренной в сборнике 1961 г.[27] ко все большему подчеркиванию роли дореволюционной интеллигенции как предвестника советской системы.

Усиливающаяся политизация и идеологизация дисциплины "русская история" (в Германии — "восточноевропейская история"), которые особенно характерны для французских и американских университетов периода "холодной войны" — не в последнюю очередь из-за влияния модели тоталитаризма (Арендт, Фридрих, Бжезинский) — оставили глу-

---

25. P. 319-329; Idem. Bogdanov e Lenin: il bolscevismo a bivio // Storia del Marxismo. Vol. 2. Torino, 1979. P. 493-546; Idem. The Cultural Hegemony of the Proletariat: The Origins of Bogdanov's Vision of Proletarian Culture // Studies in History. 1989. Vol. 2. P. 195-210.

[26] Gorzka G. A. Bogdanov und der russische Proletkult. F.a.M.-NY. 1980; Grille D. Lenins Rivale. Bogdanov und seine Philosophie. Köln, 1966; Erler G. Revolution und Kultur // Aesthetik und Kommunikation. 1975. Nr. 19. S. 92-106; Nr. 20. S. 9-25; Sochor Z. A. Revolution and Culture. Ithaca-L., 1988; Zalambani M. L'Arte Nelle Produzione. Ravenna, 1998; Steila D. Scienza e Rivoluzione. Firenze, 1996; Strada V. Lenin e Trockij // Storia del Marxismo. Vol. 3. Torino, 1980. P. 115-130; Mally L. Culture of the Future. The Proletkult Mouvement in Revolutionary Russia. Berkeley, 1990; Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Visions and Experimental Life in the Russian Revolution. NY. 1989; Peters J.-U. Kunst und organisierte Erfahrung. München, 1980.

[27] The Russian Intelligentsia. Ed. by R. Pipes. NY, 1961.

бокие следы в историографии. Конструктивный поворот к социальной истории в 1970-х, и особенно в 1980-х гг., вызывает к жизни масштабные работы по социальной структуре интеллигенции и ее отдельным профессиональным группам. Эти работы касались первоначально советской интеллигенции (например, исследования Л. Г. Черчвальда, К. Э. Бейлса и Д. Бейрау). В области истории дореволюционных партий следует упомянуть работу М. Хильдермайера о эсерах, в которой впервые речь шла о социальной структуре партии и оставлялся за скобками бесплодный вопрос о самосознании интеллигентов - членов партии эсеров[28].

В последующем социально-исторический подход все больше вытесняет традиционную идейно-историческую и идеологическую интерпретацию. В широком социальном слое интеллигенции видят преимущественно действующее лицо индустриализации и модернизации. Со второй половины 1970-х гг. историки, в основном молодые и чаще всего американские, изучают социальные группы внутри интеллигенции — инженеров, юристов, врачей, экономистов, статистиков, учителей, профессоров и т.п. — или, другими словами, "интеллигентные" или "свободные" профессии, которые возникли в России в конце XIX века в рамках развивавшегося капитализма. Здесь следует назвать работы М. Шпета об инженерах, Н. Фриден и Дж. Ф. Хатчинсона о врачах и медицинском персонале, М. Шеффер Конрой об аптекарях, С. Д. Кассоу о студентах и преподавателях и многие другие[29].

Как показал Д. Бейрау[30], растущий вес профессиональной интеллигенции проявился в том, что именно она, а не революционные подпольные партии, дала важнейший импульс революции 1905 г. Важнейшей составной частью кон-

---

[28] Hildermeier M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Köln-Wien, 1978.

[29] Späth M. Fach- und Standesvereinigungen russischer Ingenieure 1900–1914. B., 1984; Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, NJ, 1981; Conroy M. Schaeffer. In Health and Sickness: Pharmacy, Pharmacists, and the Pharmaceutical Industry in Late Imperial, Early Soviet Russia. NY, 1994; Hutchinson J. F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia. 1890–1918. Baltimore, 1990; Kassow S.D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.

[30] Beyrau D. Intelligenz und Dissens: die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985. Göttingen, 1993.

фликта образованных профессионалов с правительством было — и в этом сходятся все авторы — требование освобождения от государственной опеки со стороны ограниченной бюрократии, требование профессиональной автономии от государственного аппарата, все в большей мере выглядевшего в глазах интеллигенции некомпетентным. Этим объясняется и тот факт, что многие представители "свободных профессий", даже не вовлеченные в политическую деятельность, подписывались под воззваниями идейно оппозиционной интеллигенции.

В рамках растущего интереса историков к социальным группам интеллигенции и "свободных профессий" акцент делается также на проблеме формирования буржуазного общества в России. В исследованиях об отдельных профессиональных группах анализируется процесс их интеграции в традиционную общественную систему. Исследуются также процессы социальной мобильности в царской империи, которые размывают границы сословной структуры. Так, Э. К. Виртшафтер анализирует причины, вызвавшие к жизни не поддающийся сословной классификации слой *разночинцев*[31].

Примерно тогда же или чуть позже независимо от проблемы интеллигенции появляются исследования по политическим классам, кадрам, элитам, номенклатуре, а также по процессам изменения элит в советский период и в современной России. Однако часто над этими темами работают не историки, а социологи, политологи и экономы — в том числе М. Лавинь, К. фон Бейме, Э. Шнейдер, А. Рар, Г.-Г. Шредер, Т. М. Регби, Д. Лейн, В. Шляпентох[32] (в Германии и Америке их назвали "советологами", во Франции — несколько иронично — "кремленологами").

Наконец, я хотела бы упомянуть и совершенно иной аспект — работы по истории понятий, терминов применительно к русской интеллигенции. Немецкая историография представлена здесь прежде всего работами В. Маркерта и О. В.

---

[31] Wirtschafter E. K. Structures of Society. Imperial Russia's "People of Various Ranks". Illinois, 1994.

[32] Ср. Lane D. Soviet Elites, Monolithic or Polyarchic? // Russia in Flux. The Political and Social Consequences of Reform. Ed. by D. Lane. Vermont, 1992. P. 3-23.

Мюллера[33], американская — по крайней мере частично — упоминавшимся сборником 1961 г. под редакцией Пайпса.

Обобщая, я хотела бы обрисовать основные утверждения, характерные для западной историографии по дореволюционной интеллигенции, которые лишь недавно были поставлены под вопрос социально-историческими исследованиями:

Дореволюционная интеллигенция трактуется со времени ее "открытия" на Западе преимущественно как феномен интеллектуальной истории ("histoire des idées" во Франции, "intellectual history" в англосаксонских странах, "Kulturgeschichte" в Германии), а в последние годы — "новой культурной истории". Интеллигенция считается прежде всего носителем идеологии и в этой смысле агентом культуры (agent de culture) в духе социологии П. Бурдье. "Носитель культурной воли Запада", — писал о ней еще в 1927 г. Ф. Браун[34]. Для Д. Чижевского, который предпочитает немецкий термин Intellektuelle русскому "*интеллигенция*", последняя "играет настолько важную роль в русской истории идей, что для эпохи с 1840 по 1917 г. история русской культуры практически полностью идентична с историей идей Intellektuelle"[35].

Обычно западная историография различает "классическую" или "протоинтеллигенцию" до 1917 г. и новую "советскую интеллигенцию", поскольку термин "интеллигенция", согласно М. Малия, уже не несет в себе после 1917 года дополнительную потребность "критического мышления", оппозиции[36]. Лично я пыталась в различных работах преодолеть эту жесткую границу между русской и советской интеллигенцией, по крайней мере, для первых послереволю-

---

[33] Müller O. W. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. F.a.M., 1971; Markert W. Zur geschichtlichen Bedeutung der russischen "Intelligencija" // Russlandstudien, Gedenkschrift für Otto Hoetzsch. Stuttgart, 1957. S. 56-63.

[34] Braun F. Über die russische Intelligenz in Kultur- und Universalgeschichte // Festschrift für Walter Goetz. Leipzig — B., 1927. S. 374.

[35] Tschizewskij D. Russland zwischen Ost und West. Russische Geistesgeschichte. II. Reinbeck, 1961. Bd. 2. S. 48-49.

[36] Malia M. Was ist Intelligentsia? // Die russische Intelligentsia. Hg. v. R. Pipes. Stuttgart, 1962. S. 13.

ционных десятилетий и показать преемственность ментальных и идейных структур интеллигенции после 1917 г.[37].

С методологической точки зрения основная задача истории идей состоит в реконструкции самоидентификации или "субъективного самосознания" интеллигенции (Д. Чижевский), а также анализе ее самосознания у отдельных представителей и различных групп. Почти всегда налицо примат идеологии. За исключением исследований о свободных профессиях интеллигенция очень редко анализируется с социологической точки зрения. Ее довольно лаконично именуют "особой социальной категорией" (М. Малия), либо "специфическим слоем" (Д. Чижевский), либо "потенциальным правящим слоем" (К. фон Бейме); в англоязычных работах речь идет о "stratum/страте". В общем, в интеллигенции видят преимущественно силу, противостоящую "проклятой русской действительности" (Белинский), двигатель социального прогресса и проводника реформ — иначе говоря, оппозиционные силы от относительно умеренных либералов до революционных экстремистов в рамках единого "освободительного движения". Почти все "классические" работы по интеллигенции видят в ней творца революции, причем отнесение к революции — как у Масарика — может иметь скорее общефилософское значение. Правда, внимание к революционным группам внутри интеллигенции не отменяет понимания того, что речь здесь идет о меньшинстве интеллигенции[38]. Тем не менее в западной историографии умеренным политическим группам интеллигенции отводилось значительно меньшее значение в русской истории идей, чем радикалам — последние были на виду.

Октябрьская революция понимается в общем как детище радикальной революционной интеллигенции. М. Малия говорит о "руководящей роли интеллигенции в революции". Предтечей советского коммунизма видят коллективистскую общественную модель дореволюционной интеллигенции

---

[37] Scherrer J. Die sozialistische Intelligenzija. Ihre Rolle in der russischen Kulturrevolution vor und nach 1917 // Comparativ. 1995. № 6. S. 94 -118; Idem. Pour l'hégemonie culturelle du prolétariat: aux origines historiques du concept et de la vision de la culture prolétarienne // Culture et Révolution. Ed. par M. Ferro, Sh. Fitzpatrick. P., 1989. P. 11-23.

[38] Ср. Fischer G. Russian Liberalism. Cambridge, Mass., 1958.

(Т. Самуэли). Советская система партийного руководства выводится из нравственного максимализма интеллигенции (М. Малия), советская "идеократия" — из идеологического характера дореволюционной интеллигенции (А. Безансон). Даже при том, что обрисованная картина за последнее время стала более разнообразной с появлением упоминавшихся социологически ориентированных исследований профессиональных групп, в общем она остается верна и до сих пор. После краха коммунистической системы она, похоже, даже упрочила свои позиции. Яркое свидетельство тому — опубликованная в 1994 г. книга М. Малия по истории социализма в России в 1917–1991 гг., за короткое время переведенная на французский, немецкий и итальянский, что доказывает ее успех у западной образованной публики[39].

О 1991 годе в ней говорится так: "Впервые после появления в XIX веке, в эпоху народников и Чернышевского, экстремистской интеллигенции Россия стала "постидеологическим" и даже антиидеологическим обществом". В "страсти к идеологии", которая отличала дореволюционную интеллигенцию, Малия видит истоки советской системы. Эта идеология интеллигенции господствовала, по нему, в партии и ее институтах, в системе репрессий, в экономике и политике. Согласно Малия, максимализм интеллигенции проявлялся во всех политических партиях с 1905 г., и в этом кадеты или либералы ни в чем не отличаются для него от социалистов. Фигура Ленина для Малия — продукт интеллигенции, ее воспитательной системы и ее "морализирующей культуры"[40].

Не все авторы, связывающие исторические феномены интеллигенции и революции, судят столь же прямолинейно, как Малия. Но в общем в дореволюционной интеллигенции видят слой, который собирался реформировать русское автократическое государство, радикализуя для этого общество (это касается как описания либеральной, так и радикальной оппозиции). Эта особенность оценивается положительно практически всеми западными историками. Представителей

---

[39] Malia M. The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia, 1917–1991. NY, 1994; цитаты далее приводятся по французскому переводу: La tragédie soviétique. P., Seuil, 1995.

[40] Ibid. P. 99-102, 584.

интеллигенции практически превозносят как противников русского абсолютизма, борцов за отмену крепостного права, людей, отличающихся идеализмом и самопожертвованием — тут их сравнивают с раскольниками XVII века[41] или наделяют "миссионерским сознанием религиозной секты" (Э. Келли). Келли пишет: "Своим решительным сопротивлением существующему порядку, искренней преданностью идеям и верой в разум и науку они (т.е. идейные вожди интеллигенции. — *Ю.Ш.*) проложили дорогу русской революции, и в этом их великое историческое значение"[42]. Д. Чижевский положительно оценивает энергию интеллигенции и считает, что ее представители "в иначе устроенном обществе могли бы играть конструктивную роль, тогда как в России того времени они видели свою задачу лишь в уничтожении и разрушении"[43]. "Феномен интеллигенции как таковой с его историческими и литературными революционными следствиями представляет собой, на мой взгляд, величайший вклад России в социальное преобразование мира", — пишет И. Берлин[44]. По мнению К. Нетцеля, "русская интеллигенция являет собой ... главную оригинальность русской духовной жизни"[45].

Почти все историки подчеркивают различие между русской интеллигенцией XIX века и западными интеллектуалами, объясняя это "русской традицией" (Т. Самуэли). Интеллигенция — это "практически уникальный феномен" из-за "степени своего отчуждения от общества и своего влияния на нее", — констатирует Э. Келли, схоже с К. Нетцелем[46]. И. Берлин пишет: "Понятие "интеллигенции" нельзя смешивать с понятием "интеллектуалов". Сторонников [интеллигенции] в их сознании объединял не просто интерес к идеям; они видели в себе преданный одному делу орден, почти священство в миру, которое посвятило себя распространению определенного отношения к миру, подобно Евангелию"[47].

---

[41] Tschizewskij D. Op. cit. Bd. 2. S. 98.
[42] Kelly A. Zur Einführung // Berlin I. Russische Denker. F.a.M., 1981. S. 11.
[43] Tschizewskij D. Op. cit. Bd. 2. S. 98.
[44] Berlin I. Ein denkwürdiges Jahrzehnt. Die Geburt der russischen Intelligencija // Berlin I. Op. cit. S. 167.
[45] Nötzel K. Die Grundlagen des geistigen Russlands. Jena, 1917. S. 132.
[46] Kelly A. Op. cit. S. 11; Nötzel K. Op. cit. S. 132.
[47] Berlin I. Op. cit. S. 167

При сравнении с западными интеллектуалами выделяются, впрочем, и негативные факторы: русская интеллигенция против буржуазии и ее ценностей; у нее отсутствует правовое сознание, она не знает индивидуализма и проповедует эгалитаризм[48]. "Борьба [интеллигенции] против политического деспотизма привела в России к образованию чисто духовного деспотизма", — пишет К. Нетцель. "Русский интеллигентский дух, который ненавидит и хочет уничтожить русский деспотизм, сформирован именно этим институтом. Этот дух борется с причиной, следствием которой он является — положение, которое он не желает осознать". Интеллигенция — "дитя деспотизма и стремится своими средствами создать новую деспотию"[49].

Почти для всех историков интеллигенции типично утверждение, что интеллигенция — результат дезинтеграции социальной системы в России, и это изначально не позволяет связать феномен интеллигенции с духовной культурой. Распространенное мнение гласит — литература и радикальная мысль в России представляют собой две разные традиции. Писатели не хотят быть причисленными к интеллигенции, пишет Самуели[50]. Брауер, Фриз и многие другие историки видят в интеллигенции носителя "субкультуры", или "контракультуры ", основанной на служении народу[51].

В своих работах о "религиозной интеллигенции" я выступила против этой позиции, проследив поворот интеллигенции к религии и показав таким образом путь от идеологического к идеальному[52]. К. Рид, а вслед за ним некоторые другие — преимущественно американские — историки по-

---

[48] Szamuely T. The Russian Tradition. L., 1974. P. 171-176.

[49] Nötzel K. Op. cit. S. 132-133.

[50] Szamuely T. Op. cit. S. 168-169.

[51] Ср. Brower D. R. The Problem of the Russian Intelligentsia // Slavic Review. XXVI. 1967. Nr. 4. P. 638-647, здесь P. 646; Freeze G. L. Russia. A History. Oxford — NY, 1997. P. 191.

[52] Scherrer J. Die Petersburger Religiös-philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). B.-Wiesbaden, 1973; Idem. Intelligentsia, religion, révolution: premières manifestations d'un socialisme chrétien en Russie.1905–1907 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1976. XVII-4. P.427-466; Ibid. 1977. XVIII-1/2. P. 5-32; Idem. В поисках "христианского социализма" в России // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 88-137.

следовали по тому же пути[53]. Пьер Паскаль, выдающийся и уважаемый мной французский историк, считает тем не менее обратившихся к религии отколовшимися от интеллигенции[54].

Вне всякого сомнения, западную историографию по русской интеллигенции следует рассматривать также в связи с более или менее распространенными социологическими теориями по истории интеллектуалов. Влияние Парето, Мангейма[55], Грамши, Раймона Арона и других социологов интеллигенции бесспорно. Все они выдвигают на первый план связь, зависимость интеллектуалов от идеологии (*идеологичность*), отделяя их от сферы идеального (*идейность*). Этим не в последнюю очередь объясняется и перенесение представления, которое долго господствовало в общественном мнении Запада, об активных (ангажированных), оппозиционных государству "левых интеллектуалах" на русскую интеллигенцию[56].

В этой связи необходимо поставить вопрос, в какой мере западная историография, охарактеризованная мной здесь лишь кратко и поверхностно, основана на стереотипах и клише, которые один автор некритически заимствует у другого. Я также хотела бы поставить вопрос о мифологизации интеллигенции (в положительном или отрицательном аспекте). Не облегчается ли это мифотворчество недостатком конкретных исследований жизни, социального поведения и структуры интеллигенции?

Кроме того, в ряду очевидных перспективных проблем западной историографии, на которые я здесь обращаю внимание, следующие: исследования взаимоотношения самоидентификации и конкретной социализации; вопросы образа

---

[53] Read Ch. Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia 1900–1912. The Vekhi Debate and its Intellectual Background. L., 1979; Idem. New Directions in the Russian Intelligentsia: Idealists and Marxists in the Early Twentieth Century // Renaissance and Modern Studies. 1981. Vol. 24. P. 1-17.

[54] Pascal P. Les grands courants de la pensée russe contemporaine. Lausanne, 1971.

[55] См. прежде всего: Mannheim K. The Problem of the Intelligentsia // Essays on the Sociology of Culture. L., 1956. P. 157ff.

[56] Ср. здесь статьи об "интеллектуалах" и "интеллигенции" в западных энциклопедиях, напр.: Brockhaus Enzyklopädie in 20 Bänden. 17. Auflage. Wiesbaden 1970. S. 164.

жизни интеллигенции XIX в. и истории менталитета (выходящие за рамки первых плодотворных шагов в работах М. Конфино[57]). Почти нет исследований *местной интеллигенции*; того, насколько интеллигенция в провинции и регионах отличалась от интеллигенции в столицах. До сих пор практически не обращалось внимания на пограничные случаи — офицеры, чиновники, высшее духовенство. Настолько же несистематично изучалась роль и процент участия евреев и других нерусских народов в интеллигенции и "свободных" профессиях. Были бы интересны и социологически фундированные исследования по "рабочей интеллигенции". Прежде всего, однако, требуются сравнительные исследования русской интеллигенции и западных интеллектуалов, подобные книге французского социолога К. Шарля[58] о европейских интеллектуалах.

Я искренне надеюсь, что новые возможности сотрудничества в этих областях с российскими коллегами расставят новые "вехи" на этом пути.

Библиография

(сюда включено лишь ограниченное число работ, на которые имеются прямые или косвенные ссылки в тексте статьи)

- Bailes Kendall E. Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978.
- Balzer Harley D. (Ed.). Russia's Missing Middle Class. The Professions in Russian History. Armon-London, 1996.
- Berlin Isaiah. Russian Thinkers. London, 1978; немецкий перевод: Russische Denker. Frankfurt am Main, 1981.
- Besançon Alain. Les origines intellectuelles du léninisme. Paris, 1977.
- Beyme Klaus von. Politische Soziologie im zaristischen Russland. Wiesbaden, 1965.
- Beyrau Dietrich. Die russische Intelligenz in der sowjetischen Gesellschaft // Geyer Dietrich (Hrsg.). Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen, 1991. S. 188-209

---

[57] Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia// Daedalus. 1972. P. 117-149.

[58] Charle Ch. Les intellectuels en Europe au XIXe siècle. Essai d'histoire comparée. P., Seuil, 1996.

• Beyrau Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993.

• Beyrau Dietrich. Russische Intelligencija und Revolution // Historische Zeitschrift. Bd. 252. 1991. S. 559-586.

• Billington James. The Intelligentsia and the Religion of Humanity // The American Historical Review. Nr. 4/LXV. 1960. P. 807-821.

• Billington James. Michajlovsky and Russian Populism. Oxford, 1958.

• Borcke Astrid von. Die Ursprünge des Bolschewismus. Die jakobinische Tradition in Russland und die Theorie der revolutionären Diktatur. München, 1977.

• Broady Donald, Chmatko Natalia, Saint Marin Monique de (Ed.). Formation des élites et culture transnationale. Paris-Uppsala, 1997.

• Brower D. R.. The Problem of the Russian Intelligentsia // Slavic Review. XXVI. 1967. Nr. 4. P. 638-647.

• Burbank Jane. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917–1922. New York, 1986.

• Churchward G. The Soviet Intelligentsia. An Essay on the Social Structure and Roles of Soviet Intellectuals during the 1960s. London–Boston, 1973.

• Confino Michael. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // Daedalus. 1972. P. 117-149.

• Daniels V. Intellectuals and the Russian Revolution //The American Slavic and East European Review. Vol. XX. 1961. P. 270-278.

• Fischer George. Russian Liberalism. Cambridge, 1958.

• Frieden Nancy M. Russian Physicians in the Era of Reform and Revolution. 1856–1905. Princeton, 1981.

• Geyer Dietrich. Über den "Marxismus" des jungen Berdjaev // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 8. Heft 3. 1960. S. 301-313.

• Geyer Dietrich. Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Die Arbeiterbewegung im Zarenreich als Organisationsproblem der revolutionären Intelligenz. 1890–1903. Köln-Graz, 1962.

• Gleason Abbott. Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in the 1860s. New York, 1980.

• Haimson Leopold H. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955.

• Haimson Leopold H. The Making of Three Russian Revolutionaries. Cambridge-Paris, 1987.

• Hildermeier Manfred. Zur Sozialstruktur der Führungsgruppen und zur terroristischen Kampfmethode der Sozialrevolutionären Partei Russlands vor 1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 22. 1974. S. 358-389.

• Hildermeier Manfred. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln-Wien, 1978.

• Hildermeier Manfred. Das Privileg der Rückständigkeit. Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. 1987. Bd. 244. S. 557-603.

• Hutchinson F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia. 1890–1918. Baltimore, 1990.

• Kassow S. D. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.

• Kondratieva Tamara. Bolcheviks et Jacobins. Itinéraire des analogies. Paris, 1989.

• Lieb Fritz. Das westeuropäische Geistesleben im Lichte russischer Religionsphilosophie. Tübingen, 1928.

• Liebich André. From the Other Shore. Russian Social Democracy after 1921. Cambridge, Mass., 1997.

• Luks Leonid. Intelligencija und Revolution. Geschichte eines siegreichen Scheiterns // Historische Zeitschrift. Bd. 249. Heft 2 (Oktober 1989). S. 265-294.

• Malia Martin. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855. Cambridge, Mass., 1961.

• Malia Martin. The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994 (французский перевод: La tragédie soviétique. Paris, Seuil, 1995).

• Markert W. Zur geschichtlichen Bedeutung der russischen "Intelligencija" // Russlandstudien, Gedenkschrift für Otto Hoetzsch (Schriftenreihe Osteuropa, Bd. 3). Stuttgart, 1957. S. 56-63.

• Müller Otto Wilhelm. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. Frankfurt-am-Main, 1971.

• Nötzel Karl. Die Grundlagen des geistigen Russlands. Versuch einer Psychologie des russischen Geisteslebens. Jena, 1917.

• Pascal Pierre. Les grands courants de la pensée russe contemporaine. Lausanne, 1971.

• Pietro-Ennker Bianka. Russlands "neue Menschen". Die Entwicklung der Frauenbewegung von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt-am-Main-New York, 1999.

• Pipes Richard (Ed.). The Russian Intelligentsia. New York, 1961. Немецкий перевод: Die russische Intelligentsia. Stuttgart, 1962.

• Pipes Richard. Struve. Liberal on the Left. 1870–1905; Struve, Liberal on the Right. Camridge, Mass., 1970, 1980.

• Pollard Allan P. The Russian Intelligentsia. The Mind of Russia // California Slavic Studies. Vol. 3. 1964. P. 1-33.

• Pollard Allan P. Consciousness and Crisis: The Self-Image of the Russian Intelligentsia, 1855–1882. Ann Arbor, 1974.

• Read Christopher. Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia. London, 1979.

• Conroy Mary Schaeffer. In Health and Sickness: Pharmacy, Pharmacists, and the Pharmaceutical Industry in Late Imperial, Early Soviet Russia. NY, 1994.

• Scherrer Jutta. Die Petersburger Religiös-philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901–1917). Berlin-Wiesbaden, 1973.

• Scherrer Jutta. Intelligentsia, religion, révolution: premières manifestations d'un socialisme chrétien en Russie.1905–1907 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1976. XVII-4. P.427-466; Ibid. 1977. XVIII-1/2. P. 5-32.

• Scherrer Jutta. Requiem für den Roten Oktober. Russlands Intelligencija im Umbruch. 1986–1996. Leipzig, 1996.

• Шеррер Ютта. В поисках "христианского социализма" в России // Вопросы философии. 2000. № 12. С. 88-137.

• Späth Manfred. Fach- und Standesvereinigungen russischer Ingenieure 1900–1914. Berlin-Wiesbaden, 1984.

• Steila Daniela. Scienza e rivoluzione. Firenze, 1996.

• Strada Vittorio. L'altra rivoluzione. Gor'kij — Lunacarskij — Bogdanov. Capri, 1994.

• Szamuely Tibor. The Russian Tradition. London, 1974.

• Thun Alexander. Geschichte der revolutionären Bewegung in Russland. Leipzig-Basel, 1883.

• Tompkins St. R. The Russian Intelligentsia. Makers of the Revolutionary State. Norman,1957.

• Venturi Franco. Il populismo russo. Vol. 1-2. Torino, 1952.

• Walicki Andrzej. The Slavophile Controversy. Oxford, 1975.

• Walicki Andrzej. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of Populism. Oxford, 1969.

• Wirtschafter Elise Kimerling. Structures of Society. Imperial Russia's "People of Various Ranks". Dekalb, 1994.

СРАВНИВАТЬ НЕСРАВНИМОЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПОНЯТИЯХ "ОБРАЗОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА"

Д. А. Сдвижков

Τῇ γνώσει φόβος ἀκολουθεῖ, τῇ δὲ πίστει, ἐλπίς
Веденне сопровождается страхом, вера — надеждой
Св. Исаак Сирин
Und ohne Hoffnung bin ich hier/ Ein elend aufgeklärtes Tier
А без надежды я теперь/Как горе-просвещенный зверь
A. v. Arnim, C. Brentano. Des Knaben Wunderhorn

Не единожды заявленная уникальность русской интеллигенции в сравнительной перспективе выглядит спорно. Специфично скорее стремление выяснить, "что такое", или еще категоричнее, "что же такое, *наконец*, интеллигенция?"[1]. Особенности дискурса "образованного человека" вообще показательны для национальной истории: если русский образованный человек никак не может понять себя самого, то для французского intellectuel знание важно прежде всего в контексте власти — вопрос звучит "Existe-t-il un pouvoir intellectuel?" (Существует ли интеллектуальная власть?)[2], а в Германии судьба традиционного понятия образованного человека (Gebildete), которое не перешагнуло порога 1968 года и составляет ныне в основном предмет исторического анализа, отражает радикальные разрывы истории XX века.

Суть феномена русской интеллигенции в целом невозможно понять без сравнения с образованными слоями Запа-

---

[1] Заглавие книги Е. Ю. Лозинского (СПб, 1907).

[2] Ср. Charle Ch. Naissance des "intellectuels" (1880–1900). P., Éd. de Minuit, 1990. P. 10f.; Ory P., Sirinelli J-F. Les intellectuels en France, De l'affaire Dreyfus à nos jours. P., Armand Colin, 1992. P. 245f.

да. Не только потому, что самоопределение в России всегда осуществляется с оглядкой на Запад. И не только потому, что сравнение как метод оказывает благотворное "отчуждающее воздействие: в его свете собственное развитие перестает быть само собой разумеющимся, каким оно могло казаться". Сравнение в данном случае исторически уместно, поскольку обеспечено условие, когда не сравнивается "яблоко с грушей"[3]. При всех различиях национальной истории трудно не увидеть общеевропейский масштаб появления образованного (просвещенного, культивированного, мыслящего) человека именно как типа в общественном устройстве Нового времени. Эта универсальность, межкультурные связи при своеобразии каждого отдельного случая отразились в развитии соответствующих терминов национальных языков. В нашем случае область таких понятий очерчивается сферой *образования/воспитания/ просвещения* и более общей — *(по)знания*. Обладание знанием особого рода[4] — безусловно, основной признак нового типа "мыслящих" людей. Социальный вес знания оформлен в понятии "образования"; критерий "образования", кажется, единственный бесспорный — поскольку формальный — и наднациональный признак интеллектуальных слоев, как бы они ни назывались.

Речь, таким образом, идет о том, "какую роль играли языковые, дискурсивные или идеальные элементы... в процессе определения или даже создания социальных структур — например, классов или профессий"[5]. Интересно в этом плане сравнить некоторые основные линии развития соответствующей сферы в России прежде всего с Германией, а также с Францией и отчасти с Польшей, которые оказали большое влияние на становление русской концепции "интеллиген-

---

[3] См. здесь и выше: Haupt H.-G., Kocka J. Historischer Vergleich: Methoden, Aufgaben, Probleme, in: Dies. (Hg.) Geschichte und Vergleich. Ansätze und Ergebnisse international vergleichender Geschichtsschreibung. F.a.M.-NY, 1996. S. 15, 25.

[4] Для различения знания по его социальной роли используется классификация М. Шелера на "образовательное", "спасительное" и "руководящее (ради господства)" знание (Bildungs-, Heils-, Herrschaftswissen) (См.: Шелер М. Формы знания и образование (1925) // Шелер М. Избр. произведения. М., 1994. С. 41-42).

[5] Jelavich Peter. Poststrukturalismus und Sozialgeschichte — aus amerikanischer Perspektive // Geschichte und Gesellschaft 21, 1995. S. 273.

ции". Впрочем, упреки в невнимании, скажем, к Англии или Италии будут справедливы — здесь можно сослаться разве что на скромные размеры статьи и ее обзорный характер.

Общее христианское наследие Европы и роль византийско-греческой концепции "образования" и "просвещения" на Руси делают необходимым охарактеризовать их суть. Стоит напомнить, что латинское понятие "intelligentia" — калька с греческого νοῦς (нус) — появляется в этом значении на заре христианизации Рима в трудах неоплатоника Мария Викторина. Понятие intelligentia/нус имеет отношение к распространенному в большинстве мировых культур разделению между двумя сферами познания: высшим "гнозисом", опирающимся на опыт откровения и созданные на его основе тексты, и рациональным знанием, черпающим материал для своих заключений из чувственного опыта[6]. Познавательные способности человека с точки зрения христианства заключают в себе возможность знания обоего рода, и вопрос в конечном счете состоит в том, чему служит знание и образование. Если собственно христианское познание — познание Бога, то христианское образование в идеале подчинено этой главной цели человеческой жизни по принципу "а остальное приложится".

При том что вообще "терминология мира мысли всегда была запутанной"[7], для "мистической педагогики" христианства это верно вдвойне. Но, поскольку христианское сознание по природе своей символично, эта педагогика находит свое выражение в символике "просвещения". Христианство вливает в старые мехи античности новое вино, наполнив термины и образы греческой философии иным содержанием. Теперь свет некоего абстрактного "блага" в античной концепции образования (пайдея)[8] переменяется на исходящий от

---

[6] См. подробно: Müller O. W. Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes. F.a.M., 1971.

[7] Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Âge. P., Seuil, 1985. P. 3.

[8] "Просвещенность (в оригинале — παιδεία (Д.С.) — это совсем не то, что утверждают о ней некоторые лица, заявляющие, будто в душе у человека нет знания и они его туда вкладывают, вроде того, как вложили бы в слепые глаза зрение... У каждого в душе есть такая способиость: ...нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда спо-

реального и личностного Бога. В отличие от античного и рационалистического Нового времени, понимания истины как вечного поиска, христианская гносеология исходит из того, что вневременная Истина воплощена в личном Боге и исторически явлена через Откровение. Поэтому иной подход к путям познания — "*Остановитесь* и познайте" (Пс. 45, 11), "Живи на земле и *храни* истину" (Пс. 36, 3).

Христианская антропология видит возможность для человека такого познания потому, что в нём присутствует *образ Божий* — т.е. то, в силу чего человек приближается к Богу, познает Его: "Можно... назвать прирожденные начала истинного гносиса образом Божиим, а развитие этих начал через личную деятельность — подобием Божиим. ... И так как среди этих задатков первенствующее значение принадлежит разуму, который, как отображение Божественного Разума или Слова, заключает в себе идею Бога, то в способности разума и состоит по преимуществу образ Божий" (Климент Александрийский). Тут — собственно основание для христианской педагогики, цель которой — развить в человеке данные ему "задатки". "Образ" и "подобие Божие" соотносятся в человеке как данность и свободное творческое усилие, а процесс образования как приближения к Первообразу передается понятием "уподобление": "образ Божий ... дает возможность приближаться к Богу чрез деятельное уподобление Ему" (Афанасий Великий)[9].

Основа понятого так "образования" — высший разум ("нус/интеллигенция"), который находится во "внутреннем человеке". Как известно, рассудок, или то, что понимается под умом в Новое время, относится здесь к сфере душевной. Символ же духовного, "сокровенного центра личности", который "заключает в себе глубину богообразности" —

собность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо." (Платон. Государство. Кн. 7 // Платон. Собр. соч. в 4-х тт. под ред. А.Ф. Лосева и др. М., 1994. Т. 3. С. 299)

[9] Зд. и выше цит. по: Серебренников В. Учение Локка о природных началах знания и деятельности. Опыт установки Локкова учения на основании историко-критического исследования и критического рассмотрения его в связи с христианским учением об образе Божием. СПб., 1892. С. 283-285, 290.

сердце, поэтому, только "собрав ум в сердце", человек способен получить высшее, благодатное знание — через Высший свет[10].

Этот Свет (φῶς) — как бы форма, через которую тварный человек может познать непознаваемое нетварное. "Поскольку Бог проявляется, сообщается, может быть познан, — Он Свет ... [который] — реальность, данная в мистическом опыте"[11]. "Умственным Светом, — пишет автор Ареопагитик, — называется превосходящее всякий свет Добро как источающее свет сияние ... все умственное и разумное собирающее и сочетающее. Ибо так же, как неведение есть нечто разделяющее заблуждающихся, явление умственного света есть нечто собирающее освещаемых, ... собирая к единому ... знанию, наполняя единым соединяющим Светом"[12].

Представление о такого рода просвещении развивалось в трудах свв. Дионисия Ареопагита, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, Григория Нисского и др., и уже в XIV в., непосредственно перед падением Константинополя, богословскую законченность этим положениям придал в практике исихазма св. Григорий Палама. Это учение — или вернее, эта практика — в нашем случае важны как основа для существования особого слоя людей, осуществляющих идеал христианского просвещения в жизни. Христианское просвещение/образование обязательно связано с деланием, а не с отвлеченной спекуляцией. Поскольку Истина нераздельна с красотой, правдой и любовью, то "мудрость состоит *не в знании* о жизни, но в *умении* правильно жить". Другая сторона просвещения в том, что этот путь — путь деятельного умножения самосознания/"интеллигенции". Поэтому "гносис" у восточных отцов можно толковать как "сознательность в духовной жизни", тогда как "жизнь во грехе ...

---

[10] См.: Sherrard Ph. The Greek East and the Latin West. A Study in the Christian tradition. L., 1959. P. 140-141; Бобков К. В., Шевцов Е. В. Символ и духовный опыт православия. М., 1996. С. 288.

[11] Лосский В. Н. По образу и подобию. М., 1995. С. 41-72; Он же. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 163 et passim.

[12] Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1995. С. 105.

бывает нарочито бессознательной"[13]. Тайна обожения-просвещения личности совершается внутри человека и открывается миру, обществу как *святость*. Таким образом, "святость", "просвещенность" и "образованность" в одном синонимическом ряду обозначают человека, причастного христианскому знанию.

Определенные противоречия с восточными понятиями в этой сфере были заметны в западной части христианского мира уже давно. Прежде всего с точки зрения возможностей высшего познания человек оказывался более приниженным. Так, сверхразумная способность — intelligentia или intellectus — по блаж. Августину отнюдь не тождественна "нус" на Востоке: в ней нет нетварного начала, это тварная психическая способность души. Соответственно, "с точки зрения Августина, все, на что может рассчитывать размышляющая душа, это на просвещение сверху ... и на возможность в этом свете, который остается вне и отделенным от души, никоим образом не превращаясь в часть её природы, осознать истинность или ложность её собственных рациональных выводов"[14].

Однако дихотомии "Восток-Запад" и "религиозный-светский" определенно огрубляют реальность. В рамках восточнохристианского мира было возможно существование так называемой византийской интеллигенции с ориентирами отличными от христианского образования; одним из "моментов истины", где столкнулись разные представления об образованном человеке, стала и знаменитая полемика между Григорием Паламой и Варлаамом Калабрийским, будущим католическим епископом и учителем Петрарки.

Единая картина "западного" развития также не более чем схема. В то же время мало кто сомневается в том, что первый шаг на пути к современной концепции образованного человека делает западная схоластика. Для нее познание человеком Божественной истины непосредственно невозмож-

---

[13] Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М., 1992. С. 62 et passim; Лосский В. Н. Очерк мистического богословия. С. 163, 164.

[14] Sherrard Ph. Op. cit. P. 144, 153-155; см. также: Бычков В. В. Aesthetica Patrum. Апологеты. Блаженный Августин. М., 1995. С. 358-361.

но, речь может идти только о косвенных, рациональных доказательствах существования Бога в чувственной природе и истории. Intelligentia в человеке фактически сливается с ratio и низводится на рассудочно-дискурсивный уровень. Сфера разума и веры оказались отделены друг от друга. Отсюда остается уже один шаг до подмены самого источника света. Место живого *символа* высшей реальности занял "горизонтальный", одномерный *знак*, место тоже живого, цельного, непосредственного *образа* Божественного — его *аналогия* в чувственном мире, которую, согласно схоластам, мы только и можем познать. Путь к новому типу образованного человека был теперь свободен. В определенном смысле исихазм, с одной стороны, и схоластика, давшая начало нововременному рациональному типу мышления, подвели разный итог развитию средневекового представления об образованном/просвещенном человеке[15].

Новые представления об образованном человске реализуются с XII-XIII вв. прежде всего в городах — процесс, обрисованный в классическом труде Ле Гоффа: особенно в Париже — этом "Иерусалиме науки" — видно, как из реторты схоластики появляется гомункул нового "интеллектуала"[16]. Внутри укрепляющегося и растущего города центр образованной жизни составляет университет, который постепенно — с разной степенью успеха — утверждает автономию образования перед светскими и церковными властями. Вместе с материальной средой происходит становление *отвлеченной* области научного знания, внеположной по отношению к Высшему. Меняется основной объект познания, направление его: из вертикального оно становится горизонтальным, место видения занимает наблюдение, вопрос "как?" вытесняет "почему?"[17]

---

[15] Ср. здесь Игумен Иоанн (Экономцев). Исихазм и возрождение (Исихазм и проблема творчества) // Он же. Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 167-196.

[16] См. Le Goff. Op. cit. P. 4, 28; там же литература до 1985 г. См. также: Kluxen W. Institution und Ideengeschichte. Zur geschichtlichen Bedeutung der mittelalterlichen Universität // Philosophy and learning: universities in the Middle Ages. Ed. by M. Hoenen etc. Leiden — NY — Köln, 1995. P. 3-16.

[17] Sherrard Ph. Op. cit. P. 156-7.

Спасительное знание выполняло соединяющую функцию: предполагалось, что в принципе все призваны к просвещению. Знание образовательное, научное, как и всякий капитал, объективно несет в себе разделяющее начало, по-своему отбирая "овец" и "козлищ". Знание приобретает характер реальной или символической общественной силы — определяющего фактора для возникновения образованной *элиты*. Хотя современного XII-XIII вв. единого термина для обозначения этого нового слоя не возникло, о переменах свидетельствовало появление наряду с привычными "клирик" (clericus, clerc) и "literatus" (латински образованный) новых и изменивших содержание понятий, таких как "philosophus", "doctor", корпоративных обозначений — "universitas", "scolares"; абстрактных — "intellectualitas", "scientia" и др.[18]

В то же время как раз вопреки схеме "Запад-Восток", по крайней мере с XIV в., с трудов Мейстера Экхарта, берет начало специфическая немецкая концепция образования/Bildung. Наряду с другими (Бонавентура, Ангелус Силезиус, Я. Бёме, И. Таулер и др.) Мейстер Экхарт свидетельствует о жизненности и на Западе "мистической педагогики". Живой символизм света Экхарта близок к автору Ареопагитик: "искорка" или "свет души, несотворенный и несотворимый", по Экхарту, "воспринимает Бога непосредственно... в действии внутреннего богорождения"; символом обожения (Vergottung), богоподобия человека служит понятие "Bildung" ("bildunge"), производное от "Bild" — образ[19].

Хотя и в протестантских, и в католических землях образовательные модели все более отдаляются от "мистической педагогики", эта традиция ощутима и позднее в школе Пор-Рояля, и особенно в специфике немецкого Просвещения/Aufklärung, далеко не идентичного французскому Lumières. Немецкий эстетический проект идеального образованного человека определенно противопоставлен эмансипаторскому

---

[18] Le Goff J. Les intellectuels au Moyen Age// Intellectuels français, intellectuels hongrois. XIIIe-XXe siècles. P.-Budapest, 1985. P. 16-17.

[19] Мейстер Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. М., [1912] 1991. С. 26, 29, 38. Meister Eckhart und seine Jünger. Hg. v. F. Jostes. B.-NY, 1972. S. 22, 35; Naumann M. Bildung und Gehorsam. Zur ästhetischen Ideologie des Bildungsbürgertums, in: Das wilhelminische Bildungsbürgertum: zur Sozialgeschichte seiner Ideen. Hg. v. K. Vondung. Göttingen, 1976. S. 36f.

проекту, который олицетворяли Французская революция и рационализм XVIII века[20].

В центре этого немецкого проекта — концепция Bildung как придание формы, вылепливание себя изнутри автономной, суверенной личностью. Вместо "уподобления" личностному Богу здесь действует безличный природный закон: это "действующая изнутри во всех телах сила, заставляющая их принимать по отношению к внешней среде особую форму, образование". В личности проявляется "...естественное стремление человека достичь духовной индивидуальности, развить свои духовные задатки присущим только ему путем в соответствии с идеалом человечества, ... сознательно использовать и переработать для своих целей полученный извне материал"[21]. Эту сторону концепции Bildung разработали прежде всего Лейбниц и Гердер, развив возможности для ее пантеистического истолкования, заложенные еще в учении Экхарта.

Фактически процесс "образования/Bildung" составляет не только центр человеческой жизни, но через это и жизни всего мира: "Становящееся самососредоточение большого мира, "макрокосма" в *одном* индивидуально-личностном духовном центре, "микрокосме", или *миро*становление человеческой личности в любви и познании — всего лишь два выражения для различных направлений расширения *одного и того же* глубочайшего процесса формирования, который называется образованием"[22].

Испытавший сильное влияние Гердера Гёте для многих поколений образованных немцев воплощал возможное на земле осуществление этого идеала. Его творчество и сама его фигура, образ жизни способствовали тому, что концепт немецкого образования неразрывно связан с идеей гармонии, меры, середины — бюргерских добродетелей. В этом смысле

---

[20] О феноменальной роли, которую играло в Германии образование в сравнении с "экономическим индивидуализмом и политической рациональностью" "дальнего Запада" см.: Ringer F. K. Fields of knowledge: French academic culture in comparative perspective, 1890–1920. Cambridge, Paris etc., 1992. P. 101-102f.

[21] Allgemeine Deutsche Real=Encyclopädie für die gebildeten Stände in 10 Bd. 6e Aufl. Bd. 1, Leipzig, 1824. S. 777.

[22] Шелер М. Указ. соч. С. 21-22, 27.

Гете утвердил в немецкой культуре социальную привязку образованного человека (Gebildete) к "третьему сословию". С возрастанием роли бюргерства в обществе это нашло свое словесное выражение в симбиозе прилагательного "образованный" с терминами "среднее сословие" (gebildeter Mittelstand) и "бюргерство" (gebildetes Bürgertum — Bildungsbürgertum)[23].

Концепция Bildung неразрывно связана с эстетической утопией античного "золотого детства человечества" в неогуманизме, который утвердил идеал автономного образования как вещи самоценной и "неотмирной": образование должно быть "не для этого мира, но высшего мира духа"[24]. Идеалу образования/Bildung отвечало универсальное знание, которое должен был дать новый университет. На практике эти идеи в начале XIX века воплотил В. фон Гумбольдт, сделав немецкие высшие учебные заведения образцом для подражания и питомником интеллектуальной элиты не только Германии, но и всей Европы, особенно Восточной. В новом университете царил философский факультет, поскольку наука в немецкой модели образования строилась скорее на основе отвлеченно-созерцательной античной φιλοσοφία, чем рассудочно-экспериментального science[25].

Немцы довели отвлечение знания до предела; в этом — слабость, но и пафос немецкого концепта. Принцип Bildung — симфония, синтез, середина, примирение двух родов знания, универсализм: "образование — это больше, чем знание. Образование затрагивает всю совокупность эмпирического существования индивидуума"[26]. За всем этим проглядывает настоящая "религия образования" (Bildungsreligion), жрецом которой стал "профессор, господин и мэтр немецкого обра-

---

[23] См.: Engelhardt U. "Bildungsbürgertum": Begriffs- und Dogmengeschichte eines Etiketts. Stuttgart, 1986.

[24] См.: Wehler H.-U. Deutsches Bildungsbürgertum in vergleichender Perspektive — Elemente eines "Sonderwegs"? // Bildungsbürgertum im 19. Jht. T. 4. S. 220f.; Engelhardt U. Op. cit. S. 529.

[25] См.: Ringer F. K. Die Gelehrten. Der Niedergang der deutschen Mandarine 1890–1933. Stuttgart, 1983. S. 97f.; Esprit/Geist. 100 Schlüsselbegriffe für Deutsche und Franzosen. Hg. v. J. Leenhardt, R. Picht. München-Zürich, 1989. S. 318-320, 361-364.

[26] Jaspers K. Die Idee der Universität. B., 1923. S. 18-19; cp. Ringer F. Fields of knowledge. P. 314ff.

зования в XIX веке: в его лице явился не только образец, но совершенный, возвышенный в своей простоте, хотя и несколько односторонне развитый род людей"[27]. Свое законченное выражение концепция Bildung приобретает у профессора Берлинского университета Гегеля, для которого образование в высшем смысле — это развертывание мирового духа, его самопознание или самообразование. Неслучайно именно в этой наивысшей точке развития немецкой модели образования в эпоху Гегеля и Шеллинга зарождается и русская интеллигенция, когда, по словам одного директора гимназии, "идея, или, как теперь говорят, интеллигенция (die Intelligenz), стала "мировой силой"[28].

Как вписывалась Россия в это развитие? Нельзя сказать, что допетровская Русь имела какую-то свою концепцию знания и образования в сравнении с византийской моделью. Собственного оригинального богословия на Руси не было, истина выражалась через символ, через не поддающееся словесным формулам прекрасное — прежде всего в иконах/образáх ("умозрение в красках"); тогда как в отношении слов всегда было применимо тютчевское "мысль изреченная есть ложь". Этот "принцип невербализуемого выражения *духовных* ценностей" заложил антиномии русского склада мышления: "Умозрение' открывается в слове. В этом его природа — природа Логоса. Отчего же софийская Русь так чужда Логоса? Она похожа на немую девочку, которая так много тайн видит своими неземными глазами и может поведать о них только знаками. А ее долго считали дурочкой только потому, что она бессловесная!"[29].

Не имея навыка собственного философствования, Русь воспринимает символику византийского просвещения без метафизических тонкостей, в непосредственном переживании и делании. С переводами Ареопагита и паламитов с XIV в. на Руси прививается и практика исихии — "Зрю свет, его же мир не имать, посреди келиа на одре седя; внутрь себя зрю

---

[27] Krieck E. Bildungssysteme der Kulturvölker. Leipzig, o. J. S. 340.
[28] Цит. по: Engelhardt U. Op. cit. S. 122.
[29] См.: Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. Избр. статьи. Т. 1. СПб., 1991. С. 72-78; Бычков В. В. Указ. соч. С. 616-617.

Творца миру, и беседую, и люблю, и ям, питаяся добре единым бо видением и съединився Ему, небеса превосхожду"; и концепция обожения/просвещения — "Деиством духовным двигнется душа к онем Божественным и подобна Божеству уставлена будет непостижимым съединением, и просветится лучею высокаго света в своих движених, и внегда сподобится ум почювати будущаго блаженьства, и себе забывает..."[30]. В русских условиях не меньшую роль играло и воплощение идеала такого просвещения в образах, в высокой иконописи Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного, Дионисия.

На языковом уровне под человеком "просвещенным" понимается святой, примеры чему во множестве встречаются в житиях: "Растящу же ему во всяком благовействе и чистоте и просвещенном разуме". Тут же "просветитель" как распространитель христианства, но и книжного учения, как Мефодий и Кирилл, которые "просветиста буквами и научьша ученики црковьному чину испълнь". При этом надо учитывать не только церковный характер учения, но вообще степень сакрализации слова, книги, чтения на Руси. Епифаний Премудрый сравнивает их не с чем-нибудь, а с самой Евхаристией: "причастимся словесы"[31].

Антиномичность ситуации заключалась в том, что высшая мудрость святых, совершенное знание "препятствовало русскому религиозному сознанию включиться в освоение и преобразование мира в его раздельности, неполноте, тварности, ибо погрузившийся в себя дух, открывая истинную действительность, уже не нуждается ... в чем-либо внешнем для него"[32]. Так происходило отставание в обустройстве внешнего мира — чем и занимается культура, либо, если брать ее практический, чисто материальный аспект, — цивилизация. С течением времени на фоне цивилизационных успехов Запада Русь поставлена перед дилеммой национального выживания. В этих условиях государство поворачивает на путь обустройства внутренней жизни, заимствуя западную образованность и отходя от идеала святости.

---

[30] Нила Сорского Предание и Устав (Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXIX). СПб., 1912. С. 28-29.

[31] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 20. М., 1995 (далее — СлРЯ). С. 211, 213-214; Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 216.

[32] Бобков К. В., Шевцов Е. В. Указ. соч. С. 248.

XVII век — начало становления нового представления об образованном человеке. Постепенно вера и разум начинают осознаваться как две разные сферы. Утверждается параллелизм образования церковного и светского, внешняя премудрость из ступеньки к внутренней получает самостоятельное значение. С усложнением, дроблением, украшательством в разных сферах жизни и к уму примеряют барочные завитки: "тако и нам украшати свой ум [грамматикой] достоит". Изменяется подход к знанию. Раньше владение знанием — книжность — не становилось на Руси ферментом для возникновения особого слоя, подчеркивающего свою инаковость, тем "образовательным знанием", о социализирующей роли которого писал Макс Вебер. Между книжниками и народом отсутствовала дистанция, момент рефлексии и элитарности. Теперь и на Руси становится возможным интеллектуальный аристократизм, вместо "узрения сердцем" к истине идут путем научной эрудиции[33].

Слово освобождается от скованности предыдущей эпохи, с упадком иконописи оно становится в центре культуры, свидетельством чему — расцвет силлабической поэзии XVII века. Мастер слова со второй половины столетия занимает — и надолго — центральное место в образованной прослойке общества. Поэт согласно греческому ποιητής, которое на Руси передавали как "мудрец" или "книжник", — ощущает себя сотворцом Бога. Слово он уподобляет Логосу, мир — книге[34]. Неслучайно уже для среды поэтов XVII века, ориентированных на Запад, т.н. латинствующих (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Стефан Яворский и др.) в литературе часто употребляется термин "интеллигенция"[35].

С этого времени и на всем протяжении двух последующих веков в России сохраняется двоезначие в понимании того, что есть "свет" и чем должен быть просвещенный человек; никогда светская или религиозная линия не утвер-

---

[33] Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 450, 520.

[34] СлРЯ. Вып. 7 (1980). С. 200; Вып. 9 (1982). С. 294; здесь и далее см.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ// Из истории русской культуры. Т. III (XVII — нач. XVIII в.). М., 1996. С. 225-226.

[35] См.: Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 129 passim.

ждались абсолютно. Так, у "латинствующих" в традиционное понимание "просвещения" вплетаются новые нотки. Например, в обращении Сильвестра Медведева к царевне Софье: "Найпаче, аще свет нам да явиши/ наук, и россы вся да просветиши". Или, ещё прозрачнее, в размышлениях Николая Спафария о "свободных искусствах", где Аполлон среди девяти "мус" являет образ солнца "яко учение свет есть и ум просвещает, подобно и солнце свет есть и миру сияет"[36].

Во внецерковных кругах реальным содержанием "просвещения" к концу XVII века становится *просветительство* — введение систематического образования по западной модели. Причем в этот период западное влияние, как известно — это прежде всего влияние Польши: широкое употребление наряду с латынью польского и использование опыта иезуитских коллегий определяет образовательный канон[37]. Петр I все еще видел в Польше последнюю просвещенную, в его понимании, страну, арьергард западного мира перед Россией, живущей во "тьме"[38].

Переворот XVII века в петровское время завершается реализацией типа образованного человека, занятого практической деятельностью для нужд государственного обустройства[39]. Однако последующее время демонстрирует постепен-

---

[36] См.: Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 195; Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 545.

[37] Панченко А. М. Цит. соч. С. 225. Ср.: Skubała-Tokarska Z., Tokarski Z. Uniwersytety w Polsce. Warszawa, 1972. S. 77f.

[38] Понятие о "просвещении" у Петра хорошо иллюстрирует его речь 1714 г.: "Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оныя изгнаны, скрылись в Италии, и потом рассеялись по Европе до самыя Польши; но в отечество наше проникнуть воспрепятствованы нерадением наших предков, и мы остались в прежней тьме, в каковой были до них и все немецкие и польские народы ...Теперь пришла и наша череда ... Я предчувствую, что россияне когда-нибудь ... пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках..." (В переложении И. И. Голикова, Деяния Петра Великаго, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд-е 2^е. Т. V. М., 1838. С. 262).

[39] Кстати, среди множества неологизмов этой эпохи впервые мелькает и "интеллигенция", но пока еще в неосновном значении: См.: Биржакова Е. Э., Войкова Л.А, Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.,

ный отход русского образованного человека от государства — конфликт, стоящий для многих у истоков появления русской интеллигенции.

После эпох польского и голландско-немецкого влияния русский мыслящий человек живет в XVIII в., как известно, под "солнцем" французских максим — это усиливает светскую линию в русской концепции "просвещения". Если раньше светское и религиозное в нем тесно и, в общем, мирно сосуществовали[40], то теперь в соотношение двух сфер вносится конфликтность: действительно, "литургия была занозой в теле восемнадцатого века. Архитектура, музыка, живопись — все излучалось из одного центра, а этот центр подлежал уничтожению ... Восемнадцатый век, отвергнув источник света, исторически им унаследованный, должен был разрешить заново для себя его проблему"[41].

Для новооткрытого "света разума" требовались новые формы, которые везде черпались прежде всего из идеала античности. Необязательно дело доходило до театральности "культа разума" Французской революции с алтарями Истины и гимнами к "O Raison, puissante immortelle"; формы и ритуалы создавались в кружках, обществах, ложах — в новом пространстве "общества". В отличие от немцев с их культом греческой эстетики в русском обществе вслед за Францией ценился скорее идеал гражданственности "сурового римлянина"[42]. При этом, живя после "Манифеста о вольности дворянства" фрондером в своем родовом гнезде, русский "Брутус" все более отдалялся от власти: затушеванный до того дуализм власти и истины перерастал в противостоя-

---

1972. С. 364 — зарегистрировано 1711 годом из французского intelligence — сношение, заговор.

[40] Интересный пример первой половины XVIII века — упомянутый у Ю. Лотмана утопический проект Михаила Аврамова 1749 г. о "просвещении непросвещенного народа во всей вселенной", где в понятии просвещения соединялись мотивы просветительские, в петровском духе (печатание книг), с требованием настоящей теократии (специальные государственные уполномоченные должны следить, "все ли находятся в любви христианской") как необходимого условия этого просвещения (Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 689-690).

[41] Мандельштам О. Э. Девятнадцатый век // Он же. "Сохрани мою речь...". М., 1994. С. 416-17.

[42] См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1997. С. 268.

ние носителей власти с теми, кто считал себя носителями истины.

Черпая свой пафос из веры в человека, Просвещение утверждало его высшее достоинство и возможность бесконечного совершенствования через педагогику — это был монументальный проект "педагогического столетия"[43]. "Здесь заключена самая сердцевина Просвещения, для которого столь типична вера в школу; это не только его программа, но в этом и его историческая сила"[44]. На основе этого возросшего веса образования в жизни общества в первой половине XIX века создаются *системы* образования. Две важнейшие из них на континенте — немецкая и французская. Если немецкая модель с новым, научно-исследовательским университетом и гимназией с Abitur как преддверием к нему была построена на принципах универсализма и свободы науки и преподавания (последнее, впрочем, нередко оставалось только декларацией), то система образования во Франции, созданная при Наполеоне, с ее лицеями, коллежами и grandes écoles была выстроена на более утилитарных основаниях. Французскую модель отличала тесная связь между наукой и государством: "служение науке приравнено к службе государству и служению Франции"[45].

Французское и немецкое культурное влияние в России несли с собой также заметно разные ценности и не смешивались в общей "европеизации". Во время революционных бурь происходит постепенная смена парадигм от просвещенческой французской к романтической немецкой. Критически переоценивается то, что с петровских времен было само собой разумеющимся: "...Франция должна бы почесться наипросвещеннейшею страною в свете, потому что она обильнее всех прочих своими писателями. Но сколь при всей её блистательной учености далеко еще отстоит она от ис-

---

[43] См.: Oelkers J. Aufklärung als Lehrprozeß // Aufklärung, Bildung und Öffentlichkeit. Pädagogische Beiträge zur Moderne. Hg. v. J. Oelkers. Weinheim — Basel, 1993. S. 9-23.

[44] Зеньковский В. В. Церковь и школа// Вопросы религиозного воспитания и образования. Вып. 1. Париж, 1927. С. 29-30.

[45] См.: Charle C. Intellectuels, Bildungsbürgertun et professions au XIXe siècle // Actes de la recherche en sciences sociales. 106-107, Mars 1995. P. 88ff.; Ringer F. Fields of knowledge. P. 26ff.

тинного образования. Ибо там, где царствует просвещение, там спокойствие и блаженство суть уделы каждого гражданина"[46]. Тут "просвещение" и "образование" равноправны и обозначают состояние устроенности, спокойствия в личности и государстве — более близкое к Германии с гётевским идеалом ruhige Bildung ("умиротворенного образования"), чем к мятежной Франции.

Эти процессы отразились в русском языке: после потока калек с французского в XVIII веке со второй четверти века следующего новая волна неологизмов падает на кальки с немецкого. Определяется русский философский язык, осваивается мир логоса. С начала XIX в. немецкое Bildung передается понятием "образование", которое получает расширительный смысл[47]. Интересно при этом, что "образованный", в смысле "разумно устроенный, упорядоченный", согласуется с русской допетровской традицией. Так, у Иосифа Волоцкого "образованность" — космос в лоне церкви: "Ничто же тако *образованну* нашу устраяет жизнь, яко же еси в церкви красование. ... Церковь иже от человека наветы вся отъят, и покой дарова"[48].

Очевидно, в понятии "образования" отразился средневековый онтологизм — ощущение устроенности, укорененности человека в определенном месте бытия, и в этом смысле калькирование с немецкого было узнаванием "своего чужого". "Образование", как и Bildung, обозначает ведь и процесс, и результат обучения, совокупность полученных знаний, и в этом смысле имеет некий нюанс законченности, совершенности, отсутствующий во франко-английских instruction и education. Можно сказать, что наряду с исторической преемственностью в русском "образовании" изначально заложены общая с немецкой Bildung некая глухая оппозиционность характерному для Нового времени "гносеологиз-

---

[46] Пнин И. П. Опыт о просвещении относительно к России (1804) // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до 60-х гг.) (далее — АПМР). М., 1987. С. 76.

[47] Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires// Revue des études slaves. T.12. P., 1932. P. 39; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 3. С. 106.

[48] Цит. по: Казакова Н. А., Лурье А. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV- начала XVI века. М.-Л., 1955. С. 353-354.

му" — пафосу незавершенности, беспредельного и самоценного познания[49].

В общем, в случае с "образованием" действует тот же принцип, что и с "просвещением". Под немецким влиянием допетровское "образовати" — "создавать образ, придавать форму" (греч. μορφόω) — соотносится с человеком. "Воспитание, — согласно В. Жуковскому, — должно образовать человека, гражданина, христианина. Человек — здравая душа в здравом теле. Гражданин — нравственность, просвещение, искусство, самостоятельность. Христианин — подчинение всего человека вере"[50].

В XIX — начале XX вв. "просвещение" и "образование" сосуществуют. За "просвещением" закрепляется смысл более общий, идеальный, при том что не может не влиять параллельное употребление термина в церкви в его древнем значении, тогда как не "отягощенное" прошлым "образование" получает оттенок более формальный и светский. Так, по Далю, разница между "просвещать" и "образовать" в том, что последнее имеет и значение "придавать наружный лоск, светское обращенье"[51].

"Сущность образования" должна "определиться по идеалу просвещенного человека", — пишет в 80-х гг. XIX в. педагог В. Я. Стоюнин. А просвещенный человек — это "тот, кто через научные познания развил в себе высшие понятия,

---

[49] Ср.: Бычков В. В. Русская средневековая эстетика. С. 73 для России. Для Германии ср. утверждение М. Шелера о том, что смысл мира заключается "не в бесконечном процессе познания познтивных наук, а в ... добротно и благородно оформленном *бытии* человека, в *богоосуществлении* ", которое он отождествляет с Bildung (Шелер М. Указ. соч. С. 31) и, с другой стороны, К. Ясперса (оба высказывания 1920-х гг.): "Содержание познания ... в принципе безгранично и не завершено... Отсюда и окрыляющий смысл науки, и внезапно возникающее затем ощущение бессмысленности" (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 102).

[50] Характерно, что "просвещение" отнесено к "гражданину" — XVIII век все же не прошел даром. Н. Карамзин тоже пишет о "гражданском просвещении", подразумевая, очевидно, разницу его с религиозным (Жуковский В. А. Что такое воспитание? (1845) // АПМР. С. 127; Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России (1803) // Там же. С. 65).

[51] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2. К. 1580–1581, Т. 4. К. 1328.

которые определяют человеческую жизнь в ее отношениях ... к природе и обществу"[52]. Туманность и произвольность этих "высших понятий" позволяет делать с просвещением все что заблагорассудится. Не случайно историю светского концепта "просвещения" в России венчает слово-уродец "Наркомпрос". При большевиках термин "просвещение" постепенно сходит на нет. Академический словарь 1961 г. еще регистрирует столь же уродливые неологизмы "просвещенец" и "просвещенка" (!) с пометкой "устар." религиозного значения термина. Реально с послевоенного времени на место "народного просвещения", заимствованного из лексикона земской интеллигенции, встает "народное" и просто "образование". В то же время отрицательные термины "просветительство" и "образованщина" оттеняют главное для России понятие образованного человека как части "интеллигенции"[53].

Вне зависимости от того, считать ли "отцом" этого понятия публициста и писателя П. Д. Боборыкина, конкретное авторство играет второстепенную роль. Важно понять, какие потребности общественного и духовного развития вызвали к жизни новое слово и новую концепцию. История понятия "интеллигенция" со средних веков до первой половины XIX в. в Западной Европе иллюстрирует перенесение intelligentia/ νοῦς христианской личности на секулярное общество по мере роста потребности в автономном общественном *само*осознании.

На первом этапе, в 30-40 гг. XIX века, от intelligentia как *личной способности* появляются абстрактные производные: французское intelligence publique (Гизо, Мишлен и др.), intelligence humaine О. Конта — исторический разум, сознающая способность нации или человечества вообще. Эта идея получила у Гегеля универсальность и законченность,

---

[52] Стоюнин В. Я. Заметки о русской школе (1881) // Он же. Педагогические сочинения. СПб., 1892. С. 418-420.

[53] Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1961. Т. 11. К. 1342–1343; Солженицын А. И. Образованщина (1974) // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С. 125-149. "В просветительстве мало истинного *света*, — пишет в 1969 г. В. Ф. Кормер, — если бы мы были честнее, нам следовало бы подыскать этому комплексу аффектов другое обозначение. Немецкое нейтральное "культуртрегерство" было бы здесь и то уместнее" (Вопросы философии. 1989. № 9. С. 76).

воспринятые в России[54]. Немецкое Intelligenz — сознание, прежде всего правовое, которое, по Гегелю, народная масса "делегирует" отдельным своим представителям — управляющему государством "среднему сословию" (в этом смысле Пруссию называли "государством интеллигенции"/Staat der Intelligenz)[55].

Привязка "интеллигенции" к определенной общественной группе логично повлекла за собой следующий этап. Помимо абстрактной способности "интеллигенция" стала и коллективным обозначением того слоя, которому эта способность приписывалась. В привычном для русских значении термин "интеллигенция" определяется с николаевского царствования, с конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в. Запись Жуковского 1836 г. о петербургском дворянстве как "русской европейской интеллигенции"[56] — первый единичный пример еще не оформившегося употребления понятия.

В те же годы термин inteligencja утверждается в Польше. Интеллигенцию народа, — писал философ-гегельянец Кароль Либельт в 1844 г., — "составляют все те, кто, получив в высших школах и институтах глубокое и универсальное воспитание, возглавляют народ — ученые, служащие, учителя, духовенство, промышленники, — словом, те, кто предводительствует народом по праву своего высшего просвещения. Народные массы, словно огромные пласты земли, лежат вне этого класса, и он вздымается над ними ввысь"[57]. Ко

---

[54] Ср. И. В. Киреевский об этом: "... В организме народов, основывающих свои убеждения единственно на своих личных разумениях, голова философа является как необходимый естественный орган, через который проходит все кругообращение жизненных сил, от внешних событий возвышаясь до внутреннего сознания и от внутреинего сознания снова возвращаясь в сферу очевидной исторической деятельности." (Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 252).

[55] Зд. и далее см. Müller O. Op. cit. S. 50–85; Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 611–613.

[56] См.: Шмидт С. О. К истории слова "интеллигенция" // Россия — Запад — Восток. Встречные течения. М., 1996. С. 409-417.

[57] Libelt K. O miłości Ojczyzny, цит. по: Czepulis-Rastenis R. "Klassa umysłowa". Inteligencja Królestwa Polskiego 1832–1860. Warszawa, 1973. S. 6-

времени Январского восстания в Польше (1863 г.) понятие inteligencja утверждается с оттенком жертвенной "народности", так хорошо знакомой нам по русским 60-м — 80-м гг. XIX в. Имя интеллигенции, гласит польская статья 1861 г., "требует понимания народного дела, любви к нему, труда и самопожертвования ради него, словом, требует любви к Отечеству..."[58] Только если в Польше "народное дело" неотделимо от национальных чувств, то в России та же формула носит социальный, а в глазах многих — антинациональный оттенок.

Постоянное мелькание "польской" темы в русской публицистике начала 60-х гг. XIX в., стремление противопоставить польской inteligencja в западных губерниях соответствующий русский слой составили поле пересечения национальных концептов. Скорее всего, "польский" путь — один из путей (тем более уже опробованный в XVII веке), которым концепция "интеллигенции" проникает в Россию — наряду с непосредственным влиянием Франции и Германии[59].

Очевидно, в формировании русского понятия "интеллигенции" сказывается в целом кризисность развития русского общества. Вообще потребность в самоопределении, самосознании естественно возникает прежде всего там, где намечается или уже наступил кризис. Здесь актуальна intelligentia в более глубоком, чем "практический разум", смысле. Чтобы называться "общественной совестью", надо быть человеком "знающим", а уже потом "сведущим" или "умеющим". Знающий, "что делать?" — оптимистический тип деятельного интеллигента; или *не* знающий — чеховский тип "Скучной истории" ("Вы умны и образованны... Скажите же мне, что мне делать? — По совести, Катя, не знаю").

Знание скорее "спасительное", чем "образовательное", мир не преобразуется практически, а осваивается духовно — русская интеллигенция опять возвращается к парадигматике

---

7. Ср. также: Wójcik Z. Rozwój pojęcia inteligencji. Wrocław i. i., 1962. S. 21ff.

[58] G. Ch. O inteligencji w znaczeniu polskim (1861), цит. по: Czepulis-Rastenis R. Op. cit. S. 7.

[59] Müller O. (Op. cit. S. 141ff.) подчеркивает при этом прежде всего роль публицистических трудов И. С. Аксакова, посвященных "польскому вопросу".

допетровской Руси, только "свет" теперь замещает сфера отвлеченного разума. За интеллигентским "просветительством всегда прячется надежда секуляризованного человека, что отвлеченное знание спасет мир от хаоса"[60]. Тут, по сути, мечта об идеальном человеке вообще и о его воплощении в качестве нравственного ориентира в новой послепетровской России, который должен ее представлять перед лицом мира; "наш ответ Керзону" на идеал буржуа Нового времени.

Очевидно и то, что "интеллигентность" — параллель к "святости": и в "обоженной" личности, и в интеллигенте развита концепция идеального человека через приобщение к спасительному знанию. Между этими двумя эталонами происходил поиск обличья нового мыслящего русского человека, их непересекаемость воспринималась как трагедия. Чехов, например, пытается примирить одно с другим в своем "Черном монахе", но итог — интеллигент сходит с ума и гибнет — вполне характерен. Гносеология эпохи не давала иных возможностей, и тут нельзя не привести образной характеристики Мандельштама: "Познавательные способности девятнадцатого века не стояли ни в каком соответствии с его нравственным ростом. Ничего, кроме зрения, пустого и хищного, с одинаковой жадностью пожирающего любой предмет, любую эпоху... Все науки вместе шарили по беззвездному небу ... своими методологическими щупальцами, не встречая сопротивления в мягкой отвлеченной пустоте"[61]. "Наслаждение познанием"[62] с иного берега выглядело как ветхозаветная "похоть знания"[63].

Из смешения "спасительного" и "образовательного" знания в русском представлении об "интеллигенции" происходят многие ее характерные черты. Это стремление к целост-

---

[60] Кормер В. Ф. Указ. соч. С. 76.

[61] Мандельштам О. Э. Указ. соч. С. 414-416.

[62] "Черный монах" говорит интеллигенту Коврину: "Без вас, служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно ... Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды... Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания..." (Чехов А. П. Избр. в 3 тт. Т. 2, М., ИХЛ, 1964. С. 326).

[63] См.: Арх. Иоанн (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. СПб., 1997. С.5-6.

ности, космизму, популярность обобщений и синтеза. Отсюда кровная связь русского интеллигентского мироощущения с немецкими философскими системами — хотя в то же время немецкий пафос середины/goldene Mitte, ему далек. Непредставима в устах "классического" русского интеллигента фраза Гете о том, что по сравнению с гениальными крайностями "золотая середина куда полезнее; наверное, потому все большие художники и поэты происходят из средних сословий"[64]. Как на социально-историческом уровне в России проблематично существование среднего слоя и гражданского общества, так и в системе культурных символов проблематично понятие "середины", "центра".

В соответствии с первоначальным смыслом русского понятия интеллигент как раз "*не*образован", поскольку, по выражению "Вех", "безбытен"[65], всякая обустроенность отдавала для него "пошлостью" и "плотью мещанской". В этих условиях "святой" и "интеллигент" стали противоположными типами по-разному "образованного" человека — еще в середине XIX в. И. В. Киреевский заметил, что "противоречие основных начал двух враждебных друг другу типов образования есть главная, если не единственная причина всех зол, которые можно видеть в русской земле". Идеал "единого знания" Ареопагита превращался в этих условиях в "титанизм", свойственный в равной мере и русскому интеллигенту, и немецкому "образованному бюргеру" — иллюзия целостного знания о мире служила истоком для всех учений о его "переделке"[66] и основанием для разных суррогатов целостности — будь то антигосударственность русского или государственничество немецкого образованного слоя.

Концепция целостного образованного человека потерпела в Германии поражение: катастрофы I мировой и фашизма нанесли "образованному бюргерству" смертельный удар, а

---

[64] Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Ереван, 1988. С. 149.

[65] Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909–1910. М., 1991. С. 64.

[66] Ср.: Glaser H. Bildungsbürgertum und Nationalismus. Politik und Kultur im wilhelminischen Deutschland. München, 1993. S. 59-73; Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М., 1983. С. 359.

после 1968 г. его реликты в Западной Германии окончательно превратились для нового поколения в "образованных филистеров", как окрестил их еще Ф. Ницше. Традиционная концепция Bildung, согласно одной из последних энциклопедий, "не поднялась до критического анализа вновь возникающих социальных проблем, духовных запросов и политических структур индустриального общества" и "стоит скорее на пути необходимой переориентации"[67].

Конечно, подводить какие-то итоги развитию понятия "образованного человека" бессмысленно. Но определенные тенденции последних десятилетий лежат на поверхности: во Франции и в Германии, в Польше и в России с небольшой разницей во времени, используя одни и те же аргументы, в одних и тех же выражениях говорят об ожидаемой или реальной замене интеллигентов, intellectuels, Gebildete унифицированным типом специалистов, профессионалов, об изменении общественной роли знания с "массовизацией" образования и глобализацией мира. О развивающихся и в этой сфере процессах унификации свидетельствует язык, общая популярность концепции "интеллектуалов" не французского типа, а скорее англосаксонского образца intellectuals, профессиональных мыслителей (braineggs), не претендующих на какую-либо миссию, существующих в рамках своей субкультуры — в общей устойчивой, стабильной, профессиональной культуре "среднего класса"[68].

Эти процессы стимулируют, как обычно бывает, поиски такого рода универсального типа образованного человека из обратной перспективы. Место характерного до того интереса к революционной, радикальной, критической — в широком смысле "антибуржуазной" — деятельности образованного человека заняло внимание к его "малым делам", его роли устроителя преобразованного мира и стабильного общества

---

[67] Meyers Neues Lexikon in 10 Bänden. Bd. 2. Mannheim etc., 1993. S. 59.

[68] Ср. Wacquant L. Misère des academics américains // Liber. Revue internationale des livres. Les intellectuels. N 26 (Mars 1996). P.1-2; Intellectuals in Twentieth-Century France: Mandarins and Samurais. Ed. by J. Jennings. NY, 1993; Zarnowski J. Intelektualiści // Encyklopedia socjologii. T. 1. Warszawa, 1998. S. 334-337; Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 4 и др.

среднего класса[69]. Пафос здесь, извлеченный из горьких уроков XX века, — в предостережении образованного человека от любой миссии, от возложения на знание идеологических функций — противоположно классическому intellectuel Ж.-П. Сартра, который по определению "вмешивается в то, что его не касается"[70].

И все-таки иллюзия бесценностного знания, свойственная нововременному мышлению, не может до конца удовлетворить потребности общественного самосознания. Опыт "другого знания", на которое опиралась "мистическая педагогика", остается актуальным и для личности, и для общества. Проблема синтеза, которая все время упоминалась выше, не может быть решена только признанием плюрализма истин — во все новых вариантах она будет ставится и в дальнейшем.

Возвращаясь к русской интеллигенции — трудно не заметить после деморализации советской эпохи и бесконечных дискуссий последних десятилетий определенную исчерпанность, "усталость" концепции "интеллигенции". Уже давно написано о смерти языковой оболочки понятия и необходимости нового слова, образованного "не от 'понимать, знать', а от чего-то *духовного* ..." (выделено в оригинале. — *Д.С.*)[71]. Однако русский XX век вынес и положительный опыт, который еще ждет общественного, а не только интеллектуального восприятия. "Синтез веры и знания" не может дать *слоя* "церковной интеллигенции", "которая подлинное христианство соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач"[72]: как часть пространства "общества", "слой" — не тот уровень, на котором такое примирение возможно. Но оптимистический итог развитию и, может быть, оправдание "интеллигенции" было найдено в том, что этот синтез возможен для *личности* и, следовательно, "конфликт"... "знания и веры" есть конфликт не существующий"[73].

---

[69] Ср. статью М. Хильдермейера в настоящем сборнике.

[70] Цит. по: Dictionnaire des intellectuels francais. Les personnes. Les lieux. Les moments. Sous la dir. de J. Juillard , M. Winock. P., Seuil, 1996. P. 11.

[71] Солженицын А. И. Образованщина. С. 146.

[72] Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. С. 42; Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 81.

[73] Арх. Иоанн (Шаховской). Указ. соч. С. 4.

ОБРАЗОВАННЫЙ СЛОЙ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РАЗВИТИЕ В РОССИИ ДО 1917 ГОДА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ

Манфред Хильдермейер

Заявленная тема не нова и обсуждалась уже множество раз. Она относится к "классическим" вопросам становления политических систем. Ни либерализм, ни национальное движение, ни демократия — саморегулирующиеся и в этом смысле кибернетические системы — немыслимы без распространения образования. Современную демократию всегда отличало поэтому и существование социального слоя, отличительной приметой и чертой которого являлось наличие особой квалификации. Однако термины, обозначающие этот слой и его роль в политическом процессе, были и остаются очень разными. В значительной мере здесь находит выражение различное социальное и политическое развитие в отдельных странах, связанное с разным влиянием и характером государства.

Необходимо вначале кратко назвать некоторые понятия и концепции в этом ряду. Они образуют своего рода фонд, из которого черпаются размышления об историческом развитии России на рубеже XIX–XX вв. Затем некоторые предварительные замечания призваны пояснить стратегию и обрисовать поле исследований, обещающее, с моей точки зрения, наибольшие успехи.

В Центральной Европе раннего Нового времени людей, важнейшим капиталом которых было не владение материальными ценностями, а знаниями и мыслительными способностями, называли, как известно, "образованными" (Gebildete), а не "интеллектуалами". И в ретроспективе хотелось бы остаться при таком понятии. Повод к этому дает не толь-

ко терминологический историзм, для которого важна точность понятий, — иной была сущность обозначаемого явления. Положим, юристы и камералисты, получавшие образование в центральноевропейских государствах, также обязаны в значительной мере своей ролью и занимаемыми постами соответствующей квалификации. Ведь университет, которым в Германском Рейхе обзаводился чуть ли не каждый земельный князь, служил именно такой цели — удовлетворить растущие потребности в соответствующем знании. Однако это знание было настолько тесно связано с государственной службой, что носители знания выступали только в качестве государственных служащих, а не как особые лица, имеющие квалификацию. То же относится ко второй большой группе образованных людей в этот период — протестантским пасторам, которые, как известно, должны были закончить университетский курс, и католическим священникам, обучавшимся в иезуитских коллегиях Контрреформации.

Когда же в XVIII в. впервые возник небольшой круг лиц, которые *жили независимо* от службы государству — издателей, поэтов, библиотекарей, публицистов и ранних журналистов — их не называли "образованными людьми", поскольку за это время изменился главный духовный идеал: на место "обучения" (Ausbildung) пришло "образование" (Bildung) в смысле *формирования целостной личности*. Просвещение не удовлетворялось более простым преподаванием профессионального знания и внешнего "ноу-хау" — а именно в этом состояло юридическое и камералистское образование XVII века, — но стремилось изменить характер образованного человека, расширяя его духовный горизонт. Новое понятие об образовании было шире, оно охватывало больше, чем просто чтение, включало в себя опыт, о чем свидетельствуют великие "образовательные романы" XVIII столетия, но в основе своей опиралось на *знание*. Однако это знание было более ориентировано на внутреннее "Я" в соединении с окружающим миром и направлено на изменение обоих.

Образование/Bildung было (и остается) в этом смысле *рефлексивно*. Именно этим не в последнюю очередь отличается оно от чисто профессионально-технического умения или способности, стоящего в центре обучения/Ausbildung. Строго говоря, "интеллектуалы" появились только с рожде-

нием такого критического отношения к себе и своему окружению в образовательном идеале просвещения. До сего дня интеллектуал отличается от обычного специалиста тем, что свое знание и свой испытанный разум он использует и применительно к *себе*. В антиинтеллектуальном консервативно-националистическом дискурсе межвоенного времени это формулировалось следующим образом: интеллектуалом называется тот, кто не соответствует собственному разуму (определение "Большого Брокгауза" 1941 г.). За этим всегда читалось противопоставление *специалисту*, умения которого были, как известно, "нейтральны", а потому востребованы и использованы авторитарно-диктаторскими режимами.

Совершенно очевидно, что появление понятия и самого феномена "образования" не случайно практически совпало по времени с появлением понятия и феномена "*общественности*" (Öffentlichkeit). Оба термина были неразрывно связаны друг с другом. "Образование" подразумевало не только рефлексивное по отношению к себе использование способностей разума для самосовершенствования, но и определенные представления об основных необходимых для этого политических условиях. Автономный разум требовал самоопределения и свободы, которая в конечном итоге не должна была остаться только личной свободой. Если личность могла в конечном итоге изменяться к лучшему только *в контексте*, то этот контекст должен был быть *открыт* для совершенствования.

В таком симбиозе личного и общественного самоопределения — глубинная, фундаментальная причина сходства между Просвещением и той формой политической организации, которая нашла свое последовательное выражение в демократии или парламентской монархии. Поскольку, однако, политическая организация на Европейском континенте в XVIII–XIX вв. везде, за исключением революционной Франции, была *традиционалистско*–династической, ориентирующаяся на автономное существование "общественность" несла в себе в то время определенный *критический* потенциал.

В этом заключена центральная идея концепции "гражданской/буржуазной общественности" (bürgerliche Öffentlichkeit)

у Ю. Хабермаса[1]. "Общественность" — это ориентированный на сферу политики, т.е. как бы "деприватизированный", вариант общественной (публичной) жизни (Geselligkeit), понятой как общение лицом к лицу, т.н. "модель кафе" (Kaffeehaus-Modell). "Общественность" подразумевает свободное (в том числе свободное от механизмов политического господства) обращение к здравому смыслу, поэтому эта модель остается критически–оппозиционной, пока господствующая власть и контролируемая ей публичная сфера не соответствуют функциональным принципам самоопределяющегося разума.

Собственно, понятие "гражданской/буржуазной общественности" — это скорее *идеальный тип* в понимании Макса Вебера, не существовавший в таком виде в реальности. Он черпает право на существование из противопоставления "общества" и "государства". Однако в Англии "public sphere" всегда несколько отличалась от "bürgerliche Öffentlichkeit". Тут отсутствовала безусловная оппозиция государству, сформированному на основе до-рационального династического, "монархического принципа", как говорили в XIX веке. Впрочем, это не является аргументом против самой концепции. Известно, что идеальный тип per definitionem существует за счет подчеркивания лишь *характерных* признаков, жертвуя исторической точностью. Его эвристическая ценность – это должны принять во внимание и историки – компенсирует неточность в деталях. Однако несовпадение с "реальным типом" дает повод к двум ограничениям.

Во-первых, необходимо пояснить, что этот тип был привязан к определенной фазе исторического развития Центральной Европы. Юрген Хабермас в предисловии к переизданию 1990 г. его книги по истории "общественности" признавал, что он недостаточно обдумал процесс воздействия сферы власти на публичную сферу, названный им "Vermachtung" (проникновение, воздействие власти). Это касалось в особенности манипулирования общественным мнением со стороны развивающихся масс-медиа. Разумеется, сред-

---

[1] Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied a. Rh. – B., 1965. Двузначный перевод на русский термина "bürgerliche Öffentlichkeit" обусловлен известной комплексностью немецкого понятия "Bürger", которое соединяет в себе значения "гражданин", "горожанин" и "буржуа" — Прим. пер.

ства массовой информации утвердились в разных странах в разное время. Остается также неясным, в какой мере они усиливали критику или же подчинялись государственной власти. Тут определенно простирается некая новая область, требующая новых понятийных и концептуальных схем.

Во-вторых, наряду с идеями необходимо сделать больший акцент на *интересах*. Конечно, просвещенные умы стремились изложить свои представления о публичной сфере применения разума в интеллектуально отточенной форме. Однако для осуществления этих идей им была необходима, как это было и будет всегда, поддержка *многих*. При этом остается открытым вопрос о том, что руководило этими "многими" — убеждения и, по выражению Канта, "бескорыстная благожелательность", либо с этим соединялись *также* "жизненно-материальные" соображения. Сторонники "культурной истории" определенно правы в том, что "нематериальным" идеалам и ценностям в деятельности людей следует уделить большее значение, чем это было до сих пор. Во всяком случае, лишь *сочетание* идеала общественного самоопределения как необходимого контекста саморефлексивного применения разума с чаяниями (материальными и нематериальными) *широкого* социального слоя объясняет, почему либерально-демократическое движение приобрело на протяжении XIX в. такой размах.

Фундаментом, основанием для этого являлся, с моей точки зрения, главный процесс Нового времени — эмансипация личности, которая с конца XVIII в. обрела новое, политическое измерение. Это, в свою очередь, было теснейшим образом связано с растущими запросами к квалификации индивидуума. Чем квалифицированней была непрерывно расширявшаяся часть общества, тем больше был потенциал требований широкого самоопределения в общественно-политической сфере — во всяком случае, пока в XX в. не появилось государства с качественно иной степенью применения насилия и манипуляции массами. Этот симбиоз квалификации, личной эмансипации и политической демократизации иллюстрирует тезис историка Лотара Галля, сформулированный 25 лет назад, о том, что конечной целью развития было не "буржуазное классовое общество" ("bürgerliche Klassengesellschaft"), а "бесклассовое общество граж-

дан" ("klassenlose Bürgergesellschaft"). Галль выводил такое развитие из утопии всеобщего распространения модели участия в общественно-политической жизни на основе самоопределения личности, модели, лишь *частично* совпадавшей с ограниченными социальными интересами.

Таким образом, можно исключить из либерально-демократической модели устройства общества и его публичной сферы по меньшей мере четыре атрибута, до сих пор связывавшихся с ней и затруднявших применение концепции. Итак, от "общества граждан" и "гражданской/буржуазной общественности" следует отделить:

1) социальный субстрат под названием "буржуазия" (Bürgertum). Это уже стало трюизмом, но по отношению к российской истории еще недостаточно принимается во внимание. "Гражданственность" (Bürgerlich*keit*) как собирательное понятие для совокупности определенных *ценностей, норм, традиционных способов мышления и образов поведения* существовала и *независимо* от широкого общественного слоя граждан/бюргеров/буржуа. Это утверждение не означает, что не было в целом потребности в социальном носителе для распространения и закрепления соответствующих ментальностей. Но оно допускает возможность, что такую функцию могли взять на себя *другие слои*. В зависимости от обстоятельств это могло быть дворянство или государственные чиновники, а в неевропейских странах, возможно, и часть религиозно-церковных групп. Собственно, предпосылкой тут выступала только определенная *образовательная квалификация*, на основании которой было возможно в принципе восприятие внешних идей. В этом смысле понятие "гражданственности"/Bürgerlichkeit вписывается и в размышления о формах и вариациях отношений между государствами и обществами. Bürger*tum*/"буржуазия" как социальный слой не может быть перенесена в иную среду, тогда как Bürgerlich*keit*/"гражданственность" — вполне. Так называемая теория отставания ("теория догоняющего развития") не учла *этот* аспект взаимообмена. И здесь сказывалось влияние штампов Александра Гершенкрона, который, как известно, был экономистом. В противовес такому сужению есть смысл напомнить, что могут перениматься и *идеи* — от художественных вкусов до политических представлений.

2) "общество граждан" и "гражданскую общественность" необходимо отличать далее как от эксплицитной *оппозиции против государства*, так и от существования *свободного пространства*, которое возникло бы для них при отсутствующем государстве. Автономная деятельность по собственному побуждению не обязательно должна быть направлена *против государства*. Она не обязательно должна быть политической. Она может развиваться в *предполитической, до*политической сфере, и в силу этого остаться *незамеченной* властью, и тем не менее создать *иную* форму общественности и публичной жизни, чем те, которые свойственны идеально-типическому обществу верноподданных. Это одинаково верно и для союзов велосипедистов, и для читальных клубов, и для ученых обществ. Здесь образовывались новые сети индивидуумов различных профессий и разного происхождения. Их объединяли конкретные интересы, которые лежали в основе обществ и прочих объединений. Предпосылкой опять-таки был определенный *уровень квалификации и образования*. В остальном же, говоря отвлеченно, *формирование сообществ* (Vergemeinschaftung) проходило не по традиционным критериям сословий, регионов, местожительства или вероисповедания, а в зависимости от *конкретных и очень различных целей* новых объединений.

3) "общество граждан" и "гражданскую общественность", несмотря на их связь с *универсальными* интересами гражданственно ответственных членов общества, необходимо отделять от *коллективных социальных интересов*. Для защиты частных интересов, по крайней мере в поздней фазе развития "общества граждан", существовали организации, обычно именуемые союзами интересов (Interessenverbände). В России, к примеру, образовались лоббистские союзы интересов — биржевые комитеты, банковские ассоциации, союзы промышленников, заявлявшие о своих специфических нуждах. Как показывает история царской империи, они смогли обойтись без общественности, демократии и парламента. Они не были ни прототипом, ни частью саморегулирующейся общественности, существующей в парламентской политической системе. Они просто представляли собой *нечто иное*.

4) Наконец, надо избавиться от представления, что "общество граждан" и "гражданская общественность" долж-

ны обязательно опираться на широкий слой, на некое минимально необходимое большинство. Конечно, массовые движения, которые распространяют *в том числе* и либеральные идеи, как, например, национальное движение, или соответствующие традиции, как свободы городских граждан, содействовали целям "общества граждан". Однако нельзя исключить (хотя эти размышления скорее следуют логически, чем обоснованы исторически), что для этого достаточно обеспечить поддержку "стратегических элит". Элиты могут служить питательной почвой — как, например, общества ликвидации неграмотности для возникновения национализма. Элиты могут оказывать такое влияние прежде всего в обществах, которые в социоэкономическом отношении *не* относятся к буржуазным/bürgerlich. Предпосылкой для такого поведения элит служит существенная *открытость* по отношению к подобным идеям и способность взять на себя заботу о будущем социума. И в этом отношении особая роль и задача выпадает образованным людям. Они могут стать *заменой* "буржуазных/гражданских" слоев — и это уже не новая мысль; но не потому, как считал Троцкий и прочие марксисты, что образованные люди сами "буржуазны", а потому, что прежде всего они имели в себе необходимые *духовные* предпосылки и широту духовного горизонта.

Безусловно, подобные размышления не в последнюю очередь преследуют цель создать концепцию "общества граждан", которая была бы применима и для других условий. Сравнительные понятия и приемы интерпретации такого рода должны сохранять нелегкий баланс между идентичностью центральной идеи и гибкостью рамочных условий на периферии. О разграничении ядра и периферии можно спорить; его необходимо устанавливать в каждом конкретном случае. Однако если локализовать ядро, идентичность по цели и по содержанию, то у одного и того же явления могут быть в разное время и в разных контекстах разные носители. Ядром "гражданского/буржуазного общества"/bürgerliche Gesellschaft было бы в этом смысле то, что называют теперь для разграничения с XVIII веком и "буржуазией" в социальном смысле просто "гражданским обществом"/ *Zivilgesellschaft*/ civil society. При всем непомерно широком употреблении этого термина за последние полтора десятка лет содержание

его все же не абсолютно произвольно. Это всегда *понятие, противоположное* авторитарным концепциям политического устройства и характеризуемое по меньшей мере *двумя основными определениями*:

1. *Автономия* в смысле отсутствия побуждения извне, и

2. *Плюрализм* в смысле отсутствия доминирующей силы, будь то государство, церковь, армия или одна господствующая партия.

"Гражданское общество" в этом понимании несовместимо ни с авторитаризмом, ни с клерикализмом, милитаризмом или монополией одной или нескольких партий. Ее основополагающий принцип – *сбалансированность* и равновесие. А такое равновесие достигается в дифференцированном обществе представительством различных интересов и конкуренцией различных идей или по меньшей мере *стремлением* к этому. Там, где процесс находится еще в начальной стадии или слишком сильны традиционные институты, такие, как государство, появляются сдвиги и замещение функций. И этой *основополагающей идеи* следует придерживаться при любых сравнениях между развитием в различных контекстах, в разном временном протяжении и с различной динамикой. Но в *функциональных эквивалентах* следует видеть не *другое* развитие, а *варианты* на пути к одной *схожей по сути* общественно-политической системе.

В таком духе в последние годы произошла *переоценка* дореволюционной русской истории в целом и элементов "гражданского общества" в ней в частности. При этом особая роль отводилась и отводится "образованным слоям" в широком смысле слова. Не без основания нашумевший американский сборник имеет подзаголовок "Образованное общество и поиск общественной идентичности в поздней Российской империи"[2]. Сборник вышел в свет уже в 1991 году, а подготовлен был, следовательно, еще ранее — это доказывает помимо прочего, что распад СССР и глубинные политические изменения были лишь *одним* из многих импульсов для перемен в исторической науке. Наряду с *внешними* мотива-

---

[2] Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Ed. by Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, James L. West. Princeton, NJ, 1992.

ми, от которых зависит любое историческое исследование, сыграли роль причины внутренние, методологические, по крайней мере на Западе. Не случайно эту переоценку предварил отход от социальной истории 1970–1980-х годов и поворот к *культурной* истории.

Хотя остались некоторые прежние объекты исследования, например земства, однако основные перспективы изменились. Вместо протяженных по времени структур и не подвергаемой сомнению обратной перспективы ставятся вопросы предпосылок, *фрагментарного* развития и *потенциала* такого развития. При этом избираются разнообразные стратегии различного масштаба. Большинство из них связано — и это закономерно — с разными видами *образования,* будь то эстетическое или профессиональное, а также с *городами* и *высшими слоями* городского населения. По другому и быть не может, так как большинство форм (хотя, конечно же, не все) самостоятельного общественного участия исходит от *элиты*, владеющей собственностью и образованием. Некоторые из новых вопросов касаются роли образованных *слоев* в более узком смысле — т.е. имеющих *"академическую"*[3] *квалификацию высшего образования.*

Пока эта переоценка, по моему мнению, не дала далеко идущих результатов. Упомянутый американский сборник остается наброском новых подходов к известным в большинстве своем предметам исследования и до сих пор не нашел последователей. Собственно, действительно основательно исследовано, и не в последнюю очередь российской стороной, лишь меценатство в кругах крупной буржуазии. Однако мне кажутся многообещающими попытки в широком смысле перенести на почву российской истории размышления в контексте *исследований буржуазии и гражданского общества (Bürgertumsforschung).*

Интерес при этом направлен, во-первых, на более глубокий, как бы неосязаемый уровень — на преимущественно неформальные общества в предполитической сфере. Часто упоминающиеся *"сети"/networks* занимают место организаций; формальные объединения уступают в исследователь-

---

[3] Понятие Akademiker ("академик") в Германии включает в себя в отличие от российского всех, имеющих высшее образование — Прим. пер.

ской стратегии приоритет свободным ассоциациям. Унаследованные из прошлого, основанные на "объективных" критериях категории отвергаются как огрубляющие и искажающие историю. Вместо этого прилагаются усилия, чтобы раскрыть *"тонкие структуры"* внутригородской коммуникации. Вопросы в меньшей мере направлены на классы и слои, в большей — на связи и контакты в различных сферах деятельности субъектов и групп. Говоря упрощенно и образно, анализ следует не за прямыми, горизонтальными и сопряженными линиями, а за непостоянными формами, которые образуются на пересечении исходящих из различных центров. Но поскольку исследуются элиты, эти формы одновременно функционируют во главе *городского общества* как целого. Поэтому как имплицитная основа подразумевается, что взаимодействие между этими образованиями отличает эффективность и внешнее влияние, выходящее далеко за пределы собственных границ. Таким образом, сохраняется *все-таки* определенное соответствие с традиционной стратификацией, но в то же время она дифференцируется и качественно изменяется.

"Тонкие структуры" и процессы образования "сетей" (Vernetzungen) познаваемы, естественно, лишь в той мере, в какой они получили формализованное выражение, или каким-то образом прослеживаемы по документальным источникам. Простые разговоры за чаем или завтраки с шампанским, распространенные среди купцов, в лучшем случае упоминаются в мемуарах, но не годятся для предметных исследований. Поэтому внимание некоторых новых работ привлечено прежде всего к *ассоциациям и союзам, художественным обществам, клубам, ученым обществам, библиотечным кружкам и аналогичным учреждениям*, которые находятся как бы *на пороге* частной сферы, уже недоступной для анализа. В классической, восходящей к Гегелю, терминологии их следовало бы поместить *между индивидуумом/семьей и государством* в сфере *общественности*. Такие исследования действительно имеют уже долгую традицию, но были скорее предметом исторической социологии. Общества попали в поле зрения исследователей, по крайней мере, с того момента, когда четверть века назад их объявили наследниками корпораций и сословий Ancien Régime (Т. Нип-

пердей)[4]. Но ключевую функцию, которая им приписывается в новых работах, общества приобрели лишь тогда, когда в фундаментальных теоретических концепциях исторического познания снова стало уделяться больше внимания субъектам, их восприятию и практике.

В-третьих, наряду с институционализированными формами коммуникации в стратегически значимых группах городских элит новые исследования уделяют большое внимание и неинституционализированным формам. Особенно тогда, когда работы сконцентрированы на индивидуальном или коллективном восприятии и опыте. В таких работах необходимо провести особенно четкие границы предмета исследования. Поскольку границы институтов и организаций отсутствуют, эту роль играет *город* как приблизительно определяемая величина. Прежде всего для внимательных исследователей город очерчивает сферу опыта и действий. Он становится актером и адресатом самоутверждения и самоосознания в юбилеях, праздниках и ритуалах.

В-четвертых, общий пункт притяжения почти всех названных отдельных направлений указывает на внутреннюю близость с исследованиями по *политическим организациям,* в особенности *либеральной* ориентации. Автономное формирование сообществ (Vergemeinschaftungen) осуществлялось преимущественно в *предполитической сфере.* Но эти процессы обладали *потенциалом* политизации. До сих пор предположение, что в обществах и клубах, с одной стороны, и в городских думах и их комиссиях — с другой вращались *одни и те же лица,* подтверждалось. Таким образом, коммунальная политика делалась не только в значительной мере вне предусмотренных для этого органов. Она была также в большой степени сферой деятельности городского высшего слоя, который начинал входить во вкус, разрешая самостоятельно свои проблемы — по меньшей мере на городском и местном уровне. Самое позднее в этой точке местное формирование сообществ превращалось в важный политический процесс.

---

[4] См.: Nipperdey T. Der Verein als soziale Struktur im späten 18. und frühen 19. Jahrhundert // Idem. Gesellschaft, Kultur, Theorie. Göttingen, 1976. S. 174-205.

Наконец, в-пятых, очевидно, что формирование сообществ с политическим потенциалом представляет собой процесс эпохи модерна, т.к. здесь *преодолеваются сословные разделения.* Трудности и особенности такого процесса в государстве, которое все еще опиралось на поместное дворянство, определяют специфику применения вопросов, возникших на материале всеобщей истории, для российских условий. Однако акцент теперь делается не на препятствиях развития. На основе интенсивного изучения местного материала становится все более очевидным, что этот решающий процесс образования межсословной элиты в городах продвинулся в своем развитии *значительно дальше*, чем это было известно до сих пор. Судя по всему, новый слой образованных людей, особенно имеющих квалификацию высшего образования, играл здесь особое значение. На примере Одессы и Казани (не случайно оба — университетские города) было показано, что университетское "общество" в широком смысле участвовало в деятельности клубов и неформальных кружков в окружении местных газет и городской управы, образуя единую новую элиту вместе с высшими чиновниками и буржуазией в классическом, т.е. экономическом, смысле[5].

Как и в рассматриваемом процессе в целом, здесь находит отражение, во всяком случае, центрально-европейский опыт: образованный слой больше всего подходит для того, чтобы стать *ферментом* такого социального синтеза, так как в наименьшей мере имеет собственные интересы. В то же время, если такая новая элита стремилась стать влиятельной, она должна была иметь в городе и регионе крепкие корни и известный материальный фундамент. Это и обеспечивали прочие группы — чиновников и буржуазии. Идеи и интересы совпали — получившийся союз имел неплохие шансы на будущее.

---

[5] См.: Häfner L. Stadtdumawahlen und soziale Eliten in Kazan' 1870 bis 1913: Zur rechtlichen Lage und politischen Praxis der lokalen Selbstverwaltung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N 44, 1996. S. 217-252; Haussmann G. Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865–1917. Soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches. Stuttgart, 1998.

ЕВРОПЕЙСКАЯ "РЕСПУБЛИКА УЧЕНЫХ" XVII-XVIII ВВ.: МЕХАНИЗМЫ ОБЩЕНИЯ

И. Е. Андронов

В ходе изучения биографии и творчества неаполитанского мыслителя Пьетро Джанноне (1676–1748) нам удалось выйти на ряд проблем, затрагивающих весь пласт европейской интеллектуальной жизни второй половины XVII — первой половины XVIII вв. Результаты работы представляются значимыми для общеевропейской картины. Картина европейской интеллектуальной жизни этой эпохи должна быть расширена и дополнена за счет малоизвестного материала или за счет информации, известной узкому кругу специалистов по отдельным темам.

Прежде всего необходимо определиться с объектом исследования. Сообщество европейских интеллектуалов XVII–XVIII вв. — вполне цельный организм, обладающий в известной степени кастовым характером, конституированный, "обросший" механизмами формирования и общения, обретший свойственные характерные функции в обществе. Для обозначения этого механизма историки пользуются термином "республика ученых". Корни термина уходят к "Новой Атлантиде" Ф. Бэкона, где в государстве с идеальным общественным устройством совокупность ученых играет роль парламента при "просвещенном", как бы мы сказали сегодня, государе. Определение это представляется исключительно удачным, поскольку подчеркивает, с одной стороны, единство явления, с другой, общность интересов интеллектуалов

и наднациональный характер ценностей и целей. Понятие "кризиса европейского сознания" (формула П. Азара) может быть использовано в хронологическом плане, как это чаще всего сегодня и происходит в европейской науке.

Кто был членом "республики ученых"? Это не просто "человек мыслящий"; отличительная черта интеллектуала XVII–XVIII вв. — тяга к общению, к распространению собственных идей. Эта тяга не имела национальных границ. Космополитичный латинский язык был идеальным средством общения, а национальности казались чем-то поверхностным, данным человеку изначально, но — при его желании — не накладывающим неизгладимый отпечаток на всю его судьбу. Начиная с XVI в. многочисленны примеры университетских преподавателей, писателей, ученых, эмигрировавших с Юга на Север Европы (чаще всего, но не всегда, это было связано с изменением религии), находивших себе работу и достойно устраивавшихся в новой среде, где незнание национального языка не было помехой. В Амстердаме можно было обойтись латинским и французским, в Вене — французским или итальянским. Весьма характерным было положение дел в Женеве: этот город не только принимал людей любых конфессиональных убеждений, но и печатал огромное количество латинской литературы. Кроме того, в городе, известном своей космополитичностью уже в XVII веке, печаталось много французских книг; выпуск книг на других романских языках был возможен, хотя и требовал дополнительных временных и материальных затрат на корректуру. Впрочем, и он осуществлялся, когда, например, было возможным присутствие автора при наборе.

В этой атмосфере формировался новый социальный тип — член универсального ученого сообщества. Это человек, легко преодолевший рамки национального, мыслящий и действующий в иных масштабах, ином измерении, где территориальному дроблению континента нет места. Это человек образованный, смелый, чаще всего достаточно обеспеченный, чтобы не отвлекаться на повседневную рутину, принадлежащий к сословию служащих (реже — к служилой знати), нередко — состоящий в той или иной структуре (в университете или в министерстве). Это человек читающий, ведущий активную переписку, имеющий строго определенный

круг интересов и вместе с тем живо интересующийся событиями в интеллектуальной жизни. Наконец, это человек весьма тщеславный в положительном смысле слова, стремящийся прославиться не происхождением или с помощью карьеры, но ученостью, образованностью, интеллектуальной активностью. Главным качеством этого человека оставалось все же стремление к научному общению, к получению и распространению знания. В терминологии XVII века — это не только все расширявшееся поле употребления определения "commercium" (в том числе особенно отмеченного еще в трудах Сенеки и Веллея Патеркула I в. н.э. "commercia epistularum" в значении "переписка"), не только самостоятельная деятельность — "studium", но и свободное распространение по инициативе "несущего знание" — "divulgatio". Доктор Фауст, например, не мог бы принадлежать к этому сообществу, поскольку не разделял его стремления к научному общению.

Выделенные черты, видимо, определяют характерное только для русского языка понятие "интеллигенция", служащее для собирательного именования подобных людей. В этом типе человека содержатся новые черты, характерные для Века механики; появление такого слоя ранее затруднялось рядом объективных обстоятельств. Его зарождение — плод тенденций эпохи Возрождения, в недрах которой сложилось большинство механизмов, описанных ниже, и которые лишь в своей совокупности способствовали формированию "республики ученых".

Контактам ученых, помимо общего в большинстве случаев языка, способствовала деятельность научных журналов, среди которых особенно можно выделить латинские "Акты Лейпцигских эрудитов", английские "Философские трансакции Королевской Академии", французские "Журнал ученых" и принадлежащие иезуитам "Мемуары Треву", а также выходивший более столетия в разных городах Северной Италии "Журнал литераторов". При невысоком развитии специализации наук и большой распространенности этих изданий во всей Европе научные, околонаучные и моральные дискуссии привлекали неизменно интерес интеллектуалов разных стран. Это была последняя эпоха в европейской истории, когда между учеными не существовало вообще ника-

ких границ; позднее растущее преобладание новых национальных языков, а затем формирование "национальной науки" наряду с идеологическими преградами не допускали интеллектуального единения континента.

Философская литература привлекала внимание многих интеллектуалов самых различных родов занятий, но вне специализированных аудиторий увлечение ею никогда не заглушало споры о злободневных проблемах. Вряд ли оправдано стремление свести историю интеллектуальных течений этой эпохи к тенденциям в эволюции философской мысли — эта последняя может скорее дополнить общую историческую картину. Несмотря на диалектическое отрицание каждой новой великой философской системой XVII века предыдущих, в глазах современников и ближайших последователей они существовали параллельно, не исключая друг друга[1]. Труды философов изучались одновременно, и редко можно с уверенностью сказать, какой партии в философских спорах придерживался тот или иной представитель "республики ученых". Подавляющее большинство интеллектуалов-практиков стремилось отойти от уводящих в никуда умозрительных конфликтов, и порой в их умах самым причудливым образом переплетались тезисы, казалось бы, несопоставимых учений. Например, авторы вышедшей в 1970-х гг. "Истории Неаполя" стремились приписать многих неаполитанских авторов и политических деятелей к гассендизму, картезианству и другим философским течениям, однако сложившаяся картина невероятно запутана: сами интеллектуалы, и некоторые не по одному разу, меняли "партийную" принадлежность. Интеллигенция восприняла из книг Декарта, Гассенди, позже — Гоббса, Локка и Бейля дух свободного поиска, только начиная чувствовать себя более независимо по отношению к догмам средневековой традиции. Пестрота картины и оторванность от занимавших их непосредственно проблем лишь отвлекала.

Эклектический характер распространения "модных" философских идей способствовал прививанию их принципов в практических областях, особенно в университетском препо-

---

[1] Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века. М., 1974. С. 7, 10.

давании права и медицины. Занятия философией, — писал один из крупнейших интеллектуалов той эпохи, — "открыли мне еще одну истину, о которой часто говорил и сам Декарт: в философии никто не должен насиловать себя, чтобы сражаться на стороне какого-то конкретного лидера; единственным спутником и путеводителем должны при изучении превосходных творений природы быть разум и опыт. И с этого момента я стал считать несерьезностью или суетой следование партии Гассенди, или Декарта, или еще какого-нибудь философа..."[2] Наибольшее воздействие на современников оказала сама манера мышления Паскаля, Декарта, Гассенди, Мальбранша и других, их отказ от заданных заранее авторитетов, четкий алгебраический метод, который начиная с Бэкона помог выйти за пределы порочного круга силлогистики на простор, предоставляемый индукцией и дедукцией. "Республика ученых" не сосредоточивалась в отвлеченной философской сфере, переведя уже на рубеже XVII–XVIII веков борьбу за Разум в колею политики: именно это приготовляло умы к Просвещению.

Начальное образование в католической провинции получали в школах, организованных в подавляющем большинстве при монастырях или приходских церквях. Церковники, переставшие быть единственным грамотным классом, почти повсеместно сохранили за собой тем не менее монополию на воспитание детей. Характеризуя картину, сложившуюся в католическом мире, Ф. Вальсекки отмечал: "Религиозные войны и защита церкви от протестантства привели к отождествлению культурных интересов с религиозными"[3]. Система начального образования при иезуитских коллежах и монастырях была оформлена в 1599 году, когда появилась утвержденная папой Ratio atque institutio studiorum. Этот документ имел своей целью совместить в образовании многие идеалы Возрождения и Контрреформации. Однако принятый в качестве догмы, он все более приобретал формальный характер и к концу XVII века выглядел уже явным анахронизмом. Точные науки, в частности, преподавались так же, как и двести

---

[2] [Giannone P.]. La vita di Pietro Giannone. A cura si S. Bertelli. Torino, 1977. T. I. P. 40.

[3] Valsecchi F. L'Italia nel Seicento e nel Settecento. Torino, 1967. P. 102ss.

лет назад, — Галилей и Ньютон не упоминались даже в престижных столичных школах. Монополия церковников на образование в Италии, например, нарушилась лишь к концу XVIII века, когда стали появляться первые нецерковные начальные школы в Падуе, Милане и Турине.

Рубеж XVII–XVIII вв. во всех западноевропейских абсолютистских государствах — это время зарождения и формирования того, что называется сегодня "политикой в области культуры". Бурно росло количество периодических изданий, зарождалась профессия журналиста; систематические акты в отношении контроля книгопечатания определяли отношение к этой политике государей. Правительства постепенно осознавали исключительную важность этой стороны жизни в эпоху, когда общественное мнение все в большей степени начинало руководствоваться рациональными категориями. Кроме того, росла роль грамотных слоев — не только литераторов и ученой элиты, но и служащих государственных органов. Увеличение грамотного населения потребовало создания механизма управления его мнениями. Резко возросла активность светских властей в отстаивании собственного права контроля за книгоизданием. Церковь в изменившихся условиях уже не могла полностью контролировать ситуацию, внося все новые наименования в "Индекс запрещенных книг". Складывалась система жесткой цензуры со стороны светских и церковных властей; в некоторых районах католической Европы можно отметить наличие своего рода "цензурного двоевластия", которое сопровождало острое противостояние двух ветвей власти.

В эту эпоху "эрудитом" считался уже не просто широко осведомленный в науках человек; он должен был быть также и библиофилом. Начался выход в свет специальных периодических библиографических изданий, самым известным из которых были "Acta Eruditorum Lipsiensis". Особой свободой книгопечатания в Европе отличались Нидерланды — там выходили в свет многие работы французских протестантов и итальянских космополитов; там чаще всего делались переводы на французский язык английских книг о политике и политическом праве. При печатании книг во всей Европе "достаточно было поставить ложное указание на место печати, будь то Амстердам или другие нидерландские города,

чтобы сделать книгу привлекательной, так как сразу же само собой предполагалось, что в ней найдется что-нибудь критическое или мятежное"[4].

При том, что интеллектуалы были широко знакомы с самой разнообразной литературой из протестантских стран и с прочей, также запрещенной папской курией, широкие массы этих книг не читали, а доверие к ним со стороны интеллектуала-католика в глазах плебса выглядело весьма скандально. Элита, даже церковная, относилась к существованию и хранению неортодоксальной литературы значительно более спокойно. Неаполитанский кардинал (!) Бранкаччо, собравший богатейшую библиотеку, имел все «неблагонадежные» книги. Для определения такого явления было введено даже понятие "читательская аристократия"[5]. Некоторые интеллектуалы могли получить от церкви официальное разрешение читать всю выходящую литературу. Практика таких разрешений значительно расширилась в понтификат Бенедикта XIV (1740–1758) — теперь их могли выдавать даже местные представители инквизиции). При Бенедикте XIV из этой практики, впрочем, строго исключались четыре автора: Лукреций Кар, Макьявелли, Бейль и Пьетро Джанноне[6].

Периодическая печать, бурно развивавшаяся в Европе в конце XVII — начале XVIII вв., играла значительно меньшую роль в интеллектуальном формировании молодых людей. Хотя во всей Европе по рукам ходили "Мемуары Треву", "Акты лейпцигских эрудитов", "Журнал литераторов" и многие другие издания для научной элиты, журналистскую культуру той эпохи отличала большая, нежели в художественной и научной жизни, национальная разобщенность. Причиной этого была сильнейшая правительственная цензура в отношении прессы, в особенности это касалось внешней политики и религии[7]. Пресса настойчиво и сознательно

---

[4] Im Hof U. L'Europa dell'Illuminismo. Roma—Bari, 1993. P. 158.

[5] Storia d'Italia Einaudi. Torino, 1974. V. 5. P. 2. P. 1415ss.

[6] Ibidem. P. 1488.

[7] См.: Cortese N. Gazzette napolitane del Sei- e Settecento. Napoli, 1922. P. 9ss. Политизированность прессы (даже сугубо эрудитской) той эпохи подтверждают многие исследования, в частности: Capra C., Castronovo V., Ricuperati G. La stampa italiana dal Cinquecento all'Ottocento. Torino, 1991. P. 72 e. a.

идеологизировалась, причем ориентиры этой идеологизации диктовала (в отличие от ситуации в книгопечатании) только светская власть.

Переход научной общественности с латыни на новые языки значительно ограничил научное общение европейской интеллектуальной элиты между собой. С другой стороны, вследствие переводов и публикаций на новых языках к чтению приобщился более широкий круг грамотных людей, ранее к ней не принадлежавших. Круг читателей на новых языках — это "les gens sans lettres", слушатели заседаний академий, буржуа. На рубеже XVII–XVIII веков "меняется традиционный тип читателя: это более не философствующий эрудит, а гражданин, стремящийся к самообразованию и к пониманию; ему нравится сопоставлять свою модель жизни с моделью жизни других народов, он преследует в чтении гражданские цели"[8]. В результате начинает формироваться и новый понятийный аппарат, язык науки, более понятный широким массам и соответствующий реальным повседневным запросам. До тех пор, однако, пока круг читателей был неширок, функции чтения заменял рассказ — значительная часть такой своеобразной "аудитории" знала и судила о крупнейших выходящих работах понаслышке.

Интересны и тематические предпочтения авторов книг для широкой публики. Вторая половина XVII века отмечена многочисленными переизданиями работ по истории государств и столичных городов, написанных с начала предыдущего столетия. Речь идет о целом пласте литературы, пересказывающем суеверия старинных книг. Очевидно, такой жанр, где святые разговаривают с простыми горожанами, а явления Богородицы — обычнейший сюжет, пользовался

---

[8] I linguaggi politici delle rivoluzioni in Europa. XVII–XIX secolo. Atti del Convegno. Lecce, 11–13 ott. 1990. A cura di Eluggero Pii. Città di Castello (PG), 1992. P. 10s. Тонкое замечание итальянского историка объясняет, помимо общей закономерности, еще и один характерный частный случай, а именно — большую популярность в описываемую эпоху географической и этнографической литературы. Рост числа путешественников и географических открытий не может служить оправданием этой популярности, так как число читателей (и слушателей) такой литературы значительно превосходит число путешественников, даже потенциальных.

спросом, ведь переиздания означают в первую очередь коммерческий успех. Уровень этих сочинений как в фактурном, так и в чисто литературном отношении значительно уступает научным трудам авторов исторических сочинений, зачастую назначавшихся официально. Можно даже говорить о формировании своего рода "литературы для среднего класса", которая восхваляла знать и духовенство и благодаря избирательной деятельности цензуры была направлена на планомерную обработку общественного мнения.

Если в предшествующую эпоху культура была достоянием самых грамотных и часто самых богатых, то в конце XVII века наблюдается ее расслоение, следующее за расслоением имущественного состояния и культурных запросов читающей публики. В последней четверти XVII столетия в этой литературе самые распространенные сюжеты взяты из военно-политической истории (чаще всего — это апологии царствующих домов), и в количественном отношении с ними конкурировали только жизнеописания новоканонизированных в ходе Контрреформации святых, а также королей и генералов[9]. С тиражами церковной литературы в XVII веке могли поспорить, пожалуй, только издания некоторых античных классиков, но они распространялись через городские лавки, а в городах была значительно выше доля светского грамотного населения.

Еще один характерный для эпохи жанр — автобиография. Многие из них, например биография Джамбаттиста Вико, хорошо известны и даже переведены на русский язык. Еще большее количество их хранится в архивах, молчаливо свидетельствуя нам о массовости этого жанра. Написание собственной автобиографии — важнейший элемент самоотнесения к "республике ученых". Описание событий собственной жизни — это далеко не только рассказ о времени, но и попытка защитить некоторые свои позиции в конфликтах или полемиках, объяснить какие-то собственные претензии, написать, одним словом, "апологию", но не одного произве-

---

[9] Подробнее о жанрах этой литературы см.: AA. VV. La storia. I grandi problemi dal Medioevo all'Età Contemporanea. V. 4. L'età Moderna. P. 2. La vita religiosa e la cultura. Torino, 1986. Pp. 318ss; Rak M. La parte istorica. Storia della filosofia e libertinismo erudito. Napoli, 1971. Pp. 17ss.

дения, а всего творческого пути. В начале автобиографии интеллектуал обязательно пояснял, для чего он описывает свою жизнь, причем пояснения похожи друг на друга как две капли воды. Практически всегда говорится, что автор берется за описание собственной жизни не для того, чтобы ему подражали, но чтобы предостеречь юношество от ошибок. Эта тема с вариациями не соотносится, однако, с реальными устремлениями авторов.

Жизнеописания в основном писали участники наиболее жарких книжных баталий, люди, нередко пострадавшие за свои убеждения или недостаточно, в соответствии с заслугами, обласканные светской властью. Случайно ли это? Конечно, нет, и такая автобиография — важнейший ход в полемике. Автобиография всегда призвана убедить в правоте или невиновности, она часто носит черты политического памфлета, а тон ее всегда далек от христианского смирения, более, может быть, уместного в ситуации. Кроме того, крайне редко материал автобиографии включал нечто, доселе неизвестное широкой публике. Личная информация крайне скудна, в ней никогда нет ничего скандального или даже просто очень интимного. Сведения о личной жизни героя сводятся до масштаба семейной хроники. Из этого можно заключить, что автор такого жизнеописания стремился сделать в полемике последний ход, сделать его уже тогда, когда сам он становился неуязвимым для оппонентов, — после собственной смерти. В большинстве своем эти автобиографии не предназначались для печати, однако писались в надежде, что потомки все же обратятся к ним. Кроме того, написание автобиографии — способ заявить о принадлежности к определенной социальной категории[10].

---

[10] Подобный и столь же интересный полемический жанр представляет собой эпитафия. За внешними чертами, присущими этим специфическим произведениям, просматривается все же стремление утвердить правоту умершего любой ценой, сделать "ход" в полемике даже после собственной смерти, гарантировав — благодаря незыблемости могильного камня — сохранность надписи. Верхушка аристократии не писала собственные автобиографии и эпитафии — за них это делали другие. Эпитафии интеллектуалов, часто так и оставшиеся на бумаге, — интересный памятник "республики ученых". Написанные самостоятельно эпитафии характерны именно для исследуемой эпохи. Они встречаются, конечно, не только на памятниках, но и в конце автобиографических

Книжная торговля была сконцентрирована в столицах и в крупных городах. Доступ к литературе, однако, уже не был обусловлен книготорговлей и обязательностью приобретения текста. Известно, что университетские студенты нередко пользовались частными библиотеками своих профессоров, порой собиравших исключительные по ценности и стоимости собрания. Довольно широкий доступ студентов в частные собрания делал эти собрания заметной альтернативой публичным библиотекам[11]. Пользование некоторыми частными библиотеками было даже престижным: внешней принадлежностью к судебной элите в Неаполе являлось, в частности, и право пользоваться собранием Дж. Валлетты, которое называли "sapientiae Templum"[12]. Первая в мире публичная библиотека в современном смысле этого слова возникла в Милане в 1609 году (т. н. Амброзиана[13]). Насколько нам известно, первый печатный призыв к созданию публичных

рукописей, в переписке. Эпитафии интересны как выражение самоидентификации. Кроме приличествующей случаю информации, там всегда имеется указание на то, как себя воспринимал сам умерший. У П. Джанноне, например, есть упоминание не только на то, что он "юрисконсульт и адвокат", то есть явное занижение не только должности, но и социального статуса, но и на то, что он "защитник королевских прерогатив". Писалась эпитафия всегда по-латыни. Дело здесь не только в традиции. Латинский язык служил цели сакрализации объекта, придания пафоса не только надписи, но и образу того человека, который в ней описывался.

[11] Nicolini F. La giovinezza di Giambattista Vico (1688–1700). Saggio biografico. Bari, 1932. P. 81.

[12] V. Ariani f. jurisconsulti Commentarius de clariis jureconsultis neapolitanis, ac de iis praesertim, qiu superiore saeculo, et hoc nostra aetate floruerunt. Neapolis, 1759. P. 32. В. И. Компарато глубоко изучил эту библиотеку из более 16 тыс. томов, сегодня разбросанную по ряду неаполитанских публичных и частных собраний, см.: Comparato V. I. Giuseppe Valletta. Un intellettuale napoletano della fine del Seicento. Napoli, 1970. Cap. III. Ее роль в интеллектуальной жизни Неаполя (правда, под частным углом зрения) рассмотрена в: Sina M. Vico e Le Clerc: tra filosofia e filologia. Napoli, 1978.

[13] Часть библиотеки Медичи во Флоренции стала доступна публике еще в 1571 году. Есть также данные о том, что библиотека саламанкского университета в 16 в. бывала по два с половиной часа в день открыта для публики. Доступ этой публики к книжному собранию во всех случаях определялся (как, впрочем, и сейчас) хранителями библиотеки.

библиотек появился в 1627 году[14], т. е. уже после того, как была учреждена Амброзиана.

Большинство *университетов* в Европе были автономными учреждениями, финансово независимыми от короны. С юридической стороны они представляли собой universitas magistrorum или scholarium с уставом, похожим на коммунальный. Традиционная выборная система управления состояла из ректора, старосты, Совета и Ассамблеи. Диплом об окончании и возведении в степень выдавался университетским руководством; часто контрольный экзамен для получения "bulla cum sigillo" был единственным за весь курс обучения. Иногда университеты не имели собственного устава, а руководствовались уставом и другими нормами ведущего университета страны. Так, например, устав Саламанкского университета был ведущим документом, регулировавшим жизнь почти всех университетов испанской короны.

Была официально оформлена и государственная монополия на высшее образование. В Южной Европе деятельность частных школ права и медицины в университетских городах долго оставалась под запретом, а после реформы в землях испанской короны 1703 года, когда теоретически она стала возможной, для этого требовалось официальное разрешение высшего государственного органа. Частных преподавателей выслеживала полиция, такая деятельность была чревата арестом. Монополия светской власти обеспечивалась также непризнанием дипломов университетов других стран. Папские учебные заведения в Риме не в счет, так как соответствие духовного лица должности определялось в римской Курии. В начале XVIII века повсеместно распространяется конкуренция преподавателей.

Помимо университетов, все более и более значимую роль в европейской интеллектуальной жизни играли так называемые *академии*. Итальянские академии значительно отличались от академий по ту сторону Альп: если в европейских столицах они учреждались по инициативе короны и имели национальное значение, то в Италии еще была жива унаследованная от Возрождения традиция широкой сети кружков, в которых речь велась на самые разнообразные темы — от

[14] Naudé G. Advis pour dresser une bibliothèque. P., 1627.

богословия до ораторского искусства, от античной поэзии до физики. Академии Возрождения — важнейший элемент общественной жизни этой эпохи, не только среда формирования, но и средство распространения новых идей. Академии в эпоху Возрождения стали главным проводником идей и учений итальянской Реформации. Вполне можно вести речь о "выработке в среде итальянских академий типа научного учреждения, имеющего существенные признаки профессионального сообщества". "Именно здесь новоевропейская наука сделала свои первые шаги и нашла такую форму организации, которая в наибольшей степени соответствовала потребностям ее развития, способствовала общественному утверждению и которая непосредственно или с какими-то модификациями была позаимствована научными содружествами в других странах"[15]. Подобная сеть существовала и в Южной Франции. Ее складывание также относится к эпохе Возрождения[16], однако — как отмечалось исследователями — эта сеть была полностью обновлена, когда академии в провинции стали образовываться по образу и подобию столичных, имитируя их во всем, включая переход на государственное финансирование[17]. Как и столичные королевские Академии, провинциальные во Франции чаще всего программно делились по специализации.

Если академии эпохи Возрождения подверглись в целом достаточно тщательному изучению, то об эпохе конца XVII — первой половины XVIII этого сказать нельзя. Между тем необходимо констатировать, что в значительной степени ситуация вокруг этих ученых сообществ изменилась. Прежде всего в исследуемую эпоху функции академий и универ-

---

[15] Подробнее см. Кудрявцев О. Ф. Реформационное движение и академии в Италии // Средние века. Вып. 47. М., 1984; Он же. От эрудитских собраний к научным сообществам: итальянские академии XV–XVII вв. // Средние века. Вып. 48. М., 1985. С. 176.

[16] Подробнее об академиях во Франции см.: Roche D. Le Siècle des Lumiéres en province. P., 1978; Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime. P. 2. Culture et société. P., 1984.

[17] См.: Im Hof U. Op. cit. P. 112 ss. Общества, подобные итальянским академиям XVI–XVIII вв., в других странах стали появляться лишь к концу XVIII века. В Голландии они назывались "образовательными обществами", в Германии — "общества чтения", во Франции — "музеи" или "кабинеты чтения".

ситетов дополняли друг друга, что стало причиной конкуренции между ними. Недостаточная в эпоху Возрождения "профессионализация людей науки"[18] сделала значительный шаг вперед, что неизбежно повлекло за собой изменение количества, юридического и общественного статуса научных собраний, их взаимодействия с массой грамотных людей и с властями.

О подавляющем большинстве таких научных сообществ известно очень мало, порою имеются одна-две косвенные ссылки на их существование, зачастую неизвестны ни дата основания, ни дата прекращения их деятельности[19]. Тем не менее относительно Неаполитанского вице-королевства, например, можно говорить о нескольких десятках существовавших одновременно подобных ученых собраний, значительная часть которых находилась в столице. Многие неаполитанские академии заседали в доме своего основателя (как, например, "Академия мудрецов"), а некоторые даже назывались по его имени (к примеру, известная в 50-е гг. XVIII века "Академия Галиани"). Часто эти академии образовывались на основе частной библиотеки ее патрона, и тогда первыми ее неформальными "членами" становились его друзья, имевшие доступ к книгам. Краткая продолжительность деятельности большинства академий объяснима их бюрократизацией, начинавшейся с провозглашения статуса "академии" и обязательности заседаний[20]. И наоборот, кружки, избежавшие бюрократизации, существовали дольше, однако по той же причине известно о них меньше.

---

[18] Кудрявцев О. Ф. От эрудитских собраний к научным сообществам. С. 194 и др.

[19] Полный перечень итальянских академий с описанием всех известных источников об их истории — 5-томный труд Maylender M. Storia delle accademie d'Italia. 5 vv. Bologna, 1926-1930. Об академиях в Неаполе см.: Minieri Riccio C. Notizie delle accademie istituite nelle provincie napoletane. Archivio Storico per le Provincie Napoletane (далее — ASPN). Ann. 2 (1877), 3 (1878); Idem. Cenno storico delle Accademie fiorite nella Città di Napoli. ASPN. Ann. 3 (1878), 4 (1879). В работе Миньери Риччо описаны около 130 академий в провинции и около сотни — в самом Неаполе. Общеитальянская панорама академической жизни в описываемое время прекрасно рассмотрена в Cuaz M. Intellettuali, potere e circolazione delle idee nell'Italia moderna. 1500–1700. Torino, 1982.

[20] Nicolini F. Op. cit. P. 84.

Когда церковь потеряла монополию на познание человеком природы и это познание стало возможно на уровне одиночек, по всей Европе стали стихийно появляться спонтанные сообщества людей[21], не связывавших процесс ученых занятий с обретением социального статуса (нельзя забывать о том, что обучение в университете — помимо овладения знаниями — сообщало выпускнику в первую очередь новое положение в обществе; в особенности это обстоятельство важно, когда мы говорим о выходцах из провинции). Кто же эти люди? Любопытствующие горожане, располагавшие досугом? И они тоже, но сведений о них меньше всего, ибо очень мало точных известий о тех кружках, где их концентрация была наибольшей. Конечно, благородное сословие и высшие звенья администрации, оказывавшие ученому собранию честь своим присутствием и в некоторых случаях — покровительством. В университетских кругах всей Европы (за исключением богословских факультетов) присутствие крупной столичной знати минимально, в то время как в академии она была вхожа. Кроме нее, в "академиях" заметно присутствие клира (и монахов, и священников; очень распространенным явлением были кружки, мы бы сказали сегодня, "прикладного богословия", создававшиеся чаще всего — но не всегда — при монастырях), однако они, видимо, также не составляли большинства.

Но было бы ошибочно противопоставлять академии университетам, считая последние из-за влияния церкви и закостенелой традиции оплотом средневековой косности и мракобесия, а первые — подлинными научными лабораториями, обеспечивавшими свободный полет мысли. На рубеже XVII–XVIII вв. университеты и академии взаимно дополняли друг друга. Если университет оставался оплотом эрудиции (Сорбонна со своей школой схоластики к концу XVII века является таким же исключением, как и университет Галле со своим историко-критическим анализом Библии), то общение в "академиях" способствовало постановке новых научных

---

[21] Это наложилось на богатые традиции Возрождения — кружки ученых людей, как показывают исследования, ведут свою родословную с так называемых компаний XIII–XIV вв. (Кудрявцев О. Ф. От эрудитских собраний к научным сообществам. С. 176).

проблем, привлечению внимания к занятным или модным сюжетам вне значительно более формализованных университетских аудиторий. Во-первых, академии были более демократичными по составу слушателей, нежели университеты; во-вторых, сама специфика их позволяла до крайности разнообразить тематику; в-третьих, наконец, они были менее структурированы по сравнению с университетами. Кроме того, как отмечал Ф. Николини, говоря о взаимоотношениях между членами итальянских академий в конце XVII века, общность научных интересов представителей разных социальных групп почти ликвидировала социальные барьеры между ними, которые в другие моменты представлялись непреодолимыми[22].

В результате, хотя для подготовки публичных академических лекций требовалось меньше работы, они находили больший отклик в среде образованных горожан по сравнению с университетскими лекциями, тематика которых устоялась в вековой традиции. Неформальные научные сообщества были абсолютно закономерным явлением в истории европейской общественной мысли; совершенно свободные по характеру и устройству в XV–XVI вв., к концу XVII столетия они имели, как правило, некоторую внутреннюю организацию, выражавшуюся прежде всего в определенности состава, регулярности заседаний и относительном единстве их проблематики. Академиям было порой подвластно то, что оставалось недоступным для университетов; выбор тем здесь был относительно добровольным. "Главным образом речь шла о естественных науках, а кроме них — о языке, литературе и истории: эти отрасли существуют на втором плане, позади всемогущих университетских факультетов теологии и юриспруденции"[23].

Самая известная из сохранившихся до наших дней итальянских академий, авторитетная Accademia della Crusca, составляла исключение из правил с самого момента своего образования. Во-первых, она была в достаточной степени формализованным образованием, а тематика ее заседаний (позже — сфера научных интересов) была оговорена и стро-

---

[22] Nicolini F. Op. cit. P. 98s.
[23] Im Hof U. Op. cit. P. 109ss., 112.

го соблюдалась. Заседания проводились регулярно, а о деятельности академии с самого начала было хорошо известно властям. Исследователи даже отмечали тенденцию флорентийской светской власти к подчинению себе сферы культуры, проявившуюся в создании Козимо I Флорентийской академии и сказавшуюся при основании Круски[24]. Внутри академии складывалась определенная иерархия. В этом можно усмотреть черты, характерные для более позднего этапа существования академий, то есть для XVII–XVIII вв. — Круска опередила свое время. По своим задачам, впрочем, она никогда не была собственно "академией" в широко употреблявшемся в XVI веке и совершенно вышедшем из употребления сегодня значении этого слова, так как ставила себе цели и задачи, расходившиеся с целями и задачами других академий как по масштабности, так и по собственно научной направленности. Круска была единственной из академий, печатавшей книги — очень ответственное и чрезвычайно дорогое занятие даже для XVII в. Наконец, основная заслуга древней Круски перед потомками — создание первого словаря итальянского языка — была задачей, совершенно несопоставимой с реальными возможностями всех остальных научных сообществ, называвших себя "академиями". Даже другие итальянские академии национального масштаба, такие, как Понтанова академия в Неаполе или Аркадия в Риме, имели не только значительно менее амбициозные программы и цели, но и куда более скромные финансовые возможности — и это при том, что обе последние также находились в непосредственной связи со светскими властями!

К северу от Альп академии образовывались при самом активном участии властей в основном по французскому образцу. В самой Франции в 1635 году для защиты родного языка была создана Académie française; для развития естественных наук в 1666 году была основана собственно Académie des sciences. Несколько ранее, в 1663 году, для изучения главным образом исторических дисциплин корона создала Académie des inscriptions et des belles lettres. Монархия Людовика XIII и Людовика XIV сознательно проводила

---

[24] Storia d'Italia Einaudi. Torino, 1972. V. 2. P. 2. P. 1328; Maylender M. Op. cit. V. 2. P. 138 e. a.

политику государственной монополии на науку, начав с перевода множества отдельных академий на государственное финансирование и одновременно всячески поощряя сохранение существовавших провинциальных академий и открытие новых.

В течение XVIII века академии появились почти во всех европейских столицах[25]. До крайности формализованные, королевские академии в Париже, Берлине, Вене, Санкт-Петербурге и некоторых других столицах были попыткой властей контролировать работу "своих" ученых, часто исходившей из феодальных представлений о собственности на плоды труда подданных. В Испании даже существовали ограничения на деятельность академий во всех областях, не относящихся строго к поддержке художественного творчества. На европейском фоне несколько отличалась Англия: созданное по инициативе Карла II Стюарта в первые месяцы Реставрации (1660 г.) Royal Society of London for Improving Natural Knowledge было научным обществом, значительно более свободным в выборе тематики, нежели континентальные аналоги — вследствие этого оно оказывало значительное влияние на циркуляцию идей во всей Европе. Его членами состояли Ньютон и Локк, а печатные труды общества — "Philosophical Transactions of the Royal Society" — скоро стали наиболее авторитетным научным изданием.

В большинстве же национальных академий, по крайней мере, на первом этапе их деятельности, ученые несколько искусственно отделялись от европейской "республики ученых" и помещались в отдельную среду. Основание национальных академий — важнейший шаг светских властей на пути образования "национальной науки", первый серьезный удар по целостности "республики ученых"[26].

---

[25] Интересно отметить, что если крупнейшие университеты часто бежали столиц (Гейдельберг, Геттинген, Оксфорд, Кембридж и т. д.), то академии во многих европейских государствах могли появляться только в них.

[26] Противоречащий данному утверждению факт издания в 40–70-х гг. XVIII в. Актов берлинской Академии Фридриха по-французски является, безусловно, понятным исключением. Петр I, использовав в своем знаменитом указе о создании Академии Наук от 28 января 1724 года берлинскую модель (вплоть до употребления слова "социетет", приня-

Очевидно, что история "республики ученых" — это по преимуществу "книжная" история. У. Им Хоф называл XVIII в. "веком чернильных пятен"[27]. Роль *книги*, печатного слова в конце XVII — первой половине XVIII вв. исключительна. Круг авторов входил в круг читателей; этот последний был значительно шире, нежели можно было бы предположить на основе тиража. Экземпляр, принадлежащий одному человеку, становился достоянием для чтения многих[28]. Для интерпретации печатных текстов в ту эпоху историческая наука предложила дихотомию "частного" и "общественного" чтения, а для определения разных слоев читателей — категорию "интерпретирующих общностей"[29]. Книги обсуждались в кругу друзей, в научных кружках — "академиях", в университетах; нередко и с церковных амвонов. Наконец, нельзя обойти молчанием деятельность (и ее общественный резонанс) светской и церковной цензуры, достигшую впечатляющего размаха уже к концу XVII века. Если же еще принять во внимание сравнительно небольшое по сравнению с количеством людей, знавших о книге, распространение грамотности, то становится очевидной типичность ситуации, при которой большинство "читателей" знакомятся с произведением "посредством голоса, их читающего"[30]. Здесь многое зависит от взглядов интерпретатора, а эту персону (по крайней мере, применительно к концу XVII — первой половине XVIII вв.) уже возможно определить более четко.

Интересно трактовался в "республике ученых" вопрос об авторстве той или иной книги или идеи. Сам характер книжного знания отличался от сегодняшнего, и отличие это легче всего понять, имея в виду значительно большую долю лите-

---

того в названии берлинской Академии), предпочел, тем не менее, латинский язык в качестве средства академического общения.

[27] Im Hof U. Op. cit. P. 162.

[28] Тут уместно использовать термин Р. Шартье "maniement du livre", "обладание текстом", подразумевающий именно непосредственный физический контакт массового читателя с текстом, а не простой контакт на слух или абстрактное "знание" о самом существовании книги: здесь и ниже см.: Chartier R. L'Ordre des livres. Lecteurs, auteurs, bibliothèques en Europe entre XVIe et XVIIIe siècle. Aix-en-Provence, 1992. P. 32.

[29] Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretative Communities. Cambridge, Mass. — L., 1980. Passim.

[30] Chartier R. Op. cit. P. 31.

ратуры религиозного содержания в тогдашнем книжном мире. На языке эпохи, по аналогии с древнегреческим "logos", "Verbum Dei" обозначало "Священное писание", а "Liber" — "Библия". При небольшом (по сравнению, скажем, со второй половиной XVIII столетия) количестве выходящей литературы печатное слово обладало большим авторитетом. Авторитет этот складывался в большой степени благодаря значительным расходам, связанным с книгоизданием (следовательно, и с приобретением книги), а также благодаря необходимости заручиться перед набором согласием властей — гражданской, духовной или даже обеих. Правительственная и церковная цензура строго следили за деятельностью не только издательств, но и книжных лавок. Функции цензуры в таких обстоятельствах выходили постепенно за рамки собственно контрольных и обретали системность осознанной политики. Впрочем, далеко не все печатные произведения привлекали внимание цензурных органов. На нашем материале вполне оправдывается гипотеза М. де Серто о том, что эффективность и конкретные формы цензуры (административная, судебная, университетская или инквизиторская) зависели напрямую от того, насколько сам автор той или иной книги стремился "манипулировать читательской интерпретацией"[31]. Иными словами, чем больше были претензии автора на резонанс в общественном мнении, чем более он пытался управлять читателем или даже направлять его в чтении, тем серьезнее к нему относилась цензура; от этого зависели и ее формы, строгости и т. д.

Книга была уделом немногих, в первую очередь — благородного сословия, городской интеллектуальной элиты и разного рода служащих. Даже зажиточный сельский житель, если это не был представитель духовенства, редко позволял себе иметь что-нибудь помимо книг религиозного или религиозно-нравственного содержания. Книги были значительной редкостью в домах среднего класса, и заставленная ими полка выдавала в хозяине человека, не чуждого образованности и чтения.

---

[31] Certeau M. de. L'invention du quotidien, I, Arts de faire (1980). 2-me ed. P., 1990. P. 249.

Самая распространенная книга — Библия — не имела автора на обложке, как его не имели и жития святых, и катехизисы, и книги на темы христианской морали. Более того, в XVII — начале XVIII вв. без авторства выходило изрядное количество литературы светского характера. В первую очередь это касалось периодических и "ярмарочных" изданий, большей частью для простого люда, географических описаний малого формата и занятных рассказов из жизни азиатов или индейцев. Переводы из древних также выходили чаще всего без указания на лицо, подготовившее издание.

Авторство проставлялось на литературе, писанной "по высочайшему повелению", официозных "историях" домов и государств, на начинавшей входить в моду художественной литературе крупной формы. Верхушка знати книг почти вообще не писала. Почему? Во-первых, литература (и тем более наука) не считалась подходящим занятием для отпрысков первых семей Европы; во — вторых, то, что в первую очередь достигалось проставлением авторства — известность, — не могло представить из себя значительного стимула для людей, родившихся для поклонения других.

Книги в домашних библиотеках подбирались не по авторам, а по материям, в них описанным. Нельзя не вспомнить министра венского двора, выдающегося военного и политического деятеля Евгения Савойского с его легендарной библиотекой, в которой — и это для современников служило подтверждением его мудрости и предусмотрительности — книги по географии, истории, Священному писанию и т. д. были рассортированы по содержанию тщательнейшим образом и даже имели переплеты соответствующего цвета[32]. Само авторство книги в этих условиях имело смысл, отличный от сегодняшнего. Проставить имя на обложке стоило в том случае, если этим преследовалась определенная цель: либо известность при дворе, в выборном органе или в учебном заведении, в зависимости от того, на какую аудиторию книга была рассчитана (оборотной стороной этой цели являлась реклама издания, достигавшаяся путем проставления фальшивого авторства), либо, как в случае с полемическими сочинениями на политические темы, желание замкнуть на себя

---

[32] См.: Arneth A. Prinz Eugen von Savoyen. B., 1858. Bd. 3. S. 72.

полемику вокруг произведения и ответственность за отстаивание его тезисов перед властями. Отношение автора и произведения в этот период сходно с отношениями между римской дорогой и консулом, в чье правление она строилась: после постройки дорога жила своей жизнью, а имя консула запечатлевалось на века. Подобное происходило и с литературой ряда жанров: автор создавал себе памятник, но в дальнейшем книга мало ассоциировалась с ним. Исключение составляли, пожалуй, лишь естественно-научные публикации, но здесь имеет смысл говорить скорее о складывании традиции научного аппарата и научной обязательности.

Имя автора ставилось в конце заглавия или в самом его начале в родительном падеже. Известие об авторе было как бы дополнением к краткому изложению содержания: именно этой задаче служило заглавие издания и отдельных его глав. В подобной ситуации определяющим для книги, ее помещения в библиотеки, ее популярности было не авторство, а заглавие, точнее отраженный в заглавии аспект содержания. Это объясняет, на наш взгляд, характерные для той эпохи длинные названия произведений и даже отдельных томов и глав — при покупке книги название ее было единственным, что принималось во внимание.

С такой точки зрения авторство текста становилось второстепенной деталью. Его можно было проставлять или не проставлять на обложке — на авторитет издания, прошедшего цензуру, и на скорость его распространения это не особенно влияло. Не отражалось это и на материальной стороне книгоиздательства. Огромное количество литературы выходило анонимно, без указания автора, что могло быть для потенциального покупателя свидетельством невинной шалости богатого человека или автора ряда известных работ, не желавшего ассоциировать свое имя с произведением иного жанра. Вспомним, что на всех этапах Просвещения известнейшие тексты выходили анонимно — от "Персидских писем" Монтескье в 1721 году (при этом Монтескье прославился сразу же после выхода первого издания "Писем", что подтверждает наш тезис о том, что из реального имени автора секретов никогда не делалось) до "О преступлениях и наказаниях" Ч. Беккарии (1764 г.) Любопытный эпизод: о Морелли вообще известна только фамилия, однако ряд про-

изведений, вышедших в 50-е годы, приписывался ему современниками без колебаний.

Правомерен вопрос о литературе, выходившей под псевдонимами или с подложными данными об издании, иногда включавшими и ложное авторство. Львиная доля всех европейских изданий с неверным указанием авторства приходится на произведения изящной литературы, поэзии (часто на латинском или греческом языке), сочинения по эстетике и т. п., представляющие содержимое выступлений доморощенных поэтов на заседаниях "академий" соответствующего профиля. В силу чрезвычайной распространенности во всей Италии "академий" и литературных салонов большинство изданий, на обложке которых указывалось совершенно неудобоваримо читаемое имя, составленное из малоизвестных публике греческих корней, вышло в итальянских государствах. Более того, наличие подобного постоянного псевдонима было непременным условием для целого ряда "академий", в том числе для получившей европейскую известность римской "Аркадии". Такой псевдоним, однажды закрепившийся за автором, увлекающимся, к примеру, тяжеловесными подражаниями древним классикам, иногда оставался за ним и в том случае, если он публиковался на тему, далекую от его литературных изысков.

Сложилась определенная традиция, которой приходилось следовать. Автор одного известного в рамках неаполитанской истории XVIII века полемического произведения иезуит Джованни Санфеличе подписал свои два тома как Евсевий Филопатр. Во-первых, это достаточно элегантно, "посалонному", звучало для обывателей (а именно на полуграмотных ортодоксов и было рассчитано все в этом произведении, включая систему аргументации), а во-вторых, это имя говорило о многом для любителей аллегорий. Именно аллегориями в стиле эстетики барокко было насыщено подавляющее большинство книжной продукции той эпохи, в особенности претендующей на "изящество" и "философичность". Достаточно вспомнить заставную картинку на фронтисписе первого издания "Новой науки" Дж. Вико: потребовалось дать многостраничное пояснение того, что же, собственно, сей рисунок означает, для неискушенного в этой вычурной символике читателя. В случае с Санфеличе автор

прежде всего недвусмысленно указал на процерковность своей позиции: слишком прозрачен намек на Евсевия Кесарийского, официально признанного с XVI века как "Pater historiae ecclesiasticae". Затем "Филопатр" — "почитатель отца" — намек на то, что тотальная апология церкви была унаследована от отца и, следовательно, совершенно незыблема в системе ценностей "нормального" читателя. Таким образом, даже псевдоним имеет цель воздействия на читателя, манипулирования его сознанием.

Каким же образом мы знаем о том, что книгу написал именно Санфеличе? Дело в том, что использование псевдонима было чистой фикцией: в "правилах игры" было и положение, обязывающее в самой книге абсолютно скрыть сведения об авторе, а вне книги максимально их афишировать. Игра в сюрприз, мелкая интрига вокруг имени выполняла функции, схожие с функциями детективной литературы нашего времени; со временем содержание такой интриги выродилось в чистую условность, вполне уместную и в литературе идеологического жанра.

Помимо "аркадских" псевдонимов, полных греческих аллегорий, встречались и обыкновенные подложные данные об авторе. Казалось бы, этот факт не вписывается в наши умозаключения относительно авторства. В самом деле, если есть необходимость (чаще всего из-за боязни цензурного преследования или самой книги, или того, кто ее написал) скрыть имя автора, то почему бы не издать произведение анонимно?

Нередкое проставление вымышленного имени или иногда подлинного имени другого лица (использование такого рода псевдонимов сложилось и стало традицией именно в XVII — начале XVIII вв.) объясняется прежде всего тем, что по жанру та или иная книга должна была быть "авторской", но по тем или иным причинам автор не хотел себя афишировать. Если бы книга была анонимной, она не разошлась бы и не имела резонанса. Достаточно вспомнить о том, что "Философия природы" Декарта вышла с именем известного медика Генриха Регия на обложке. Дело в том, что книга с подобным заглавием, будучи издана вообще без имени, была бы априорно признана неблагонадежной и еретической — заглавие было слишком обязывающим, и анонимность указывала бы в глазах большинства на боязнь преследования, сле-

довательно, неподцензурность книги и ее неблагонадежность.

Некоторые издания выходили с анаграммой имени автора, что значительно упрощало поиск реально ответственного за текст лица. В известной полемике общеевропейского масштаба вокруг прав на территорию Комаккьо (1707–1708 гг.) А. Риккарди подписал свое произведение "Серра д'Иска". Опять, конечно, из настоящего имени автора не делалось никакого секрета. Дело здесь отнюдь не в том, что Риккарди боялся преследований Курии: реальная политическая ситуация гарантировала автору по меньшей мере физическую безопасность. Сочинение Риккарди отличалось от остальных как по тону, так и по структуре аргументации. Оно не носило характера фактологической справки, и поэтому как автором, так и читателем относилось к другому жанру, в котором использование псевдонима, как мы видели, было распространенным явлением. Эта работа, будучи опубликована под настоящим именем, произвела бы изначально на читателя иное впечатление, нежели то, на которое рассчитывал автор. Если бы Риккарди не прибег к такому приему обозначения жанра произведения и поставил на обложке свое настоящее имя, оно могло бы быть воспринято в том же ключе, что и значительно более "эрудитские" работы других участников полемики и проиграло бы в таком случае от сравнения с ними в смысле фундированности. Сила его и основное отличие от сочинений единомышленников как раз заключалось в полемическом настрое, в памфлетичности, и с этой точки зрения использование такого "псевдо"-псевдонима могло только привлечь определенную категорию читателей.

Внимание историков давно уже приковывает к себе обильное цитирование, наблюдающееся во многих научных произведениях XVII–XVIII вв. Авторитетность печатного текста была такова, что проверка истинности однажды напечатанного считалась в известной мере излишней. За соответствием печатного текста истине в последней инстанции должна была следить цензура. Что же касается конкретных цитат, то упоминание имени автора имело смысл только для того, чтобы воздать ему должное “вообще” или иногда подчеркнуть его проницательность; во второй половине XVII — начале XVIII вв. упоминание имени автора каждой конкрет-

ной цитаты считалось излишеством и даже не могло прийти в голову писателю[33]. Считалось вполне достаточным упомянуть автора и его работу один или несколько раз.

До тех пор пока писатель соглашался с мнением предшественника, он мог переписывать его высказывания, дабы не открывать давно открытое[34]. Книга рассматривалась как совокупность всего предыдущего знания: недаром ведь истории новых государств (дело здесь не только в христианской традиции, унаследованной из средневековья) возводились большей частью к библейским временам и сюжетам. Это делалось для того, чтобы при создании труда, многослойного по определению, ограничить круг предшествующих произведений, от которых зависел автор. В последнем случае автор должен был привести свое сочинение в соответствие лишь с некоторыми обязательными пассажами Писания (в подавляющем большинстве цитировавшихся неточно!). В случаях же, подобных "Гражданской истории", когда важно было подчеркнуть преемственность и, следовательно, подать концепцию как естественно ортодоксальную, круг произведений, на которые опирался автор, сознательно расширялся. Достаточно было нескольких сносок, которые "легитими-

---

[33] Эта тенденция начала сходить на нет уже к середине XVIII века, и авторы литературы серьезного жанра стали стремиться снабдить каждую цитату подробнейшей отсылкой к источнику. Это стало вызывать справедливый протест не только читателей, но и специалистов по эстетике. См.: Argens J. B., Marquis d'. Réflexions historiques et critiques sur le goût et sur les ouvrages des principaux auteurs anciens et modernes. Amsterdam, 1743. Pp. 396ss.

[34] И наоборот: если автор не соглашался с какой-либо мыслью предшественника, то он излагал только свою версию, чаще всего полностью замалчивая мнение заочного оппонента (если речь не шла об открытой полемике между авторами или направлениями, как, например, в "The Battle of the Books", о которой речь пойдет позже). Это соблюдалось и в том случае, если отрицанию подвергался частный тезис того или иного автора, чьи труды в целом признавались достойными. Подобная полемика была совершенно очевидна для современников и не нуждалась — при обозримом количестве выходящей литературы — в "каталогизации" путем тщательно подготовленного аппарата. По этой причине определение содержания и хода полемики для современного исследователя крайне затруднительно — полемика может быть "выслежена" по содержанию трудов, а не по внешним признакам типа сносок, отсылок и т. д.

ровали" книгу. Когда же подобная "легитимация" уже состоялась, сноски и даже отсылки теряли смысл.

Как ни парадоксально это звучит, именно таким образом поддерживалась научная преемственность. Коль скоро работы — с точки зрения не только церковной цензуры, но и подавляющего большинства читателей — делились на "правильные", то есть напечатанные, и "неправильные", "неблагонадежные" сочинения (а вероятность выхода последних в печати была значительно ниже и существовала по большей части в городах со слабой государственной цензурой и практически отсутствующей церковной, например, в Голландии и в некоторых городах Германии), надстраивание собственных тезисов на "правильных" чужих и было высшим проявлением научности. Понятие плагиата в этих условиях не существовало и не могло существовать. Только в эпоху Просвещения с резким ростом печатной продукции в Европе и позднее, после резкого разлома в преемственности общественной мысли, связанного с Революцией и наполеоновскими войнами, факт выхода в печать постепенно перестал быть свидетельством априорной благонадежности, и начал складываться механизм точных ссылок на конкретное издание и автора. Не последнюю роль в этом сыграло еще и то обстоятельство, что гуманитарное знание было причислено к наукам и насильно к ним приближено за счет "стандартизации" внешних черт.

Во второй половине XVIII в. удельный вес анонимной литературы несколько уменьшается. Принадлежность книги и заключенных в ней идей одному конкретному лицу стало необходимым подчеркивать тогда, когда литература повсеместно, а не в некоторых случаях, стала использоваться как оружие в идеологической борьбе. Анонимные сочинения заметно проигрывают теперь авторским, в первую очередь — по общественному резонансу. Массовое слепое доверие печатному слову ушло в небытие. Резкое разделение литературы на ортодоксальную и полемическую привело за собой необходимость определять позицию, и в этих условиях идентификация книги снова постепенно становилась авторской.

Многие сочинения, посвященные истории городов или территорий, начинают свое повествование с эпохи Октавиана Августа, даже тогда, когда произведение носит светский

характер и речь не идет о церковной истории. Это кажется странным только на первый взгляд. Коль скоро любая последующая публикация являлась (или считалась) продолжением какой-то предыдущей, авторы, решая опереться на самое неуязвимое в первой половине XVIII века — на Библию, насильно "приставляют" свое повествование к Новому Завету. Таким образом, он занимает свое место не в эсхатологии той эпохи, а в ее описательной системе[35].

Особых слов заслуживает *Вена как центр европейской интеллектуальной и книжной жизни* конца XVII — начала XVIII вв. Благодаря особенному положению на интеллектуальной карте Европы в 30-е годы XVIII века Вена стала центром контактов ученых и писателей различных политических и конфессиональных устремлений[36]. Там хорошо знали протестантскую и янсенистскую литературу, изучали ее не только ради доктрины, но и для поиска фактологического материала. Янсенистские писатели довольно свободно критиковали некоторые новые официальные церковные теории (например, молинизм) и позднесредневековый католицизм в

---

[35] Иными словами, рассматривая Библию как описание, автор подает и собственное сочинение как описание. Автор исторического сочинения мог рассматривать Писание не в качестве произведения, описывающего действительность, а в качестве самостоятельного явления. Дихотомия той эпохи в отношении Библии была обязательной и свидетельствовала об определенной позиции автора. Иной историк той эпохи, трактовавший Библию по преимуществу как *явление* (а не описание явления), почти автоматически соотносил и свое сочинение с явлением, то есть имплицитно придавал максимальный вес собственным суждениям и подчеркнуто дистанцировался от традиции. В силу исключительной опасности такой трактовки и уязвимости сочинения со стороны церкви (и не только католической!) так могли писать только церковные авторы, сама тематика сочинений которых гарантировала ортодоксальность появлявшегося текста.

[36] Особый космополитизм Вены привел к интересному явлению: немецкий язык для жизни там был вовсе не нужен. "В благородных немецких домах говорили и общались столь же свободно на французском, как и на итальянском". Проживший более 11 лет (1723–1734) в Вене неаполитанец П. Джанноне отмечал отсутствие необходимости изучать немецкий, тем более что "наиболее серьезные и образованные (немецкие. — *И. А.*) писатели пользовались при написании книг не немецким языком, а латынью, *дабы их читали*"[36] (курсив наш. — *И. А.*). См.: Vita di Pietro Giannone, scritta da lui medesimo. Milano-Napoli. 1977. T. 2. P. 138.

в целом, но для венских интеллектуалов-католиков этой критики как бы не существовало — их интересовали лишь приведенные факты и первичная их обработка. Хорошо были известны в Вене произведения гугенотских и галликанских авторов.

В самой Вене были особенно широко представлены испанская и итальянская диаспоры. Традиционно их представители занимали определенные должности при дворе, и переход должности, например, хранителя императорской библиотеки от итальянца к испанцу воспринимался как проявление определенной политической тенденции. Эти диаспоры тяготели к императорскому двору, большинство их членов относились к администрации или получали денежное содержание за те или иные заслуги. Различные политические события изменяли количественное и качественное соотношение испанцев и итальянцев при дворе, и это воспринималось сквозь призму конкуренции групп интеллектуалов разных национальностей. В любом случае постоянное присутствие при дворе многоязыкой группы интеллектуалов значительно облегчало циркуляцию идей в городе, заменяя во многом деятельность привычных для других европейских столиц организаций.

Одним из самых крупных в тогдашней Европе книжных собраний была упомянутая личная библиотека Евгения Савойского (1663–1736). Евгений, сын герцога Савойя-Кариньяно и племянницы Мазарини, в двадцатилетнем возрасте перешедший на службу к австрийскому императору, был вообще заметной фигурой в культурной и интеллектуальной жизни Вены. Деля свою жизнь между блестящими военными кампаниями и созданием обширной тайной агентуры от Лондона до Стамбула, он тем не менее находил время для общения и покровительства ученым и художникам, останавливавшимся при дворе Карла VI. Его гостями в разное время были Лейбниц и поэт Жан-Батист Руссо, Жак Баснаж де Боваль и Николя Ленгле дю Френуа; он был прекрасно знаком с первыми произведениями Вольтера. Агентурная сеть в Европе помимо прочего поставляла ему и книжные коллекции, из которых большей частью и состояла его выдающаяся

библиотека[37]. Это дает повод говорить даже о "конкуренции" в культурной жизни Вены между дворами императора и его председателя военного совета.

Еще одна характерная черта интеллектуальной жизни Вены — близость к Востоку. Здесь складывается и поныне самая обширная в Европе библиотека о турках и Турции. Она содержит помимо прочего огромное количество лубочных картинок и ярмарочных изданий на турецкую тему. Австрийская империя играла роль экрана между христианским миром и турецким завоеванием, пользуясь в этом, разумеется, поддержкой Святого Престола. В Вене больше всего в Европе знали и говорили о мусульманстве, о древностях Востока.

Бросается в глаза отсутствие в Вене университетской традиции и ставшей к тому времени очень модной во многих европейских странах журналистской культуры. Интеллектуалы Вены или существовали при дворе, или имели при нем должность. Большая часть их была иностранного происхождения. Служащие двора представляли пол-Европы, обеспечивая тем самым контакты с различными слоями интеллектуалов континента, в особенности — с протестантским миром Голландии и Германии. Это явление, метко названное Дж. Рикуперати "культурой функционеров"[38], также подчеркивает исключительное своеобразие культурной и научной жизни столицы Австрийской империи.

Церковная и государственная власти начали использовать книгопроизводство в собственных целях, все более сознательно подходя к функции печатной продукции в формировании идеологии, неважно, государственной или конфессиональной. Первоначально станок использовался для печатания канонической церковной литературы (отношения с Богом для тогдашнего обывателя продолжали оставаться са-

---

[37] См., например: Arneth A. Op. cit. Bd. 3. S. 72. Кайзеровская библиотека ("Palatina"), впрочем, также активно скупала книжные коллекции, приобретя, помимо прочего, в 1737 году собрание самого Евгения Савойского, состоящее приблизительно из 15 000 томов! (см.: Lambeciis P. Commentariorum de augustissima bibliotheca cesarea vindobonensi editio altera opera et studio A. F. Kollarii. Vindobonae, 1766. P.I. Col. 758).

[38] Ricuperati G. L'esperienza civile e religiosa di Pietro Giannone. Milano–Napoli, 1970. P. 396.

мым важным в жизни делом), а также прославления отдельных государей или династий. Существование такой "положительной" литературы вызвало постепенно к жизни диалектически обязательное складывание "отрицательной": к примеру, Рим поощрял выход литературы и лубков, высмеивающих турок и других неверных, государи очень постепенно и очень аккуратно переходили к поддержке антикуриальной литературы. Но этот поворот в настроениях государей был лишь симптомом более важного процесса — поиска своеобразного "философского камня", поиска, не только ставшего теоретически возможным благодаря книжному диалогу в масштабе континента, но и его неизбежного следствия.

В этом процессе литература, традиционно считающаяся в отечественной исторической науке "философской" (Декарт, Паскаль, Спиноза и т. д.), формировала лишь одну частную сторону исследований европейского масштаба, хотя и претендовавшую на наибольшую теоретическую глубину и всеохватность. Однако рассмотренные выше причины привели к тому, что философские споры обособились от "главного" направления общеевропейской полемики и стали "вещью в себе". В конце XVII века остро встал вопрос об отношении современного знания и моральных ценностей к накопленному древними: становится ли человечество лучше благодаря материальному и книжному прогрессу? Какова вообще ценность достигнутого уровня цивилизации? Можно ли рассуждать о прогрессе человечества, если самый разумный порядок вещей, в частности, в отношении политики государства в области религии, сложился еще в античности?[39] Полемика, спровоцированная выходом в свет книги сэра Вильяма Темпля "Essay upon Ancient end Modern Learning", получила во Франции имя собственное — "La querelle des anciens et des modernes" (в английской литературе принято идущее от Джонатана Свифта наименование "The Battle of the Books"). "Антикварность" этой эпохи объясняется стремлением срав-

[39] Полемика на эту тему, продолжавшаяся в европейском масштабе с начала 90-х гг. XVII в. до конца 30-х гг. XVIII-го, подробно проанализирована в: Levine J. M. The Battle of the Books. History and Literature in the Augustan Age. Ithaca—L., 1991.

нить достижения цивилизации с уровнем, который описан в самой распространенной книге — Библии. Сопоставление прошлого с настоящим в различной форме сквозит во всей литературе того времени: аллегорическое изображение современной писателям XVIII века дикости — от Свифта до Монтескье и Голдсмита — лишь подчеркивало сопоставление современных порядков с "натуральными", то есть доисторическими — в частности, до первого пришествия.

Еще один характерный момент: подавляющее большинство авторов предшествовавшей Просвещению эпохи, в том числе анонимных, стремились рассказывать об истории человечества "старыми словесами", пользуясь традиционным понятийным аппаратом. Подчеркивая тем самым преемственность своих тезисов от сочинений предшественников, они, безусловно, преследовали и другую, более важную, цель: сколь угодно новые по реальному содержанию, книги должны были оставаться понятными в самой разнообразной читательской аудитории: в среде юристов, деятелей администрации, при королевских дворах и т. д. Просветителям же, в особенности французским (коль скоро именно они уделяли больше всего внимания церковной проблематике), было гораздо логичнее и легче пользоваться новыми понятиями или даже разрабатывать их. За ними стояла пустившая глубокие корни традиция салонов, отличавшаяся от традиции академий значительно большей практической и значительно меньшей эрудитской направленностью. Их читатель чаще всего не был отягощен особыми знаниями, поэтому броское и легкое по форме изложение ему было гораздо более доступно. В силу этого деятели французского Просвещения (в несколько меньшей степени и других национальных течений этого общеевропейского явления) выработали новый язык, новый понятийный аппарат, и именно салоны стали своего рода "полигоном" для их опробования и утверждения. Такой аппарат для авторов предшествовавшей эпохи был, во-первых, бесполезен, поскольку их читатель не удовлетворился бы им и тяготел бы к более традиционному стилю изложения, а во-вторых, вреден, так как их идеи имели смысл, только будучи изложенными в определенном жанре. Авторы той эпохи были вынуждены оговаривать стиль и

жанр собственного сочинения. От жанра сочинения напрямую зависело восприятие содержавшихся в нем мыслей.

В середине XVIII эта зависимость заметно ослабевает, с тем чтобы в зрелом Просвещении сойти практически на нет. Памятником нарождавшимся эстетическим воззрениям стала уже упоминавшаяся книга маркиза д'Аржана (к слову, очень читаемая и популярная), в которой дается следующее определение вкуса: он теперь понимается как "естественное ощущение, усовершенствованное и просвещенное, всего того, что может сделать трактуемую материю блестящей, сжатой, точной, глубокой"[40]. Фундированность многих авторов воспринималась как излишество, причем не только стилистическое, но и смысловое: "Напрасно пытаются поместить в книгу непомерно раздутую эрудицию: вместо поучения она лишь утомляет или же вызывает замешательство в самых праведных душах"[41]. Само слово "эрудиция" приобретает теперь ярко выраженный негативный оттенок. Отражая, безусловно, веяния времени и среды, д'Аржан почти повсюду сопровождал слово "эрудиция" определением "ужасная". Достаточно вспомнить "Новую науку" Дж. Вико, явно перегруженную конкретной информацией даже на вкус современников, на что профессор красноречия из Неаполитанского университета не обращал никакого внимания. Но именно это повлекло за собой забвение его учения и его, безусловно, очень яркой и новой работы еще при жизни автора. Новая эпоха благосклонно относилась к эрудиции только тогда, когда она совсем не демонстрировалась в книге, оставаясь "за кадром" и обеспечивая соответствие излагаемого исторической истине.

Таким образом, коллективизм ученых, основное качество Века Разума, сложился в предшествующую эпоху. Эпоха доктора Фауста безвозвратно ушла в прошлое. Это было очевидно современникам, и именно на этом основывался глубокий социальный оптимизм Гете. Все страсти и чувства становятся общественными, и интимные переживания уже не представляют для людей интереса. Очень ярко это проявляется в деятельности ученых, общению которых между

---

[40] Argens J.-B., Marquis d'. Op. cit. P. 2.
[41] Ibidem.

собой служил ряд механизмов. Многие из них были сформированы еще в предшествующую эпоху Возрождения, когда общественный интерес к науке только складывался.

Тем не менее очевидно, что сам характер ученого труда на протяжении XVII–XVIII вв. претерпел значительные изменения. Галилей и его современники — ученые лабораторные; контакты с коллегами играли второстепенную роль. С течением времени общественные связи стали даже главным атрибутом ученых занятий; кабинетный профессионализм, сопровождаемый глубокой эрудицией и отсутствием интереса к форме изложения мысли, становится объектом насмешек, как видно из сочинения д'Аржана. Переписка ученых вызывала порой больший ажиотаж, нежели их сочинения, предназначенные для печати. Сама эрудиция из идола всех ученых постепенно превращается в атрибут определенной их группы. Европейское общество шло навстречу эпохе Просвещения: идеи приобретали удобную для передачи и массового пользования форму и предназначались для распространения через уже сложившиеся в предшествующую эпоху механизмы.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И МЕЦЕНАТСТВО НАУКИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ В ВАРШАВЕ ПОСЛЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ (1863) ДО 1890-Х ГГ., ОСНОВЫ И ФОРМЫ

Магдалена Мичиньска

Вторая половина XIX в. имела необыкновенно важное значение для истории польских земель. Глубокие перемены коснулись общественных, экономических и политических отношений, повседневности, интеллектуальной и духовной жизни поляков. Новые формы приобрела идея польской нации, изменился характер и охват национального самосознания. В то же время это был период укрепления и расширения нового социального слоя, который претендовал на право духовного главенства в обществе — интеллигенции (inteligencja).

В Царстве Польском, крупнейшей и наиболее населенной части давних польских земель, переломным моментом истории было Январское восстание 1863–1864 гг. и последовавшие за ним репрессии, долгосрочными целями которых должны были стать слияние Царства Польского с остальной Российской Империей, его "деполонизация" и тем самым разрешение одного из "проклятых вопросов" российской политики XIX столетия[1]. Ликвидация автономии, замораживание реформ Александра Велепольского 1861–1862 гг., русификация образования всех уровней, потеря многих творческих личностей (жертвы восстания, ссыльные, эмигранты) — все это определило ситуацию польской науки и культуры в "Русской Польше" в последующие года и десятилетия. Чувствительным ударом стало закрытие в 1869 г. в Варшаве

[1] Ср. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. Х. Гленбоцки в своей монографии пользуется аналогичным термином "фатальный вопрос" (Fatalna sprawa: kwestja polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856-1866). Kraków, 2000).

польской Школы Глувной, которую заменил российский Императорский варшавский университет. Это повлекло за собой не только введение нового языка преподавания и смену национального состава студентов, но прежде всего потерю академических должностей — и соответственно материального статуса — большинства профессоров-поляков, а также возможности образования для следующих поколений ученых. В Царстве Польском послеянварского периода отсутствовала какая бы то ни было институциональная поддержка, которую обеспечивало обществу независимое государство — высшие учебные заведения, академии художеств, государственные музеи, общества и прочие научные организации. Более того, крайняя подозрительность властей препятствовала легализации любой общественной деятельности.

Во второй половине XIX в. Варшава была одним из наиболее динамично развивавшихся городов Европы и в то же время важнейшим центром на западных рубежах Российской Империи. В 1872 г. город насчитывал 276 000 жителей, накануне I мировой войны перешагнул миллионный рубеж. Здесь действовал русский университет, в который влились кадры польской Школы Глувной, но в 1870–1880-х гг. он был практически целиком русифицирован. Если в 1870 г. среди собственно научных сотрудников вуза насчитывалось 36 поляков, то в 1910 г. остался лишь один; русский персонал доминировал и на вспомогательных должностях, в т.ч. в библиотеке. Тем не менее в течение всего этого периода большинство студенческой молодежи составляли поляки (в 1870 г. — 91%, в 1905 — 70,4% от общего числа студентов). Выпускники университета составили новые научные кадры, однако большинство из них не могло (и не желало) работать здесь. Несмотря на подавляющий перевес студентов-поляков, университет и до 1890-х гг. не стал центром притяжения для варшавской творческой интеллигенции. Один из его студентов — пусть и преувеличивая — писал, что "он (Императорский варшавский университет. — *М.М.*) уже самим своим существованием, занимая место и вытесняя польскую науку и культуру с надлежащего ей места, был как колода под ногами на пути вперед". Тот факт, что из стен универси-

тета вышло тем не менее много знаменитых ученых, объяснялся "не благодаря, а скорее вопреки ему"[2].

В Царстве Польском после Январского восстания важнейшим фактором было отсутствие перспективы для молодых ученых практически во всех дисциплинах. Эта ситуация повлекла за собой цивилизационное отставание польских земель по отношению к Западной Европе ("незрелый возраст нашей духовной жизни и тяжелые условия современного быта объясняют до некоторой степени нашу отсталость", — писал один из творцов интеллектуальной жизни Варшавы — Б. Хлебовский[3]). Таким образом абсолютно закономерным было решение эмигрировать: часто уезжали в учебные заведения Галиции, которая пользовалась под властью Австро-Венгрии широкой автономией, или в Западную Европу. В этот период польские ученые участвовали в деятельности научных заведений по всей Европе, иногда сохраняя свои связи с родиной, а иногда и полностью порывая их.

Для тех, кто остался в стране, наука была скорее призванием, чем профессией. "Наукой занимались порывами — вспоминал один из современников той эпохи, известный историк В. Смоленьский, — посвящая ей оторванные от сна ночные часы, дни выходных и праздников. Ей отдавались бескорыстно, без видов на какие бы то ни было материальные блага, руководствуясь убеждением в том, что в этом заключается служба для нации"[4]. Варшавские ученые жили прежде всего лекциями в частных просветительских учреждениях, репетиторством, доходами с должностей администрации в организациях под польским началом, таких, как

---

[2] Koszutski S. Walka młodzieży polskiej o wielkie ideały. Wspomnienia z czasów gimnazjalnych i uniwersyteckich (1881–1900). Warszawa, 1928. S. 33. В этом же духе высказывался B. Chlebowski (Zycie duchowe w Warszawie // Tegoż. Pisma. T. 4. Warszawa, 1912). Историк литературы и публицист Ф. Хесик, вспоминая свою работу в варшавских библиотеках, самую низкую оценку давал книжным фондам и общей атмосфере университетской библиотеки (Hoesick F. Dom rodzicielski. T. 3. Kraków, 1935. S. 5).

[3] Chlebowski B. Op. cit. S. 119.

[4] Smoleński W. Warunki pracy naukowej w byłym Królestwie Polskim w okresie odwetu rosyjskiego za powstanie styczniowe // Tegoż. Studia historyczne. Warszawa, 1925. S. 285.

Кредитное земское товарищество или железнодорожные акционерные общества.

На протяжении почти 40 лет между ликвидацией Школы Глувной (1869) и основанием Научного варшавского общества всю тяжесть поддержки научной деятельности взяло на себя общество — более или менее организованные группы с разным социальным происхождением, местные и профессиональные общества, семьи, отдельные личности. История института меценатства отражала социальные отношения в стране и смену важнейших идей и поколений в польском обществе на протяжении этих десятилетий.

Предметом моей статьи служат два поколения, пик активности которых пришелся на годы непосредственно после поражения Январского восстания. Можно назвать их поколением "старых" и "молодых", что отвечает разнице между т.н. старой и молодой прессой около 1870 г. Первое из этих поколений составляли родившиеся в 1820–1830-х гг. (или раньше), которые были свидетелями восстания уже в зрелом возрасте. Большинство из них (как пример тут можно привести журналиста К. В. Войчицкого, Л. Йенике, Шимановского, поэтессу Я. Лущевскую-Деотиму, врачей Т. Халубиньского и И. Барановского) не принимали участия в восстании, либо это участие было относительно скромным. Поколение "молодых" — это группа родившихся в 1840-х — начале 1850-х гг., связанных общностью судеб и исторического опыта Январского восстания, его поражения и последовавших кровавых репрессий. Большинство из них училось в функционировавшей в 1862–1869 гг. Школе Глувной. Несмотря на краткость ее существования, Школа сыграла не только значительную роль в университетской жизни, но и стала необыкновенной школой характеров для молодого поколения. "Это объясняет характерный контраст между ее очевидной слабостью и недостатками — и результатами ее краткого существования"[5]. Поскольку выпускники Школы Глувной были свидетелями военного поражения восстания, они стремились заменить романтический идеал "ирредентистов" позитивистскими идеалами работы над материальным ростом и развитием цивилизации в стране. Политиче-

[5] Chlebowski B. Op. cit. S. 124.

ские взгляды позитивистов весьма различались: были среди них "прогрессисты" (как А. Свентоховский), умеренные реалисты (как Б. Прус, П. Хмелевский или С. Дикштейн) и консерваторы (как М. Годлевский). Но всех их объединяло убеждение в необходимости научного и цивилизационного развития Польши, гарантией которого должна была стать легальная мирная работа.

Периоду варшавского позитивизма посвящено немало компетентных работ как историков, так и литературоведов. Среди обширной литературы можно назвать работы Лескевичовой, Журавицкой, Фиты, Кульчицкой-Салони, Пискуревича[6]. Предмет первых двух работ составляет варшавская интеллигенция как социальная группа, динамика ее численности, материальное и интеллектуальное развитие во второй половине XIX в. Остальные исследователи занимаются разными аспектами жизни интеллектуальных элит Варшавы того времени: просопография выпускников Школы Главной и связывающее их коллективное самосознание (Фита); литературная жизнь Варшавы до 1892 г. (Кульчицкая-Салони); история наиболее важных институтов меценатства науки того периода (Пискуревич). Цель настоящей статьи — попытка взглянуть на интеллектуальную элиту через призму мест, в которых происходили встречи и обмен идеями ее главных представителей. Я пользуюсь здесь исследовательской методикой, применяемой французскими историками и социологами (прежде всего это Кристоф Прошассон), занимающимися историей и идеями французских интеллектуалов. Их схема "lieux–milieux–reseau" ("места–среда–сети") предполагает, что каждое место (салон, школа, вуз, печатный орган или издательство) порождает собственную среду; анализ сети таких сообществ позволяет описать типичное поведение интеллектуалов[7].

---

[6] Leskiewiczowa J. Warszawa i jej inteligencja po powstaniu styczniowym 1864–1870. Warszawa, 1961; Zurawicka J. Inteligencja warszawska w końcu XIX wieku. Warszawa, 1978; Fita S. Op. cit.; Kulczycka-Saloni J. Życie literackie Warszawy w latach 1869–1892, Warszawa, 1970; Piskurewicz J. Warszawskie instytucje społecznego mecenatu nauki w latach 1869–1906. Wrocław, 1990.

[7] Ср.: Micińska M. "Zwierzęta nie mają historii — po co historia intelektualistów?" Przypadek francuski w oczach intelektualistów i badaczy // Kultura i Społeczeństwo, 2000, N 2. S. 85-102.

Сеть таких мест и сообществ была в Варшаве после 1865 г. относительно густой, однако из-за специфики политической ситуации она носила своеобразный характер. Инициативы по удовлетворению потребностей общества, лишенного собственных научных и просветительских институтов, рождались в результате частных встреч и дискуссий в варшавских салонах, редакциях и кафе. "Таким образом жизнь, искусственно задерживаемая в своем развитии, лишенная нормальных органов, образовала для себя формы, в которых определялось общественное мнение"[8].

Салон как место, где кристаллизуется публичная, литературная и политическая деятельность, имел в Варшаве долгую традицию начиная со второй половины XVIII в. и "четверговых обедов" у короля Станислава Августа, которые он давал для знаменитых поэтов, писателей и артистов. Эти обеды были одной из наиболее ранних форм образования современной интеллигенции. Салон как очаг литературной жизни и источник распространения политических принципов пережил свой апогей в 1840-х гг. Среди наиболее важных интеллигентских домов этого времени главную роль играл салон Магдалены (Нины) Лущевской. Одним из притягательных моментов на ее приемах стало присутствие дочери Лущевской Ядвиги, обладавшей редкостным импровизаторским талантом. Во второй половине 1850-х гг. и перед самым Январским восстанием общественное мнение Варшавы формировалось на более замкнутых и эксклюзивных встречах ровесников или людей, объединенных одной политической и социальной программой действий. Сразу после разгрома восстания публичная жизнь в большинстве этих мест замерла. Это было результатом, с одной стороны, убыли значительной части варшавской интеллигенции в результате гибели в бою, эмиграции и особенно ссылки, с другой — следствием господствующей после восстания атмосферы поражения. Однако кризис в той мере, в какой здесь вообще можно употреблять этот термин, был удивительно недолгим.

Во второй половине 1860-х гг. в Варшаве еще действовало несколько кружков старого толка, сложившихся вокруг

---

[8] Krzywoszewski S. Długie życie. Wspomnienia. T. 1. Warszawa, 1947.

людей, значимых для предыдущей эпохи, как Мария Ильницка или Нарциза Жмиховска. В более или менее привычном ритме шла жизнь буржуазных элит в таких семьях, как Кроненберги, Берсоны, Натансоны, Ротванды, Шленкеры и др., хотя российские репрессии коснулись и их. Как всегда держали открытые дома в Варшаве аристократы и богатые помещики — Красиньские, Замойские, Любомирские, Любеньские, традиционно принимавшие участие в благотворительных и филантропических инициативах.

С первых лет после Январского восстания важную кристаллизующую роль в организации и формировании общественного мнения в Варшаве играли редакции главных периодических изданий. По-прежнему выходила "старая" пресса, издававшаяся уже много лет, имевшая стойкое реноме и свою читательскую аудиторию. Сюда относились прежде всего две газеты — "Курьер Варшавски" (1821 г.)[9] и "Газета Польска" (1826 г.), а также крупнейший среди польских и один из крупнейших в Европе журнал "Тыгодник Илюстрованы" и литературно-научный ежемесячник "Библиотека Варшавска" под редакцией К. В. Войчицкого. То же направление представляло и несколько периодических изданий, основанных уже после поражения Январского восстания, в т.ч. "Клос" под главенством Войчицкого и консервативно-католическая "Кроника Родзинна" под редакцией А. Борковской, адресованная прежде всего женщинам. "Библиотека Варшавска" играла среди них особенно важную роль как центр, вдохновлявший польские исторические исследования по истории, праву, экономике, этнографии. Сотни исследователей публиковали здесь свои научные работы. Журналист А. Залесский писал: "«Библиотека Варшавска» — это скорее научный институт, чем периодическое издание. Все лучшее в науке и литературе страны собралось вокруг нее и публиковало в ней свои труды"[10]. Войчицкий организовывал в

---

[9] "Что за несравненные отношения были в редакции «Курьера» в годы 1883, 1884, 1885, — вспоминал свою работу здесь Ч. Янковский, — Шапки долой, господа коллеги, перед этим исчезающим миром!" (Jankowski C. Z czeczotkowej szkatułki. Odgłosy ginącego świata. Wilno, 1926. S. 13).

[10] Zaleski A. Towarzystwo warszawskie. Listy do przyjaciółki przez Baronową XYZ. Opr. R. Kołodziejczyk. Warszawa, 1971. S. 384–385.

помещении редакции еженедельные "литературные утренники", в которых принимали участие несколько десятков журналистов и литераторов старшего поколения. Во время этих встреч сам главный редактор пел дифирамбы своему детищу и другим изданиям "старой" прессы; собравшиеся вкушали скромное угощение, сдобренное водкой и пивом. Представитель "младшего" поколения В. Пшиборовский язвительно замечал: "Съев сардельки, все расходились в наилучшем согласии" и с приятным чувством уверенности, что новые тенденции не имеют никаких шансов.

С таким же сарказмом Пшиборовский отзывался о журнале "Тыгодник Илюстрованы" и его многолетнем редакторе Людвике Йенике. Издание, по мнению Пшиборовского, было "столь же сухим, как Йенике, столь же нескончаемодлинным, как он, таким же инертным и задервенелым, таким же снисходительным, как и — благородная, впрочем — душа его редактора"[11]. Эту оценку, хоть, разумеется, она была намеренно заострена, можно отнести и к другим изданиям "старой" прессы, отстаивавшей во второй половине 1860-х — начале 1870-х гг. уже накопленное, избегавшей любых рискованных инициатив и новаторских идей.

Тот же период был и свидетелем зарождения "молодой" прессы, творцы которой вышли прежде всего из выпускников Школы Глувной. В 1866 г., когда еще продолжались судебные процессы над повстанцами, в Варшаве появился "Пшеглонд Тыгодневы" — первый наиболее важный и самый радикальный орган "молодой" прессы. Его основателем и редактором был Адам Вислицкий, главную роль в редакции играл Александр Свентоховский, литератор и теоретик, названный спустя годы "папой польского позитивизма". Издание взяло на себя роль сурового судьи национальных недостатков, а также самодовольной среды журналистов "старой" прессы. В 1860–1870-х гг. на его страницах разыгрались все главные баталии и полемические кампании "молодой" прессы. Сотрудниками издания были в тот период многие студенты Школы Глувной — кроме Свентоховского литературный критик Петр Хмелевский, писатели Адольф

[11] [Przyborowski W.] Stara i młoda prasa. Przyczynek do historii literatury ojczystej (1866-1872). СПб, 1897. S. 123-124.

Дыгасиньский и Генрих Сенкевич, философ Юлиан Охорович, театральный критик и актер Юзеф Котарбиньский. Апогей развития "Пшеглонда" пришелся на 1871 г. и несколько последующих лет, затем часть сотрудников ушла в "Опекун Домовы" и "Ниву".

Среди прочих представителей "молодой" прессы особую научную и общественную роль сыграли: "Вендровец" (1863) — иллюстрированный еженедельник под редакцией Ф. Сулимирского, освещавший жизнь и обычаи общества на польских землях и за границей; "Блущ" (1865) под редакцией М. Ильницкой, первое издание, пропагандировавшее умеренные лозунги эмансипации женщин; "Нива", научно-литературное издание, которое сначала представляло т.н. умеренное крыло позитивистского лагеря (в нем сотрудничали в т.ч. П. Хмелевский, Л. Мейе, Б. Прус, Ю. Охорович, Г. Сенкевич), но с 1874 г. приобрело под редакцией М. Годлевского отчетливо консервативный характер; а также литературно-политическая "Бесяда Литерацка" (1876). Со временем позитивистскую программу поддержали и "старшие" варшавские издания, особенно "Тыгодник Илюстрованы" (с 1880-х гг.), "Клосы" под редакцией А. Плуга (1879–1890) и "Газета Польска", редактором которой был с 1875 г. Э. Лео в сотрудничестве с Д. Хенкелем.

Среди периодических изданий, основанных в 1870-х гг., главное место наряду с "Пшеглондом Тыгодневым" занял "Атенеум", ежемесячник энциклопедического характера, посвященный различным проблемам науки и литературы. Инициаторами создания "Атенеума" были юрист, известный политик В. Спасович и директор Архива древних актов, профессор всеобщей истории Варшавского университета А. Павиньский (один из немногих поляков, сохранивших профессорскую должность). Первым, скорее номинальным, редактором "Атенеума" являлся Г. Бенни, университетский преподаватель английского, старший брат известного врача К. Бенни. По замыслу инициаторов издание должно было играть роль центра научной жизни в Варшаве; гарантией этого стал коллектив сотрудников, призванный распространять идеалы позитивизма.

Со временем нарастающая радикализация и политическое размежевание элит привело к возникновению изданий с

четкой редакционной позицией — "Правды" и "Слова" (1881). Основателем, редактором и главным публицистом в еженедельнике "Правда" был А. Свентоховский: он вел еженедельную рубрику Liberum veto, полемизируя с трилоялизмом (т.е. лояльной позицией по отношению к трем государствам, разделившим польские земли — *Прим. пер.*), пропагандировал принципы позитивизма. Хотя в "Правде" выплачивались невысокие гонорары, вокруг нее собрался коллектив замечательных публицистов и ученых — таких, как А. Г. Бем, О. Буйвид, С. Дикштейн, С. Кшеминьский, В. Смоленьский, А. Сулиговский. Еженедельник посвящал много места естественным наукам и медицине, антропологии и этнологии, а также технике и новейшим изобретениям.

Совсем иной облик был у "Слова", общественно-политического издания, представлявшего интересы "угодовцев", т.е. сторонников лоялизма по отношению к российским властям, и крупных помещиков. "Слово" сотрудничало с аналогичным по ориентации петербургским "Краем" Спасовича и Пильца. Наибольшую читательскую аудиторию "Слово" приобрело под редакторством Г. Сенкевича в 1881–1887 гг., когда здесь публиковалась частями его самое популярное произведение, "Трилогия". Здесь же помещались статьи, касающиеся политики лоялизма, и корреспонденция богатых помещиков со всей страны.

Все упомянутые редакции изданий стали центрами, которые собрали коллективы сотрудников, образовавших впоследствии между собой сеть профессиональных, общественных, идейно-политических и семейных связей. Эта сеть определяла лицо варшавской элиты в течение двадцатилетия, последовавшего за поражением Январского восстания. Начало 1870-х гг. принесло с собой оживление публичной жизни Варшавы — благодаря развитию города как культурного центра, а также в результате окончания сроков заключения или амнистии январских ссыльных и приспособления горожан к новым политическим условиям. Сюда приезжали артисты из других частей разделенной Польши — такие, как знаменитая актриса Хелена Моджеевска. Возвращались ссыльные варшавяне, в т.ч. Я. Лущевска (Деотима), отбывшая ссылку вместе с отцом, и историк С. Лагуна; в Варшаве оседали и деятели восстания из литовских и украинских зе-

мель, которым после ссылки было запрещено возвращаться домой, — историк Т. Корзон, журналисты Д. Хенкель, А. Петкевич (псевд. А. Плуг) и Я. Гейштор, помещик, а затем варшавский букинист. Таким путем формировалась и росла интеллектуальная элита города: "Вильно от этого страдает, зато Варшава получает оттуда добросовестных и талантливых работников в разных областях деятельности"[12].

В начале 1870 г. Мария Фаленьска, переводчица и жена поэта Фелициана, писала своим друзьям в Краков, что в Варшаве наберется лишь три дома, собирающих у себя литературно-художественную элиту — салоны директора театра и журналиста З. Сарнецкого, Х. Моджеевской и ее мужа К. Хлаповского, а также Деотимы[13]. Среди них салон Деотимы в течение трех последующих десятилетий оставался важным пунктом на карте общественной жизни Варшавы.

На "monjour'ы" Деотимы начиная с 1869 г. собирались известные представители "старшего" и "младшего" поколения пишущей братии. Среди прочих тут бывали поэт А. Э. Одынец, журналист И. Скимборович, А. Плуг, Г. Сенкевич, Т. Корзон, А. Краусхар, С. Кшеминьский и прочие более или менее значимые представители литературы, прессы и других сфер. Приемы были обставлены с пышностью, достойной монаршего двора, в котором властвовала названная поклонниками "королевой идеала" Деотима. Ее окружала свита, окрещенная "Парнасом": Одынец исполнял роль исповедника, Скимборович — библиотекаря, Сенкевич — ключаря. Постановка и программа приемов оставались неизменными вплоть до начала XX в. "Четверги" Деотимы начинались очень поздно, уже после окончания театральных представлений; дамы являлись в вечерних платьях, господа во фраках. В центре салона был помещен портрет Деотимы в молодости, рядом с ним — трон, покрытый серебряной и золотой парчой, столик с семисвечником и золотая лира. Хозяйка салона, одетая в черное бархатное платье, читала свои творения, требуя от собравшихся напряженного внимания и сдержанных восклицаний восторга в подобающих местах.

---

[12] Chlebowski B. Op. cit. S. 126.

[13] Korespondencja Karola Estreichera z Marią i Felicjanem Faleńskimi (1867–1903). Wyd. J. Rudnicka. Wrocław, 1957. S. 54.

Если кто-то позволял себе невовремя улыбнуться, Деотима отрывала взгляд от рукописи, а из ее глаз "сверкали молнии". Если же гость рискнул паче чаяния кашлянуть или перемолвиться с соседом, кара была еще строже: "хватало двух-трех взглядов, от четвертого можно было упасть замертво"[14]. После чтения хозяйка общалась с гостями, получая от них восхищенные признания; вносили кубок араки с горячей сладкой водой и пирожные. На следующий день в пятничном "Эхе" обычно появлялся хвалебный отчет с приема.

Наибольшую роль салон Деотимы играл в 1870-х гг., когда встречи под ее эгидой "играли весомую роль в публичной жизни нашего города". Тут бывало "общество, составленное исключительно из элиты варшавской интеллигенции, а стать этим избранным считалось за честь, которой многие добивались безрезультатно"[15]. Слава салона и частота собраний в начале 1870-х гг. вызвали подозрительность властей. Разошлись слухи, что Деотиме не миновать проверки, поскольку русские считают ее "четверги" прикрытием конспиративной деятельности. Чтобы развеять эти подозрения, Деотима решилась пригласить на один из приемов наместника Польши Федора Берга. Его единственный визит не имел никаких последствий — по одному из неподтвержденных свидетельств, сановник уснул во время чтения стихов.

Со временем театральность и напыщенность приемов у Лущевской стала коробить варшавское общество. Свентоховский высмеивал их "ясельно-трубадурскую организацию". Салон Деотимы он сравнил с подземной "соляной часовней в Величке (большая соляная шахта. — *М.М.*), где все белое, холодное и с искусственным светом". Впрочем, и он признавал, что приемы Лущевской отличало особое возвышенное настроение: "и хотя ее гости нередко смертельно скучали, они скучали как ангелы"[16]. На рубеже XIX–XX вв. молодежь поражала господствующая тут "атмосфера притворства": гости тайком зевали и даже засыпали на декламации поэтессы, затем в разговоре с Деотимой не жалели комплиментов, после чего немилосердно злословили за ее спи-

---

[14] Jankowski Cz. Op. cit. S. 19-20.
[15] Ibid. S. 16; Zaleski A. Op. cit. S. 16.
[16] Świętochowski A. Wspomnienia. Opr. S. Sandler. Wrocław, 1966. S. 142.

ной. И все же салон Деотимы до конца был "вспышкой поэзии в темной ночи национальной неволи"[17]. Никто не решился на настоящую критику и никто не отказался от приглашения Деотимы вплоть до момента, когда в 1905 г. больная поэтесса отменила свои публичные monjour'ы. Относительная скудость варшавской общественной жизни не может объяснить этот феномен; тем более со временем дом Деотимы стал одним из нескольких или даже нескольких десятков подобных. Популярность "четвергов" объяснялась необычной личностью Лущевской. "Это была высшего фасона грандама с изысканными манерами, задающая тон даже для самого широкого и разнородного окружения"[18].

С начала 1870-х гг. круг варшавской элиты бывал также в домах трех знаменитых врачей и общественных деятелей — Т. Халубиньского, И. Барановского и К. Бенни. Первый из них, пожалуй, самая популярная личность в Варшаве с 1860-х гг., принимал только самых близких друзей; двое других установили в варшавском календаре свои monjour'ы. Игнацы Барановский, профессор Варшавского университета (до 1884 г.), известный благотворитель и меценат, один из соучредителей "Атенеума", организовал в своем доме собрания деятелей науки и культуры. Их называли "польским сеймом в Варшаве"[19], хотя в принципе тут обсуждались исключительно научные вопросы. Тут бывали литераторы и ученые "старшего" поколения (в т.ч. Павиньский, Халубиньский, Прус, Сенкевич, Ожешко, которая считала Барановского одним из варшавских *sommitées*"[20]), а также сторонники безусловного лоялизма и "угоды" с Россией, поскольку сам хозяин был горячим сторонником такой линии.

Значительно более широкий масштаб носили исключительно мужские "пятницы" у Карла Бенни, проходившие без перерыва на протяжении 41 года с 1870 до 1911 гг. Хозяин, известный отоларинголог, был в то же время знаменитым общественным деятелем, которому удалось собрать вокруг себя постоянный круг ведущих варшавских деятелей того

---

[17] Rabska Z. Moje życie z książką. Wspomnienia. T. 1. Wrocław, 1959. S. 139
[18] Jankowski Cz. Op. cit. S. 18.
[19] Rabska Z. Op. cit. S. 103.
[20] Orzeszkowa E. Listy zebrane. Opr. E. Jankowski. T. 1-8, Wrocław 1954-1976. T. 1. S. 18.

времени и создать полулегальный форум общественно-политической жизни. В салоне Бенни каждую вторую пятницу собирались видные граждане — политические деятели, ученые, писатели, публицисты и артисты (в т.ч. В. Богуславский, З. Хелмицкий, М. Годлевский, Д. Хенкель, А. Яблоновский, А. Плуг, Э. Лео, друг хозяина Сенкевич, К. Залевский, Л. Кшивицкий, С. Кшеминьский, Й. Вейссенхоф и многие другие, постоянно было около 40 человек; по свидетельствам присутствовавших, весь цвет "столичного интеллектуализма" или "все интеллигентное общество").

Бенни угощал своих гостей ужином, после которого подавали кофе и лучшую в Варшаве вишневку; за этим приятным времяпрепровождением обсуждались общественные заботы и нужды. Для решения наиболее важных вопросов сюда съезжались представители всех трех частей разделенной Польши. "Пятницы" были чем-то вроде конспиративных собраний — в квартиру входили поодиночке через черный ход. Л. Кшивицкий, который попал в начале XX в. под надзор полиции, перестал тут бывать, не желая привлекать внимания властей к приемам у Бенни. С такой же осторожностью подходили к вопросу о приглашении новых гостей. Каждая кандидатура обсуждалась завсегдатаями, а решающий голос всегда принадлежал Д. Хенкелю.

"Пятницы" у Бенни являлись, безусловно, важнейшим в Варшаве последней четверти XIX в. центром не только жизни общественной, но и политической. Это был "тихий сейм, а принятое на нем решение в форме выраженного мнения распространялось в той или иной ситуации в среде, определяющей способ действий варшавского общества как ориентир для правильного поведения". Тут регулярно присутствовали представители разных профессий и слоев; хотя большинство гостей провозглашало позитивистские идеалы "органичной работы" и открещивалось от всяких подпольных инициатив, "каждый мог попросить слова, и его выслушивали"[21]. Благодаря этому о Бенни высоко отзывались и представители следующего поколения, которое в 1890-х выбрало иные, чем позитивисты, пути деятельности. Суще-

[21] Krzywicki L. Wspomnienia. T. 1-3. Warszawa, 1958–1959. T. 3. S. 167, 175; Hoesick F. Op. cit. S. 12.

ствование "пятниц" отражало, с одной стороны, огромные потребности общества, лишенного большинства нормальных государственных институтов, а с другой — необыкновенно сильное гражданское чувство у варшавской интеллигенции того времени. Собрания играли роль плавильного котла для индивидуальных общественных инициатив, своего рода исполнительного органа и главной инстанции для определения отношения к оккупационным властям. "Все исходившие оттуда поступки и мысли имели, понятно, не только конспиративный, но и удивительный анонимно-коллективный характер; бесспорный талант и страстное вовлечение хозяина в общественную работу направляли усилия одиночек в организованную деятельность"[22].

Выразительное свидетельство о роли "пятниц", далеко выходившей за пределы Варшавы и Царства Польского, — запись от 1899 г. в дневнике художника Ф. Рущица, родившегося в Виленской губернии и выросшего в Петербурге: "Был на "пятнице" у доктора Бенни. Я всегда мечтал о том, чтобы хоть когда-нибудь увидеть этих людей, которые мыслят для нации; мечтал хоть издалека посмотреть на них. А вышло так, что они приняли меня у себя. Этот день будет для меня памятным и одним из самых счастливых в жизни"[23].

Следующим важным центром формирования общественного мнения были "чаепития" у Дионизия Хенкеля. Этот неприметный "кресовяк" (поляк из "кресов", восточных литовско-белорусско-украинских земель. — *Прим. пер.*), шепелявый и скромно одетый, стал "одним из самых влиятельных, хоть и неявных организаторов литературной жизни в Варшаве и даже за ее пределами. И не только литературной!"[24] Хенкель приехал в Варшаву в 1870 г. (имея за плечами участие в восстании и ссылку) и начал с журналистской работы; он был в т.ч. членом редакции "Газеты Польской". Несколько десятков лет он прожил в надстройке над конюшнями во флигеле дома на улице Мазовецкой. В таком скромном окружении проходили собрания литературной элиты Варшавы: тут бывали Сенкевич, Реймонт, Вейссен-

---

[22] Krasiński E. Gawędy o przedwojennej Warszawie. Warszawa, 1936. S. 64.
[23] Ruszczyc F. Dziennik. Cz. 1: Ku Wilnu 1894-1919. Warszawa, 1994. S. 106.
[24] Krzywicki L. Op. cit. T. 3. S. 164.

хоф, Косякевич, Ашкенази, Кшивицкий и прочие, в том числе литераторы из других польских земель. Для них это был "институт вдохновения", "кузница талантов, литературная исповедальня и лаборатория"[25]. Хенкель читал их произведения, советовал, критиковал и пробуждал, "творил" писателей. Его влияние на окончательную форму произведений Сенкевича, Вейссенхофа и Косякевича неоднократно засвидетельствовано по источникам; "отшельник с Мазовецкой" предложил Сенкевичу название одного из его наиболее популярных романов "Огнем и мечем", давал ему рекомендации при написании "Пана Володыевского"; он вдохновил Сенкевича и Пруса написать произведения, посвященные революции 1905 г. Кроме того, на Мазовецкой гостили представители самых различных политических направлений, мировоззрений и профессий: социалисты, консерваторы, деятели католицизма, ссыльные, участники восстания, актеры, аристократы и предприниматели: для Хенкеля "был важен обзор поля боя, на которое простиралась его деятельность"[26].

Фигура Хенкеля и описания его "чаепитий" встречаются на страницах большинства мемуаров и свидетельств участников общественной жизни Варшавы XIX–XX вв. Для своих многочисленных почитателей "Хенкель был чем-то вроде далай-ламы", но его влияние распространялось и на более широкие круги варшавской интеллигенции, покоренной "силой индивидуальности, радикальностью чувств и мощью реакции"[27]. Изданная в Кракове в 1901 г. брошюра "Из-за кулис Варшавы", где варшавские литературные салоны и их завсегдатаи представали в ироническом свете, была благосклонна только к Хенкелю, фигура которого описывалась с добродушной улыбкой ("заботливая наседка для этих невинных птенцов", т.е. прочих литераторов). По мнению анонимного автора брошюры, Хенкеля везде уважали и любили за сочетание в нем светского европейца и типичного "варшавяка". Тот факт, что Хенкель родился в Киевской губернии, а в Варшаве осел уже в возрасте лет тридцати, и что он

---

[25] Leo A. Wczoraj. Gawęda o niedawnej przeszłości. Warszawa, 1929. S. 167.
[26] Krzywicki L. Op. cit. T. 3. S. 167.
[27] Hoesick F. Op. cit. S. 17; Leo A. Op. cit. S. 166.

никогда не был ни в одной из столиц Западной Европы, не имел при этом никакого значения.

Встречи у Бенни и Хенкеля в течении десятилетий играли особую роль в жизни Варшавы и страны. Однако кроме них с 1870-х гг. в городе существовали и многочисленные салоны литературного, научного, политического и художественного характера, собирающие представителей интеллигенции, а также буржуазии и аристократии. Они выполняли разные функции, набирая и теряя популярность, но о всех них можно сказать, что это были места постоянных контактов интеллектуальной элиты Варшавы, плодом которых являлись не только обмен мыслями и взглядами, но нередко и публичные инициативы.

Примерно с 1870 г. у историка и бывшего ссыльного Тадеуша Корзона собирались на вечерний чай его знакомые, в основном земляки хозяина из Литвы и "сибиряки"-ссыльные. "Разгорались горячие дискуссии, в которых принимал участие сам Корзон"[28]. Вначале возможности для приемов у Корзона были ограничены (он держал у себя в квартире пансион для нескольких учеников, с которыми занимался репетиторством). Однако со временем эти неформальные собрания переросли в регулярные "среды", куда приглашались историки, журналисты и писатели. Особый размах они приобрели после 1896 г., когда Корзон стал библиотекарем в Библиотеке Замойских и получил служебное помещение во флигеле Синего дворца. Среди гостей салона Корзонов были историки А. Яблоновский, И. Хшановский, Ш. Ашкенази и Э. Конопчиньский, а также Деотима, В. Яблоновский, И. Радлиньский, деятель просвещения К. Прошиньский (зять Корзона) и начинающий тогда писатель Стефан Жеромский. Условием для приглашения являлась патриотическая позиция потенциального гостя, решительный отказ от всякого соглашательства. Э. Красиньский писал о "средах": "Каждый раз мне приходило там на ум, что старый Цербер, ревниво стерегущий святыню родной истории, пускал нас к вратам, переступить которые мог лишь любящий, ищущий неподдельной правды, верящий в воскрешение [Польши]"[29].

---

[28] Limanowski B. Pamiętniki 1835-1870. Warszawa, 1957. S. 491.
[29] Krasiński E. Op. cit. S. 71-72.

По вторникам принимал Александр Краусхар (Алкар), историк, юрист и поэт, женившийся на дочери известного финансиста М. Берсона Ядвиге. Тут собирались политики, ученые, писатели (прежде всего "старшего" поколения), историки (Яблоновский, Рембовский, Корзон, Хандельсман, Кохановский, Калленбах и Губринович из Львова), журналисты и актеры (Гавалевич, Хесик, Еске-Хоиньский, Кшеминьский), художники Ф. Костшевский и М. Э. Андриолли. Важную роль играла хозяйка дома, интеллигентная и общительная. По словам Элизы Ожешко, "салон Краусхаров благодаря образованию и чрезвычайно милому характеру хозяйки — один из самых приятных и осмысленных салонов Варшавы. Там бывают евреи и католики, ретрограды и либералы, миллионеры и нищие, словом — огонь и вода, и все это поддерживается хозяевами в замечательном равновесии"[30].

Меньший размах, но не меньшее значение имели встречи у знаменитых ученых разных дисциплин: они заменяли собой университетские семинары, лекционные залы, публичные научные заседания, служили форумом для обсуждения новейших открытий и западных научных публикаций. С 1870-х гг. наиболее известные собрания научного характера проходили у С. Лагуны, С. Дикштейна, А. Суливговского и И. Радлиньского. Лагуна — историк-медиевист, бывший участник восстания и ссыльный, в 1875 г. получил разрешение вернуться в Варшаву. С 1876 до 1900 г. он входил в состав редакции "Атенеума", занимая административную должность. Разносторонне образованный человек, член Академии художеств в Кракове, он принимал у себя прежде всего сотрудников "Атенеума" и историков, для которых он был тем же, "чем был Хенкель для беллетристов"[31].

У Дикштейна, выпускника Школы Глувной, математика и популяризатора науки, бывали прежде всего представители естественных и точных наук, особенно математики и физики. Еще более профессиональный характер носили "пятницы" Адольфа Суливговского, юриста, экономиста, адвоката (в 1912 г. он был вычеркнут из адвокатского регистра за отказ принести присягу на русском языке) и общественного

---

[30] Orzeszkowa E. Op. cit. T. 6. S. 86.
[31] Hoesick F. Op. cit. S. 18.

деятеля. В 1877 г. — "под влиянием тяжелого для страны испытания чужими судами с чужим языком и чужими судьями"[32] — группа варшавских адвокатов учредила постоянные собрания в квартире Сулиговского, продолжавшиеся четверть века, до революции 1905 г. "Пятницы" заменяли юридические семинары в университете, углубляя теоретические познания права. Хотя Дикштейна, Лагуну, Радлиньского и их гостей разделяли разные области научных занятий, разные судьбы и вера, их объединяло представление о науке как двигателе прогресса, о необходимости мировоззренческой и религиозной терпимости, а также о миссии ученого, обязанного в современных ему условиях работать на благо общества.

Типично литературный салон, на котором, впрочем, поднимались и различные общественно-политические вопросы, собирался в 1877–1900 гг. у Валерии Маррене-Мошковской, писательницы, переводчицы, автора многочисленных романов из помещичьей жизни, сторонницы эмансипации женщин. На ее "понедельники" съезжались писатели, артисты и ученые, в т.ч. Андриолли, Хмелевский, Дикштейн, Фаленьские, Яблоновские, Ян Карлович, Корзон, Краусхар, И. Матушевский; заходили Прус, Деотима и Ожешко. "У пани Маррене, — писал в 1898 г. Жеромский — собирается весь литературный мир от А до Я ... Этот дом тут очень любят и чтут" (хотя о самой хозяйке Жеромский отзывался как о "престарелой особе с перезрелыми дочками")[33].

С 1874 г. до начала 1880-х пятничные литературные вечера организовывал в своем дворце Станислав Коссаковский, владелец майората в Минской губернии, шляхетский деятель, придворный камергер, но прежде всего страстный любитель геральдики (он публиковал работы, посвященные дворянским родам Польши). На эти исключительно мужские собрания съезжалось до 200 человек, читались и обсуждались литературные произведения; согласно свидетельству 1876 г., на одной из "пятниц" было "человек 190, одни мужчины, как в лесу"[34].

---

[32] Suligowski A. Z ciężkich lat (Mowy). Kraków, 1905. S. 71.

[33] Żeromski S. Listy do Henryka Bukowskiego. Wyd. W. Wasilewska. Warszawa, 1975. S. 353.

[34] Kraszewski K. Silva rerum. Kronika domowa. Wspomnienia i zapiski dzienne z lat 1830-1881. Opr. Z. Sudolski. Warszawa, 2000. S. 427.

Были и неудачные начинания: некий аристократ решил в 1875 г. учредить литературный салон и безуспешно пытался заполучить на него А. Свентоховского. Приглашением воспользовался только сосед Свентоховского, но, поскучав на нескольких вечерах и наслушавшись разных пустозвонов, отказался и он — жалуясь на серость хозяина и отсутствие симпатичных и интеллигентных дам[35].

С середины 1880-х гг. новым адресом на карте общественной жизни Варшавы стала квартира Я. Карловича, этнографа, лингвиста и музыканта, соучредителя Этнографического музея в Варшаве (1888) и Антропологического общества (1895), в 1887–1899 гг. редактора журнала "Висла". К Карловичам съезжалась вся варшавская писательская и музыкальная элита, иногда гости из других польских земель. Постоянными гостями были сотрудники "Вислы", поскольку редакция находилась тут же, в доме. Хозяева и их дети играли и пели; постоянным украшением приемов слыли домашние концерты. Салон Карловичей носил снобистский характер — тут бывали родственники хозяев (прежде всего жены, Ирены Карлович, породненной с Радзивиллами), богатые помещики.

Салон Карловичей представлял собой нечто среднее между чисто литературным или художественным салоном и регулярными встречами, которые организовывали редакторы и журналисты. Последние обычно собирали лишь людей, непосредственно занятых в редакции, хотя нередко круг приглашенных бывал гораздо шире и разнообразнее. Поскольку представители варшавского литературного мира нередко участвовали сразу в нескольких изданиях, эти круги пересекались.

Так, "субботы" у Самуила Левенталя, издателя "Клосов", а затем "Курьера Варшавского", и его жены Гортензии собирали писателей и журналистов, связанных с "Курьером"; это было "одно из самых приятных обществ в Варшаве". Сотрудники "Тыгодника Илюстрованого" и "Курьера Цодзенного", изданий фирмы "Гебетнер и Вольф", а также музыканты и певцы были завсегдатаями салона знаменитого из-

[35] Świętochowski A. Op. cit. S. 139–140.

дателя Юзефа Вольфа. Его "несколько кокетливые" приемы проходили по последним воскресеньям каждого месяца[36].

Еженедельные "воскресенья" организовала Анна Борковска, писательница, соучредитель (1864) и редактор (1889–1896) журнала "Кроника Родзинна". У нее бывали католические иерархи (в т.ч. К. Рушкевич, с 1884 г. варшавский епископ без епархии), католические общественные деятели, члены редакции "Кроники", литераторы, в том числе много женщин. В 1876 г. прибывший из провинции К. Крашевский отмечал, несколько преувеличивая, что "туда (т.е. на собрания Борковской. — *Прим. пер.*) ходят все, кто пишет. Очень разнородное, живое и интересное общество, сущая мешанина ... большой, полу- и малый свет, но весь пишущий и читающий"[37]. Однако спустя годы представителю младшего поколения Ф. Хесику уже бросалась в глаза "ультракатолическая атмосфера" "воскресений" у Борковской.

Также по воскресеньям проходили с начала 1880-х гг. встречи у Петра Хмелевского, выдающегося литературного критика и историка, сотрудника многих варшавских изданий (в т.ч. "Атенеума", который он редактировал а 1881–1896 гг.). Хмелевский, названный Жеромским "золотой польской душой", был одной из центральных и наиболее колоритных варшавских фигур. Последовательный противник соглашательства, сторонник участия искусства в национальном движении, он не принял в 1882 г. назначения на должность доцента Варшавского университета, поскольку история польской литературы должна была читаться по-русски. В доме Хмелевских собирались литераторы и журналисты центральных варшавских редакций (за исключением соглашательских изданий). Центральным пунктом приемов были дискуссии на литературные темы, еще более распаленные подававшимся вином. "Первым захмелевшим был всегда сам хозяин", но хозяйка (Мария из Тщиньских, родственница А. Свентоховского) и гости охотно следовали ему[38].

Особое место в этой панораме занимали встречи в салоне кн. Тадеуша Любомирского, наиболее последовательного

---

[36] Hoesick F. Op. cit. S. 9, 10.
[37] Kraszewski K. Op. cit. S. 427.
[38] Hoesick F. Op. cit. S. 13.

общественного деятеля и благотворителя среди варшавской аристократии. Любомирский был многолетним председателем Варшавского благотворительного общества, основателем бесплатных читален, председателем контрольного совета Кредитного земского общества, соучредителем и меценатом Музея промышленности и сельского хозяйства. Его трудами и на его деньги выходили фундаментальные многотомные издания: "Энциклопедия сельского хозяйства и ведомостей, к нему отношение имеющих" (1873–1879) и "Энциклопедия воспитания" (с 1880 г.). В доме Любомирского и его жены Марии из Замойских собирались как аристократы и помещики, так и представители интеллигенции, члены сельских и городских организаций; круг, связанный с Кредитным земским товариществом, Музеем промышленности и сельского хозяйства, а также редакциями "Энциклопедий".

Специфический характер носили *музыкальные салоны*, пытавшиеся с переменным успехом заместить отсутствующий долгое время в Варшаве постоянный симфонический оркестр (филармония была учреждена только в 1901 г.)[39]. Самым первым из них стал салон Людвика Гроссмана, композитора, совладельца фортепьянной фирмы "Герман и Гроссман". С 1870 г. он устраивал приемы и концерты для гастролирующих в Варшаве известных польских и иностранных музыкантов; каждый раз в них принимали участие и варшавские музыканты, артисты первой величины. В 1879–1887 гг. в зимние месяцы (январь-март) Феликс Гебетнер, владелец музыкального магазина, представитель известной варшавской семьи издателей и книготорговцев, организовывал по понедельникам встречи музыкантов, художников и писателей. Тут проходили камерные концерты с участием профессионалов и любителей. Еще большее значение имел салон Александра Зажицкого, композитора и пианиста, соучредителя и первого директора Варшавского музыкального общества (1871–1875), в 1879–1888 гг. директора Музыкального института. Зажицкий организовал концерты с участием квартета высокого уровня; тут играл испанский

[39] В монографии Kozak-Wawrzyńska Z. Kultura muzyczna Warszawy jako tło działalności Instytutu Muzycznego 1879-1901. Warszawa, 1968 посвящено некоторое место музыкальным салонам.

виртуоз, скрипач Пабло Сарасате — друг хозяина, часто приезжавший в Варшаву.

Особенно многочисленное и разнородное общество бывало на воскресном "черном кофе" у Александра Райхмана, писателя, редактора журнала "Эхо музычне, театральне и артыстычне", одного из соучредителей в 1901 г. Варшавской филармонии. Его "воскресенья" собирали прежде всего музыкальный мир, а также актеров и литераторов; это был "музыкально-вокально-литературный раут". Несмотря на абсолютно неполитический характер, встречи у Райхманов — как перед этим "четверги" Деотимы — вызвали подозрительность властей. В феврале 1901 г. в их квартиру ворвалась полиция, требуя предъявить разрешение обер-полицмейстера на организацию публичных собраний. Поскольку хозяин не смог представить соответствующего документа, был составлен протокол с переписью имен всех присутствовавших — список подозреваемых "в прослушивании музыки и пения, а также в употреблении черного кофе"[40].

Интеллектуальная элита Варшавы собиралась не только в частных домах. Естественным местом встреч были бы научные центры, если бы не практическое отсутствие их в городе. В определенной мере эту цезуру восполняли *частные библиотеки* в домах аристократических родов Красиньских, Замойских и Пшедзецких. Часто там работали в качестве библиотекарей известные ученые и библиофилы: например, у Красиньских — В. Хоментовский и А. Рембовский, у Замойских — Г. Эренберг, Й. Пшиборовский, Т. Корзон, которому помогал С. Жеромский. Однако все упомянутые учреждения были закрыты для широкой публики, право пользования их сборами зависело от согласия владельцев. Кроме того, библиотеки аристократичсских родов служили прежде всего для работы представителям гуманитарных наук, в основном историкам Польши. В своих мемуарах Ф. Хесик нарисовал портрет завсегдатаев библиотеки Красиньских: "Вокруг большого стола посередине собиралась вся тогдашняя варшавская историческая наука: Корзон, Яблоновский, Павиньский, Смоленьский, Краусхар, Кохановский, Ашкена-

---

[40] [Krzemiński S.] Narrans. Listy z zaboru rosyjskiego. Seria XII. Krakyw, 1901. S. 55.

зи, Гейштор; нередкими были и гости из Кракова и Львова. Хотя каждый был занят своей работой, не обходилось, естественно, и без бесед"[41]. Важную роль играли и библиотеки ученых — А. Краусхара (ок. 4000 томов, в основном книги по истории Польши и Варшавы), Т. Корзона (история), И. Радлиньского (польские и иностранные книги по религиоведению, философии, языкознанию и т.п.). К ним имели постоянный доступ ученые, студенты и молодые научные сотрудники.

Следующий, несравнимо более широкий, круг общения составляли *кафе и рестораны*. Встречи в них являлись своеобразным продолжением приемов в частных домах. Постоянными местами сбора варшавской интеллигенции были кафе "Под звонницей", "Театральное", Лурса и Бликле. Открытая в 1860 г. кондитерская и винная "Под звонницей" увековечена пером литераторов в воспоминаниях и стихах. Секретом успеха "Звонницы" был ее демократизм вслед традициям "Хонoратки", самого популярного варшавского кафе перед Ноябрьским восстанием 1830–1831 гг. Тут подавали "канапки" (сендвичи), чай с араком и кофе с пирожными. Была здесь и комната для игры в шахматы и шашки, домино, кости и биллиард. В кафе приходили на равных и едва сводившие концы с концами старики, и бывшие участники восстания, ссыльные, инвалиды, и варшавская богема. Завсегдатаями здесь были поэт А. Оппман (Ор-От), скульптор Ц. Годебский, А. Свентоховский, критик А. Сигетиньский, художник Ф. Костшевский, в также студенты и служащие. Нередко тут можно было встретить плотогонов из Галиции, которые привозили свои товары в Варшаву а затем "Под Звонницей" наслаждались радостями большого города. Это было единственное (кроме ресторана Чуленьской) место, где царила настоящая домашняя атмосфера, а завсегдатаи обращались к официанткам по имени.

Среди многочисленных варшавских кафе особенно славилась кондитерская "Театральная" (или "Под колоннами" — она располагалась в портике Большого театра в Варшаве). Кондитерская представляла собой обширное заведение с биллиардными залами на втором этаже, соединенное

---

[41] Ibid. S. 5.

коридорами с Большим театром и "Театром Розмаитощи". Своеобразную атмосферу создавало оформление под старину в черных тонах (которое злые языки сравнивали с погребальными королевскими криптами). В "Театральной" собирались прежде всего актеры и театралы, режиссеры, писатели, критики. Немало времени тут провел С. Слонимский, один из популярнейших в Варшаве острословов и автор бессмертных анекдотов; здесь "было целое общество заслушивавшихся его рассказами"[42].

С 1880-х гг. в гостинице "Европейская" существовала кондитерская Лурса. Удачное местоположение (в одной из главных варшавских гостиниц, рядом со станцией омнибусов, напротив Городской управы) и внимание к клиентам способствовали тому, что "Лурс" стал одним из наиболее посещаемых заведений, центром варшавских слухов, "самым оживленным сборищем столичных сплетен"[43]. Это шумное место объединяло всех варшавян, представителей научных сфер, писателей, юристов, промышленников. Завсегдатаями были члены редакции "Курьера Варшавского", располагавшегося в двух шагах от кондитерской, постоянно заходили сюда А. Краусхар с дочерью Зузанной и ее будущий муж В. Рабский, а также Прус, Сенкевич, Реймонт, Немоевский. На рубеже веков "свой" столик тут был у Ф. Хесика, рядом с ним сиживал гуру молодого поколения актер М. Френкель, сыпавший остротами в компании с писателями В. Пежиньским и К. Макушиньским.

В конце XIX в. часть клиентов традиционных кондитерских переманили к себе новые заведения, особенно кафе Бликле, открытое в 1869 г. на фешенебельной улице Новый Свят — во второй половине XIX в. это один из центров публичной жизни Варшавы. В заведении Бликле, оформленном в стиле модерн, бывали представители мира искусства, артисты, музыканты. Но прежде всего — актеры, директора антреприз и театров; накануне театрального сезона тут набирали состав, обсуждали участие и подписывали контракты. "В кафе Бликле на Новом Свете работала, особенно перед открытием сезона, т.н. актерская биржа, неофициальное бюро

[42] Krasiński E. Op. cit. S. 32.
[43] Krzywoszewski S. Op. cit. S. 193.

предварительных бесед и окончательного ангажирования артистов директорами театров, как варшавских, так и провинциальных"[44].

Местоположение на центральной площади Рынка Старого Мяста и многовековая традиция определяли специфику винного заведения Фукера. На протяжении четырех столетий состав ее посетителей значительно изменился: "вместо воевод и кастеланов, проконсулов и членов магистрата Фукера посещают артисты, сочинители, скульпторы, мир книги и пера"[45]. Поколением раньше члены редакции "Курьера Варшавского" часто заглядывали в ресторан А. Стемпковского (Стемпка), который размещался в одном с ними доме — наряду с предпринимателями, финансистами, аристократами. Журналистов и публицистов "Курьера" можно было встретить и в близлежащем ресторане Анны Чуленьской ("У Андзи"); кроме них там бывали сотрудники журнала "Слово", в т.ч. Сенкевич и Залесский. Оба заведения располагались вблизи театров, поэтому сюда часто заходили театралы, заканчивая светский вечер вином и дискуссиями о только что увиденном спектакле. В 1875 г., после премьеры "Невинных" А. Свентоховского, "У Андзи" собралась как раз такая компания. Друг и сотрудник Свентоховского писал ему: "толпа публицистов, критиков и самых разнообразных типов долго и шумно спорила о Вашей драме"[46].

Перечисленные выше редакции, частные дома, гастрономические заведения и библиотеки не исчерпывают, разумеется, всех мест, где встречались представители интеллектуальной элиты Варшавы. Варшавяне охотно и часто бывали в театрах, на публичных концертах в т.н. "Швейцарской долине" ("где весь варшавский *бомонд* назначал друг другу *рандеву*"[47]), а также в художественных галереях, п.в. в галерее Общества любителей изящных искусств, в салонах А. Кривульта (1880–1906) и Г. Унгра (1879–1884). Важным "сало-

---

[44] Podhorska-Okołów S. Warszawa mego dzieciństwa. Warszawa, 1958. S. 196–197.

[45] Oppman A. (Or-Ot). Moja Warszawa. Obrazki z niedawnych lat. Warszawa, 1929. S. 57.

[46] Цит. по: Brykalska M. Aleksander Swiętochowski. Biografia. T. 1. Warszawa, 1987. S. 149.

[47] Galiński F. Gawędy o Warszawie. Warszawa, 1960. S. 242.

ном" для Варшавы был Огруд Саски, публичный Саксонский парк, в котором размещалась кондитерская Лессля и распивочная минеральных вод. Тут проходили концерты, а в аллее под названием "Литературная" часто гуляли Болеслав Прус с Яном Грегоровичем, редактором журнала "Пшиячель дзечи". Историк А. Рембовский, один из корифеев варшавского общества, автор светских анекдотов, "приглашал гостей и друзей на утренний кофе в Саксонский парк, поскольку не желал устраивать приемы с размахом"[48].

Специфику описанной тут сети варшавских сообществ — на что я уже обращала внимание — составляет факт, что она постоянно вынужденно принимала на себя функции несуществующего национального государства. Политическая жизнь была "приватизирована", "пускала буйную поросль изнутри, в частных домах, на фоне салонов, хотя и называвшихся литературными, но имевших отчетливый политический оттенок". "Салон должен был заменить национальную сцену, трибуну, университет, литературный журнал, концертный зал, модное обозрение и кабаре", а также приютить приезжающих в Варшаву знаменитых поляков из других польских земель и гостей из-за границы.[49] Эти задачи вполне осознанно принимало и разрешало сообщество элиты варшавской интеллигенции; в то же время организованные ей встречи оказывали влияние на интеллигенцию как социальный слой, укрепляя групповые и профессиональные связи.

Разумеется, и в *домах аристократии и богатой буржуазии* устраивались разнообразные балы, рауты, журфиксы и менее формальные послеобеденные приемы на манер английских five o'clock. На некоторых из них бывали и писатели, публицисты, артисты. Представители богатых семей Натансонов, Кроненбергов, Берсонов пополнили ряды интеллигенции, способствуя посредничеству между различными социальными сообществами. Нередко в самых богатых домах устраивались приемы по случаю значительных событий в интеллектуальной жизни города. В 1885 г. во дворце кн. К. Пшедзецкого состоялся бал по случаю визита в Варшаву

---

[48] Krasiński E. Op. cit. S. 66.

[49] Surynowa Wyczółkowska J. W cieniu koronkowej parasolki. London, 1962. S. 101; Hoesick F. Op. cit. S. 7.

знаменитого датского критика Йоргена Брандеса; в нем приняли участие как представители аристократии, финансисты, так и близкие к ним писатели. В 1898 г. во дворце Л. Кроненберга торжественно отметили открытие памятника Адаму Мицкевичу; было приглашено около 1000 особ, приличествующие случаю речи произнесли Г. Сенкевич и А. Суливговский. В 1900 г. по случаю открытия нового здания галереи "Захента" гр. М. Замойский принимал несколько сот гостей. Это был особый "тип общественных собраний по случаю публичных событий, вынужденно организованных частным образом при молчаливом согласии между вельможей, владеющим дворцом, и общественностью, не имеющей дворцов и свободы собраний"[50].

Целью публичных собраний варшавской элиты являлись, впрочем, не только — и даже не столько — обмен мнениями, совместное слушание литературных произведений или поддержка польских традиций. Их главным итогом было нешуточное число центров науки, просвещения, культуры, вызванных к жизни благодаря индивидуальной инициативе и поддерживаемых общими усилиями. Уже на следующий год после закрытия Школы Глувной на средостении слоев интеллигенции, буржуазии и помещиков возникла идея учреждения института, который оказал существенное влияние на научную жизнь в последующие десятилетия — Музея промышленности и сельского хозяйства.

Инициативу выдвинули помещик, промышленник гр. Ю. Лубеньский и банкир М. Берсон, открывшие в 1870 г. в помещении губернского правления (Дворец Паца) лабораторию. Через два года, после смерти Лубеньского и эмиграции Берсона в Вену, лаборатория была закрыта властями. Однако инициативу Лубеньского и Берсона поддержала группа варшавских предпринимателей и аристократов во главе с Т. Любомирским. Возникла идея создать центр, который представлял бы потребности промышленности и сельского хозяйства и занимался научной деятельностью. Кроме Любомирского об открытии такого центра ходатайствовали гр. Ю. Замойский, финансист и ученый Я. Натансон, а также

---

[50] [Wasilewski Zygmunt], Przygodny. Warszawa współczesna w dwunastu obrazach. Lwów, 1903. S. 68.

совладелец торгового дома в Варшаве К. Диттрих. В 1875 г. благодаря их стараниям был наконец открыт Музей промышленности и сельского хозяйства, который кроме просветительских и популяризаторских функций взял на себя роль организатора экспериментальных и исследовательских работ, научных курсов, выставок и лекций. Финансовую базу музея составляли взносы членов комитета — индивидуальных меценатов и институтов; среди них были аристократы и помещики, финансисты и промышленники Варшавы. С 1880-х гг. ведущую роль в поддержке музея стала играть интеллигенция, прежде всего представители свободных профессий (К. Бенни, И. Хшановский), а также другие организации, в т.ч. Касса взаимопомощи им. Мяновского[51]. На "пятницах" в доме Бенни регулярно обсуждались проблемы деятельности и финансирования музея.

Варшавская интеллигенция поколения Школы Глувной — "мозг и сердце города"[52] — стала инициатором создания главной организации научного меценатства, Кассы им. Мяновского (из цензурных соображений нельзя было использовать термин "научное общество"). Идею о ее создании высказала в 1879 г. группа бывших профессоров и студентов Школы. Их замысел заключался в организации центра для поддержки научной деятельности и реализации других, выдвинутых ранее, планов, в т.ч. открытия научного издательства, физиографического музея и учреждения наград за лучшие научные работы. Центр был призван почтить память умершего в Италии Й. Мяновского, окруженного всеобщим почитанием бывшего ректора Школы Глувной. В январе 1879 г. коллектив профессоров и студентов Школы выбрал исполнительный комитет из 12 человек, который разработал устав будущей организации и ходатайствовал о ее официальной регистрации. Это оказалось возможным только через два года, 12 июля 1881 г.

Кассой управлял комитет, вначале целиком составленный из лиц, связанных с Школой Глувной. В 1881–1885 гг.

---

[51] Со временем составной частью музея стали также различные, в основном естественнонаучные, лаборатории — химическая, физическая, метеорологическая и др.

[52] Leo A. Op. cit. S. 15.

председателем кассы был Т. Халубиньский, заместителем — С. Кроненберг. В число управлявших вошли представители разных научных дисциплин, выдающиеся польские ученые и деятели культуры, в т.ч. П. Хмелевский, Г. Сенкевич, К. Добрский, врач, активный деятель Варшавского медицинского общества, юрист и журналист М. Годлевский, философ Г. Струве, естественник и публицист Ф. Сулимерский, химик Я. Натансон, И. Барановский, Б. Прус, а также польские ученые, рассеянные по разным местам в Польше и в Европе, предприниматели и помещики. Касса существовала благодаря членским взносам, иногда целых семей (например, Натансонов), а также вкладов более мелких благотворителей, как индивидуальных лиц, так и целых организаций (в 1881–1906 г. их число в общем составило 991), из дарственных и средств по завещанию (78). Условием участия в управлении кассой являлось наличие научной степени. Среди 35 членов комитета (до 1906 г.) 32 были выходцами из интеллигенции, 3 — из буржуазии (Кроненберг, Якуб и Юзеф Натансоны). Преобладали представители свободных профессий, особенно врачи и юристы (по 9), известные ученые, инициаторы журнально-издательского дела. Вспомогательный персонал кассы (канцеляристы, правоведы) нес обычно и определенные общественные функции.

Сначала преобладали три рода деятельности кассы. Финансировалось издание научных книг (особенно учебников): в 1882 г. была основана "Математико-физическая библиотека", в 1885 г. "Философская библиотека"; издавались исторические источники, с 1883 г. поддерживались и периодические издания. Касса дотировала исследования за границей и в Польше, полевые экспедиции. Наконец, в небольшом объеме она выплачивала стипендии ученым, учителям и литераторам с тяжелой материальной ситуацией (этой помощью воспользовалась в т.ч. поэтесса Мария Конопницка).

В 1885–1906 гг. роль кассы как главной организации для поддержки польской науки в русской части Польши значительно выросла, ее называли "министерством польской науки эпохи неволи"[53]. Хотя собственная активность комитета упала, зато теперь он "в значительной степени представлял

[53] Krzywicki L. Op. cit. S. 546–551.

польское научное сообщество, был своего рода барометром, реагирующим на принципы и мнения этой среды. Так, постановления о финансировании разных инициатив за редкими исключениями учитывали оценки и критерии широкого круга. В конечном итоге, решения о материальной помощи, т.е. о своего рода научной политике, принимались активным творческим ученым сообществом, мнение которого комитет только выражал в большей или меньшей степени"[54]. В управлении кассой принимали в эту эпоху участие Г. Струве, П. Хмелевский, С. Дикштейн, Л. Кшивицкий. Формы деятельности были следующими:

– поддержка научных исследований: финансирование заграничных командировок, открытие лабораторий и исследовательских центров в Польше, финансирование биологических, геологических, антропологических и почвоведческих исследований, выплата стипендий;

– поддержка научных издательств, обычно учреждавшихся по внутренней инициативе научной среды. Критериями для выделения Кассой финансовой помощи являлся научный уровень публикаций и общественная потребность в них: в т.ч. поддержка была оказана изданию "Географического словаря Царства Польского" (с 1890 г.), "Словаря польского языка" А. А. Крыньского, Я. Карловича и В. Недзвецкого, "Пособия для самообразования" С. Михальского и А. Гефлиха; энциклопедических и коллективных изданий; монографий, таких как серия "Монографии по эпохе новой истории" под редакцией Ашкенази; дотировалось и большинство научных изданий. До 1906 г. финансовая помощь Кассы им. Мяновского позволила издать 387 названий книг по различным научным дисциплинам;

– Финансовая помощь учащимся, награды за лучшие научные работы, стипендии (чаще всего из именных фондов, крупнейшим из которых был с 1884 г. Фонд Я. Натансона).

Оценки научной деятельности Музея промышленности и сельского хозяйства, и особенно Кассы им. Мяновского, были и остаются противоречивыми. Согласно оптимистической оценке, благодаря этим организациям стало возможно проведение активной научной политики, последовательное за-

---

[54] Piskurewicz J. Op. cit. S. 114.

мещение несуществующих государственных организаций. Касса рассматривается как подобие Академии наук, способствующая развитию национальной научной культуры в международном масштабе. Однако часть современников и историков обращает внимание на относительную слабость научных достижений в Варшаве и отставание не только по сравнению с Западной Европой, но и по отношению к Кракову и Львову, где существовали польские университеты, а политические условия позволяли свободно реализовать различные научные инициативы во главе с краковской Академией наук.

Существование музея и кассы, безусловно, способствовало всеобщему распространению меценатства науки в обществе и его концентрации вокруг целей, которые ставили перед собой оба этих института. Среди их членов и меценатов-благотворителей были представители аристократии, помещиков, буржуазии, однако Касса им. Мяновского с самого начала существовала прежде всего благодаря многочисленной группе интеллигенции (в основном варшавской); с течением времени увеличивалась и ее роль в деятельности музея. Это отражает "процесс перехода ответственности за развитие польской науки от аристократии и помещиков к буржуазии, и прежде всего к растущей численно и сознающей свою роль интеллигенции"[55].

Оживленная общественная жизнь и относительно густая сеть центров обмена мнениями сделали возможным реализацию множества менее значительных публичных инициатив. Ведущую роль здесь играло сообщество вокруг К. Бенни и гостей его "пятниц". В салоне Бенни возникла идея учреждения Общества поддержки народного производства, целью которого была среди прочего пропаганда передовых методов сельского хозяйства. На "пятницах" собирали и необходимые средства для постройки здания товарищества. В 1880-х гг. здесь родилась инициатива возведения нового здания для коллекций Общества любителей изящных искусств. Дорогостоящий проект был осуществлен только в 1901 г.; средства на него собирали также В. Герсон и Ф. Гебетнер, кассир общества. В том же салоне Бенни возникла мысль об создании в Варшаве памятника Адаму Мицкевичу, а гости "пятниц"

[55] Piskurewicz J. Op. cit. S. 203.

ходатайствовали о необходимом для этого разрешении у российских властей. В салонах Э. Лео и Краусхаров уже в 1880-х гг. обсуждалась необходимость создания общества взаимопомощи писателей и были предприняты шаги для создания такой организации (что удалось сделать только в 1899 г.)[56].

В варшавских салонах праздновались исторические даты и юбилеи известных личностей мира литературы; здесь же реализовывались различные благотворительные начинания; наконец, в них неоднократно устраивались приемы для гостивших в Варшаве поляков из австрийской и прусской частей Польши, для эмигрантов, а также для заезжих иностранных знаменитостей.

Все общественные и культурные инициативы варшавского общества в течение двух десятилетий после подавления Январского восстания были реализованы легально, с согласия российских властей. Музей промышленности и сельского хозяйства, Касса им. Мяновского и остальные институты действовали явно, поскольку последовательная легальность была необходимым условием их существования. Но в то же время они были частью своего рода игры в кошки-мышки между творческой элитой и польским обществом, с одной стороны, и чужими властями — с другой. Ее важный элемент составлял язык тогдашней прессы и литературы, который делал для писателя возможным взаимопонимание с читателем, несмотря на суровую цензуру. Это была т.н. Эзопова эпоха: язык умолчаний и метафор, камуфлирования, словесных шифров, недосказанностей, перефраз и намеков позволял донести патриотическое содержание недоступным для цензора, но вполне понятным для читателя способом. Составляющим той же игры являлось существование чисто польских салонов, цель которых заключалась в защите польской культуры от все более враждебного внешнего мира; они были как "броненосец в бушующем море, идущий на бой защищать свободу и прокладывать путь к счастливой Поль-

---

[56] Так образовалась Варшавская касса попечительства и помощи для литераторов и журналистов под председательством Г. Сенкевича, ср.: Czempiński J. Kasa Literacka. Warszawska Kasa Przezorności i Pomocy dla Literatów i Dziennikarzy. Warszawa, 1929.

ше, которая должна настать и обязательно настанет"[57]. Самое главное, их роль не ограничивалась пассивной защитой имеющегося польского наследия. Напротив, описанные выше инициативы формулировали материальное и культурное *развитие* общества согласно позитивистскому девизу "органичной работы". С течением времени варшавским интеллигентам становилось, однако, все яснее, что последовательное следование легальным путем вовсе не способствует смягчению курса российских властей, а русификаторский напор не ослабевает. Легальные действия не могли противостоять ему, особенно в области образования всех уровней, а также *контактов с другими частями Польши.*

Уже с 1870 г. в частных домах бывали тайные собрания читателей галицийской, познанской и западноевропейской прессы[58]. За этим чтением выяснилось, как разительно мало места посвящено в галицийской прессе Царству Польскому, то же касалось польских дел вообще в западной печати. Эта ситуация не изменилась принципиально и после публикации в 1881 г. в краковском издании "Писем к приятельнице баронессы XYZ" (в действительности автором был журналист "Слова" А. Залесский) с описанием жизни варшавского общества. Значительно более далеко идущие планы имело тайная организация, основанная известными учеными и писателями Варшавы в конце 1887 г. — т.н. Литературное общество.

Инициатором его создания был Я. Карлович; в состав общества вошли люди, связанные в основном с редакцией позитивистской "Правды": публицисты Бем и Свентоховский, историк Смоленьский, историк литературы Кшеминьский, ученый-естественник и банкир Ю. Натансон, несколько юристов, математик Дикштейн и врач О. Буйвид. На организационном собрании в доме Карловича главной целью было провозглашено сохранение единства частей Польши в ситуации, когда обмен информацией через границу российской части все более усложнялся. Эта цель должна была быть достигнута благодаря публикациям из российского

---

[57] Слова Элизы Ожешко на свадьбе писателя Ф. Годлевского в 1899 г. (Orzeszkowa E. Op. cit. T. 4. S. 297).

[58] Б. Лимановский вспоминал, что с этой целью раз в неделю в назначенный час собиралось несколько человек, прежде всего сотрудники "Пшеглонда Тыгодневого" (Limanowski B. Op. cit. S. 502).

Царства Польского в краковской и познанской прессе, которые готовились сообща участниками общества и переправлялись за кордон. Результатом этих усилий стали многие значимые публикации, в т.ч. серия писем "Из русской части" под редакцией Бема, брошюр "Из дома неволи", "Двадцать пять лет России в Польше (1863–1888)" и др. Деятельность Литературного общества была в конце XIX в. единственным налаженным каналом информации о ситуации в российской части Польши. Современная исследовательница называет общество "конспиративным информационным агентством", последовательно выполнявшим свои цели[59].

Публикации за кордоном не были единственной формой нелегальной деятельности, на которую volens nolens пришлось идти варшавским позитивистам. Русификация образования начального уровня потребовала нелегальных начинаний и в просвещении. Даже завзятый легалист И. Барановский в 1870-х гг. устроил в своем доме нечто вроде семинарии для учительниц, которая должна была приготовить их к просветительской деятельности в национальном духе. Курсы у Барановского продолжались несколько лет; историю тут преподавал В. Смоленьский, географию В. Врублевский, религию Ф. Крупиньский. "Пятницы" Бенни, как уже говорилось, также балансировали на границе легальной и нелегальной деятельности.

С 1880-х гг. позитивизм становится мишенью все более частых атак поколения, которое можно назвать по созданному в 1886 г. органу радикальной интеллигенции журналу "Глос" "поколением «глосовцев»"[60]. С одной стороны, сказывалось расхождение политических взглядов внутри интеллигенции, с другой — убеждение в недостаточности легальных действий. Заслугой поколения "глосовцев" станет создание сети тайных институтов просвещения и науки — от бесплатных читален и рабочих библиотек до библиотек на-

---

[59] Kulczycka-Saloni J. Op. cit. S. 108. Ср. также: Brykalska M. Konspiracyjne Towarzystwo Literackie w Warszawie 1887-1901// Pamiętnik Literacki, LXVII, 1974. Z. 4. S. 229-271; Smoleński W. Fragment pamiętnika // Tegoż. Monteskjusz w Polsce wieku XVIII. Warszawa, 1927; Swiętochowski A. Op. cit.

[60] Можно назвать их и "поколением непокорных", пользуясь термином известной книги, посвященной радикальной интеллигенции Варшавы (Cywiński B. Rodowody Niepokornych. Wyd. 1. Warszawa, 1971).

учных и конспиративных высших курсов под названием "Летучего университета". Необходимо, однако, подчеркнуть, что многие из представителей поколения "молодых" позитивистов приняли активное участие в этой работе: Буйвид, Хлебовский, Хмелевский, Дикштейн, Крыньский, Кшивицкий, Смоленьский не только читали лекции на тайных собраниях, но и предоставляли для них свои дома и помещения Музея промышленности и сельского хозяйства.

Хотя поколение "глосовцев" начало деятельность еще в 1880-е гг., оно не входит в рассмотрение нашей статьи; в еще более далекой перспективе остается за кадром процесс последовательного углубления противоречий внутри варшавской интеллигенции на рубеже XIX–XX и в начале XX вв. Революция 1905 г. в большой степени ослабила "одомашненный" характер публичной жизни Варшавы; роль салонов, редакций и кафе приняли на себя создававшиеся профессиональные организации. Однако именно усилия поколения "старых", и особенно поколения "молодых" после 1865 г., сделали возможной как конспиративную деятельность рубежа веков, так и развитие легальных институтов в 1905–1907 гг. Поколение, которое "вынесло российский ответный удар за Январское восстание"[61], не только оказалось способным к пассивной защите наследия польской науки и культуры, но и создало сеть взаимных контактов, связей и общественных институтов, настолько долговечную и гибкую, что следующее поколение смогло воспользоваться ею для новых потребностей и задач.

[61] Smoleński W. Op. cit. S. 31.

СИНДРОМ РАЗНОЧИНЦА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РАДИКАЛИЗМА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Е. И. Щербакова

Не следует, чтоб честный человек заслуживал повешения...
Н. М. Карамзин

Эпоха Великих реформ принесла возможность раскрепощения человеческой личности, к какому бы сословию человек ни принадлежал. Многие искренно хотели найти себе применение в труде на благо освобожденного народа. Но в новых учреждениях перевес оставался за людьми старого закала, и поборникам прогресса приходилось действовать в пассивной или недоброжелательной обстановке, отказываться от убеждений или от дела. Власть шла испытанным бюрократическим путем, отдавая распоряжения сверху и ожидая снизу лишь отчет об исполнении, не предполагая никакого "сотворчества" со стороны общества.

В этом смысле характерна судьба Н. А. Серно-Соловьевича, выпускника Александровского лицея, двадцати трех лет пожалованного в надворные советники служащего Государственной канцелярии. В 1858 г. он представил Александру II всеподданнейшую записку по крестьянскому вопросу, за что удостоился монаршей благодарности. "В нашем молодом поколении, — заметил император, — много хорошего, истинно благородного, Россия должна много от него ожидать, если оно получит надлежащее направление, но иначе выйдет совершенно противное"[1].

В 1859 г. Серно-Соловьевич оставляет работу в Калужском губернском комитете по аграрному вопросу, разочаровавшись в его деятельности, и уезжает за границу. Вернув-

[1] Революционное движение 60-х. М., 1932. С. 45.

шись в 1861 г. в Россию, он открывает книжный магазин и при нем публичную библиотеку. Однако вскоре книжная лавка и читальня купца 1-й гильдии Серно-Соловьевича оказались "внезапно запечатанными" без объяснения причин. Добиться справедливости Серно-Соловьевичу не удалось, а летом 1862 г. он был арестован по обвинению "в сношениях с лондонскими пропагандистами". "Разве не поразительный факт, — писал он из крепости императору, — что человек, в лице которого пять лет назад Вы похвалили молодое поколение, теперь судится как государственный преступник"[2].

Энтузиазм тех, кто хотел посвятить свою жизнь обновлению России, оставался невостребованным, инициатива — наказуемой. "Если вас спросят, кто самый несчастный человек на свете, — говорил один из представителей молодого поколения пореформенной эпохи, — отвечайте — тот, кто поставлен в бесконечно бессрочное бездействие и гниет заживо не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело"[3].

В таком положении оказалась масса разночинной молодежи. С отменой ограничения числа студентов в высших учебных заведениях молодые люди со всех концов России устремились в университеты, нередко жертвуя на обучение последние гроши. Из низов — за лучшей долей, которую надеялись обрести с получением образования, из всех сословий — за светом новых идей. В этом смешении социальных пластов и рождалась та разночинная интеллигенция, которая часто бывала не у дел не только потому, что не находила поприща, соответствовавшего своим взглядам на общественное служение, но и потому что потребности страны, еще только вступавшей на путь капиталистического развития, не могли поглотить весь "образованный пролетариат".

"Безместность", невостребованность огромной толпы разночинцев означала для большинства из них полуголодное существование и крушение надежд не только в решении вопроса о хлебе насущном, но и в удовлетворении социальных претензий и духовных запросов "мыслящих пролетари-

---

[2] Там же. С. 70.

[3] Цит. по: Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Пг., 1919. С. 51.

ев". Рождалась горькая досада на образованное общество, членами которого они так хотели стать, и отчаяние, лишь усиливавшееся с интеллектуальным развитием, отрезавшим пути назад, к прозябанию необразованных классов. В результате разночинец и по материальному положению, и по духовным устремлениям ощущал свою несовместимость с традиционным укладом жизни общества, в отрицании которого созревал нигилизм.

Нигилизм 60-х был сосредоточен на преобразовании умственных и нравственных представлений. Однако, вынося приговор не только старой системе идей, но и старой политической системе, нигилисты жаждали "положительной истины", основанной на опытном знании, а не на вере в авторитет, позволявшей жить так, как велел разум, а не традиция.

"Священные покровы", таившие подчас фальшь или пустоту, срывались с жизненных явлений, которые нигилисты сводили с Небес на землю с помощью позитивной науки. В основу человеческих отношений они пытались положить "материальное" понятие пользы вместо "идеальной" категории долга. Причем, не признавая диалектики материального и духовного, нигилизм "как бы терял равновесие между ними"[4]. И тогда срабатывал закон отрицания отрицания — идеи самих нигилистов становились объектом не "материального" анализа, а слепого преклонения, "идеальной" веры. Происходило постепенное превращение в традицию нигилистического отрицания традиций, кристаллизация этого "социально-психологического состояния" в идеологическую систему.

В одном из отчетов III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии второй половины 60-х годов зафиксировано это "видоизменение" нигилизма. "Из гадкой шалости небольшого числа молодых людей обоего пола, видевших в непризнании наружных общепринятых приличий способ доказать свою самостоятельность, он перешел в положительное учение, преследующее определенные социальные и политические цели. Он уже не только отрицает, но утверждает"[5].

---

[4] Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. М., 1986. С. 28–29.

[5] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 223(85). Ед. хр. 34. Л.28 (об.).

С. Булгаков определял "рационально-атеистическое мировоззрение" русской интеллигенции как веру — веру в научность, в рационализм[6]. И так же, как религиозные подвижники ждали мгновенного изменения лика Земли с пришествием Царствия Божия, нигилисты верили в осуществление — по последнему слову европейской научной мысли — царства труда и справедливости с помощью социальной революции, несущей немедленные радикальные перемены. Отрицание и разрушение старых форм человеческого существования приобретало пафос созидания общественного идеала.

Кстати, будущее поборники прогресса представляли себе довольно смутно. Большинство молодых людей, привлекавшихся к следствию по делу Д. Каракозова, признавались, что были не в состоянии объяснить "значения слова социализм". "Я полагал только, — говорил один из них, — что наше дело — расчистить дорогу, а там явятся люди, которые создадут царство социализма"[7]. В связи с этой фразой на ум приходят не только речи тургеневского Базарова или воззвания Сергея Нечаева, но и предположение о том, что гораздо сильнее, чем туманный образ будущего общества, нигилистов привлекал сам процесс борьбы с "отживающим миром" в настоящем.

Они рвались к делу и видели себя "строителями судеб мира". Модель преобразования действительности и конкретный ответ на извечный вопрос "что делать?" разночинная интеллигенция находила в знаменитом романе Н. Г. Чернышевского. Проблематика, связанная с ролью литературы как важнейшего формирующего компонента радикальной субкультуры, в последнее время активно разрабатывается филологами. Замечательное исследование И. Паперно раскрывает глубинные истоки колоссального влияния романа на русскую молодежь разных поколений. "Что делать?", — пишет автор, — это универсальное средство для осуществления контроля над действительностью, система психологических защитных механизмов"[8].

---

[6] Булгаков С. Н. Христианский социализм: споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 110.

[7] ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 19. Л. 168.

[8] Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 148, 160, 182.

Роман демонстрировал неограниченные возможности трансформации личного и общественного положения, в ходе которой снимаются противоречия и достигается гармония. Воплощенная в романе "модель реальности как потенции для преобразования" была чрезвычайно созвучна всему умонастроению пореформенного поколения. Чернышевский давал точку опоры молодым людям, снедаемым противоречием высочайшей самооценки и социальной неприкаянности, из которого возникает истинно разночинское (деклассированного, по сути, элемента) стремление перевернуть все вверх дном, чтобы "кто был ничем — стал всем".

Иллюзорный мир литературных произведений для неукорененного в действительности разночинца "приобретал статус нормативной реальности, в которую интеллигенция вписывалась более органично, нежели в настоящее"[9]. Мировосприятие интеллигента определяла не столько философская или социально-экономическая литература, сколько беллетристика, которая "кодировала его сознание", формировала систему его ценностных ориентаций, становясь залогом того абстрактного подхода к живой жизни, который характерен для русской интеллигенции.

Давление литературных стереотипов сказывалось прежде всего при выборе представителями молодого поколения собственной социальной роли. Биография интеллигента-разночинца не была задана изначально, и проблему самореализации он пытался решить, ориентируясь на тот жизненный сценарий, который навязывался ему литературными героями.

Многие авторы, в первую очередь — Чернышевский, "сознательно конструировали" своих героев как образцы, пригодные для воспроизведения в реальной жизни[10]. "Переносить в настоящее" черты будущих личных и общественных отношений молодежь пыталась, часто следуя слову писателя буквально. Одна за другой возникали артели и ассоциации. Рассказывая о создании одного из таких предприятий, современница вспоминает: "Усевшись за стол, собравшиеся

---

[9] Могильнер М. Мифология "подпольного человека": радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1992. С. 22.

[10] Паперно И. Указ. соч. С. 17.

раскрыли роман в том месте, где было описание швейной мастерской, и начали подробно обсуждать, как ее устроить"[11]. Не отставали от других и члены кружка вольнослушателя Московского университета Николая Ишутина, в который входил Дмитрий Каракозов. Молодые люди, среди которых преобладали студенты, составили общество взаимного вспомоществования, переплетную и швейную мастерские, строили планы создания общества переводчиков и переводчиц "на социальных началах" и т. п.

Но в действительности все обстояло не так просто, как в книге. Начинания ишутинцев подтачивали трудности объективного и субъективного характера. В кружке нарастала неудовлетворенность подобными формами пропаганды делом "социальных идей". Чем очевидней были препятствия, возникавшие на пути обыкновенных "новых людей", тем привлекательней становился "особенный человек" — Рахметов. А те, кто в силу своего темперамента и раньше тяготел к этому образу, переходили от руководства артельными мастерскими к подпольной деятельности с более радикальными задачами.

Так возник, вероятно в начале 1866 года, и ишутинский "Ад", строго законспирированный кружок "бессмертных" (или "мортусов"), которые должны были, по мысли его организаторов, выполнять двойную функцию — осуществлять контроль за деятельностью революционеров во всероссийском масштабе и антиправительственный террор. Подпольная организация, предоставляя для одних возможность реализации "рахметовского идеала", служила также прибежищем для тех "безместных" и вообще "потерявшихся" в жизни личностей, которым ее жесткая структура и сознание причастности к общему делу давали уверенность в себе и помогали заполнить пустоту существования.

Строго говоря, "Ад" не стал организационно оформленным обществом с программой и уставом, но планов и разговоров хватало с лихвой. Девизом принималось знаменитое — "цель оправдывает средства". Цель — социальный переворот, понимаемый, как уже упоминалось, довольно расплывчато; средством избирался террор, "систематические царсубийства" до тех пор, пока напуганное правительство не

[11] Водовозова Е. Н. На заре жизни. М.–Л., 1964. Т. 2. С. 228.

согласится "устроить государство на социальных началах". В противном случае следовало "произвести революцию" путем возбуждения "народных страстей"[12].

Во всех этих горячих, захватывающих мечтах, безусловно, присутствует элемент игры — игры "ума, привыкшего, — по словам Дмитрия Юрасова, — за неимением дела, к фантастическим вымыслам"[13], игры в "конспирацию" молодых людей, которые не находили применения своей бьющей через край энергии. Участники этой опасной игры были в разной мере захвачены ею. Кто-то считал планы "Ада" пустой болтовней, другие, как, например, Каракозов, могли совершенно войти в роль.

Но для "преображения" в героя нужен наглядный пример. Его находили в овеянном революционной романтикой "особенном человеке" из романа "Что делать?". Помимо внешнего подражания Рахметову происходило усвоение внутренних, сущностных черт этого образа. Прежде всего революционер должен целиком посвятить себя служению "делу", не отвлекаясь ни на какие человеческие чувства и привязанности. "Мортусам" прямо вменялось в обязанность "бросить все личные связи и жить одной целью"[14].

"Генералы" требовали подобной жертвы "общему делу" и от рядовых своих товарищей. В показаниях следственной комиссии Вячеслав Шаганов с горечью вспоминает, сколько упреков и насмешек ему пришлось претерпеть от "посвященных", которые, рассказывает он, "прямо требовали, чтобы я не смел жениться на девушке, которую я люблю, и чтобы совсем оставил ее, а то это измена делу...". Осуждали его и за то, что он "бегал по делам отца", говоря, что это следует бросить, "да и на отца плюнуть"[15]. Виктор Федосеев, например, вообще собирался своего отца отравить, чтобы предоставить организации необходимые средства, получив свою долю наследства[16].

---

[12] Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. // Красный Архив. 1926. Т. 4 (17). С. 119; Покушение Каракозова. Стенографический отчет. М.–Л., 1928. Т. 1. С. 177.

[13] ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 15. Л. 89.

[14] Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. ... С. 119.

[15] ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 115.

[16] ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 17. Л. 245, 328(об.); Д. 19. Л. 84.

Но самый потрясающий пример стремления к "рахметовскому" образу жизни представляет история, разыгравшаяся в недрах кружка зимой 1866 г., которая выглядит на первый взгляд как драма любовного треугольника. У Леонида Оболенского, служившего секретарем Козельской земской управы, пропала жена. Он буквально не находил себе места, когда получил от друга сведения о возможной причине и, главное, о виновнике ее долгого отсутствия. В Москву к бывшему студенту университета Дмитрию Юрасову полетели гневные письма. При обыске на квартире последнего и были обнаружены эти документы, запечатлевшие душевные тревоги и сомнения разночинца-шестидесятника, претендующего на звание "нового человека".

Юрасов, как это следует из писем, разделял довольно распространенную среди нигилистов идею о том, что семейные отношения, и особенно воспитание детей, являются серьезной помехой общественному служению. Встретив в Москве жену Оболенского Елизавету, у которой недавно родился ребенок, и "возымев глубокое сострадание к... производительности"[17] этой четы, он решил уговорить ее не возвращаться к мужу. В этом своеобразном посягательстве Юрасова на семейное счастье товарища проявилась одна из характернейших черт мировоззрения разночинной интеллигенции того времени, которая привела впоследствии к опаснейшим издержкам "социальной арифметики" — вопиющее противоречие между любовью к абстрактному человечеству и невниманием к его конкретным представителям.

Но любопытнее всего, что Оболенский был вынужден еще и оправдываться за то, что любит жену и ребенка, доказывать, что это не делает его подлецом и отступником. Доказательства, кстати, тоже типичны для "мыслящего реалиста" 60-х — письма содержат целый трактат по физиологии, объясняющий, что любовь вовсе не страсть, а необходимая потребность организма. Защищаясь от обвинений со стороны Юрасова в отсутствии разума и логики, Оболенский бьет своего адресата тем же оружием, утверждая, что его рассудок затемнен "страстью к принципу". Мне кажется, что это выражение очень точно определяет пафос той эпохи со всем

[17] ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 436.

ее рационализмом и порывом, захваченностью новыми идеями одновременно.

Пустота и безрадостность полуголодной студенческой жизни делала игру в "карбонариев" бесконечно захватывающей, т.к. "неполноценность игры, — по словам исследователя этого феномена, имеет своей границей полноценность серьезного"[18], чего как раз и было лишено существование ишутинцев. Искать самозабвения в этой игре вынуждала их и явная невозможность реализовать свои идеалы в обозримом будущем.

Родство "адских" планов с игрой выдает и еще одна черта. Члены тайного общества в своих действиях не подвластны общей морали. Не только потому, что они — нигилисты, горящие "святой нетерпимостью" ко всем традиционным нормам. Не только потому, что они "мортусы", смертники, которые при совершении теракта должны были иметь при себе "шарик гремучей ртути" для самоубийства и обезображения лица[19]. Они составляли обособленный от остального мира круг лиц, "играющих" по своим правилам. Сознание того, что "мы существуем и делаем "по-другому", было одной из предпосылок становления "новой нравственности" радикальной интеллигенции. Игра "в революцию" в любой момент могла обернуться действительностью. Чувство исключительности "сохраняло свою колдовскую силу далеко за пределами игрового времени"[20]. Может быть, именно этому чувству поддался Каракозов, решительно шагнув от игры к реальности 4 апреля 1866 года.

Характеризуя людей "нового типа", высшей "породой" которого является Рахметов, Чернышевский писал: "Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело..." У "новых людей" свои, особые представления о жизни, "и нравственность...и добро понимают они на свой лад"[21]. В основе их мировоззрения и мировоздействия лежала теория рационализма и утилитаризма, согласно которой категория добра теряет свое само-

---

[18] Хейзинга Й. Homo ludens. М., 1992. С. 18.
[19] Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. ... С. 120.
[20] Хейзинга Й. Указ. соч. С. 23.
[21] Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975. С. 148, 150.

стоятельное значение и совмещается с понятием пользы. Нравственно то, что разумно и полезно.

Из требования отказа от предрассудков прошлого ради торжества разума, способного разрешить все социальные противоречия — "из этого ... представления о простом повороте или перевороте общества выросла, в сущности, идея революции"[22] как одномоментного акта, преобразующего человеческие отношения. Стоит просвещенному меньшинству осознать несовершенство общественного устройства и, чтобы изменить его, останется только убедить большинство; правда, упорствующих в заблуждениях при этом придется устранить.

"Новая нравственность" ясно определяла, как должно жить "критически мыслящей личности". "Честный" человек "не может быть другом правительства", он должен быть революционером или по меньшей мере сочувствовать "общему делу". Человек, стремящийся к "рахметовскому идеалу", конечно, не мог жить обычной жизнью, продолжая при этом считать себя "честным". И множество "новых людей" обращалось к революционной деятельности, следуя проповеди одного из первых апостолов "отщепенства" Н. В. Соколова — "Да минует всякого молодого, неиспорченного человека грязная чаша практической жизни!"[23] Следовало отринуть все, что мешает вовлечению личности в грандиозный процесс революционного обновления мира. Вожди молодежи стремились закрыть для потенциальных кадров революции все, как выражался Ишутин, "лазейки в мирную жизнь граждан". Их пособником в этом деле оказывалось правительство, реакция которого на общественную активность молодежи была столь же неадекватной, сколь и недальновидной.

Месяцы и годы тюрьмы, которые для некоторых кончались сумасшествием или смертью, для других становились школой политической борьбы. Административные высылки, исключения из учебных заведений, полицейский надзор и прочие "репрессии, непропорциональные преступлениям", надолго вырывали молодых людей из мирной обыденности, вызывали ожесточение "недоучившегося пролетариата" и

---

[22] Хейзинга Й. Указ. соч. С. 249.

[23] Соколов Н. В. Отщепенцы // Шестидесятники. М., 1984. С. 304.

укрепляли решимость идти по революционному пути. Как писал один из "государственных преступников", "высокопоставленные глупцы думают, что их нелепые меры имеют предупредительное значение; если бы они знали, что каждое новое притеснение все теснее и теснее смыкает кружок честных людей... Придет и наше время, когда мы дадим единодушный кровавый ответ"[24]. Это время наступило в конце 70-х — начале 80-х годов, когда созданный всей предшествующей логикой и практикой антиправительственной борьбы революционный тип развернул свою деятельность под знаменем "Народной воли".

В среде разночинной интеллигенции пореформенного периода сформировался особый тип личности. "Новые люди" отличались от окружающих своей системой ценностей, которая не оставляла им места в обыденной жизни, превращая в "отщепенцев" от традиционного общества. Тем, кто ставил перед собой грандиозную задачу радикального обновления мира, тесны были рамки повседневности. В социально-политических условиях Российской империи они не мыслили своего существования вне революционной деятельности.

[24] Нечаев и нечаевцы. М.–Л., 1931. С. 21.

ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ИНТЕЛЛИГЕНТОФОБИЯ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Б. И. Колоницкий

В исторических трудах, посвященных дореволюционной России, почти всегда фигурирует "интеллигенция", а из книг, посвященных этому загадочному "сословию", можно составить целую библиотеку. По своему составу это пестрое собрание томов весьма разнообразно. Одни авторы рисуют идеализированный и романтический портрет "прекрасного класса" — "специфически русской, высоконравственной, бескорыстной и жертвенной интеллигенции", другие же довольствуются злой карикатурой на "класс сумасшедших полуевропейцев", повинных в бедствиях своей страны[1].

Противоположность оценок обусловлена не только пристрастиями, симпатиями и антипатиями авторов, но и различными толкованиями понятия "интеллигенция". Однако использование одного и того же понятия лишь создавало (и создает) иллюзию взаимного понимания. Участники многочисленных дискуссий об интеллигенции уподобляются толпе, забавляющейся некой игрой, при этом все игроки используют свои собственные правила. В такой ситуации полемизирующие стороны могут с полным основанием считать себя правыми — каждый участник дискуссии просто обречен на успех. Уже поэтому можно с уверенностью предположить, что спор о "русской интеллигенции" продлится еще очень долго.

---

[1] Новиков М. М. Традиции Московского университета // Двухсотлетие Московского университета: Празднование в Америке. Нью-Йорк, 1956. С. 26; Kucharrzewski J. The Origins of Modern Russia. NY, 1948. P. 88. Цит. по: Nahirny V. C. The Russian Intelligentsia: From Torment to Silence. New Brunswick- L., 1983. P. 3.

Но не придаем ли мы чрезмерное значение интеллигентским текстам, полемике публицистов? Ведь обостренное самосознание интеллектуалов, тщательно зафиксированное в многочисленных письменных памятниках, часто деформирует историческую память потомков. Они вынуждены смотреть на прошлое, прибегая к помощи интеллектуалов ушедшей эпохи, уподобляясь туристам, которые, попав в незнакомую и иноязычную страну, доверяются гидам и переводчикам. Не монополизирует ли российская интеллигенция историю начала XX века? Не является ли вся полемика о русской интеллигенции, лишь колоритным эпизодом, обросшим литературой?[2] Для ответа на этот вопрос, как нам представляется, следует вновь обратиться к истории понятия. Ниже мы попытаемся предоставить слово открытым противникам интеллигенции.

Сам термин укоренился в России и пришел в западные языки в русифицированной форме. Наряду с некоторыми другими словами, характеризующими колорит русской жизни, он не требовал, казалось бы, перевода: "Прежде англичане из русских слов знали только zakouski и pogrom, теперь знают еще intelligentsia. Все равно, как у нас все знают: если англичанин, значит, контора и футбол", — говорил персонаж романа М.Алданова[3].

Уже к началу XX века данное понятие широко использовалось для самоидентификации. Так, в 1900 году в связи с 40-летием литературной деятельности Н. К. Михайловского ему были направлены приветствия от "интеллигенции города Чернигова", "группы интеллигентов-евреев", "интеллигенции и учащейся молодежи города Харькова"[4]. Неудивительно, что поздравления такого рода направлялись именно Михайловскому: он не без оснований считался одним из изобретателей интеллигентской традиции, именно он формулировал кредо интеллигенции. Однако в то же время сам

---

[2] О влиянии интеллигенции на историческую память см.: Соколов К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция: История и судьба. М., 1999. С. 160-162.

[3] Алданов М. Ключ. М., 1991. С. 52.

[4] ОР ИРЛИ. Ф. 181 (Н. К. Михайловский). Оп. 3. Д. 197, 185, 196.

Н. К. Михайловский воспринимал еще в 1881 г. термин "интеллигенция" как "нескладное" и "неуклюжее" слово[5].

В том же году В. А. Гольцев, в будущем видный член сообщества "интеллигентов", писал о "неудачном" слове[6]. Герой романа П. Д. Боборыкина "Перевал", действие которого происходит в 80-е годы, гегельянец, "человек 40-х годов" говорит о "варварском слове"[7]. Можно с уверенностью предположить, что автор, гордившийся репутацией "фотографа" новых и важных общественных явлений и считавшийся крестным отцом термина "интеллигенция", не случайно упомянул об этом высказывании — по-видимому, оно было типичным (почитатели именовали Боборыкина "талантливым изобразителем современной русской жизни", "чутким бытописателем")[8].

Однако вскоре слово "интеллигенция" быстро получило в России необычайно широкое распространение. С помощью этого "неуклюжего" модного неологизма описывались самые различные культурные, политические и социальные процессы, протекавшие в пореформенной России. Слово заполняло известный понятийный вакуум, время требовало новых названий для новых непривычных явлений. Популярности термина способствовала его многозначность[9]. Под интеллигенцией понимали и лиц, выделяющихся образова-

---

[5] Михайловский Н. К. Записки современника (1881 г., декабрь) // Сочинения. СПб., 1897. Т. 5. Стб. 531-550.

[6] Московский телеграф. 1881. 27 октября.

[7] Боборыкин П. Д. Перевал // Боборыкин П. Д. Собрание романов, повестей и рассказов. СПб., 1897. Т. 7. С. 257.

[8] ОР ИРЛИ. Ф. 29 (П. Д. Боборыкин). Оп. 1. Д. 100 (Поздравления по случаю 40-летия литературной деятельности). Л. 11, 37, 54, 93. Приоритет Боборыкина оспаривался и оспаривается. См., например: Шмидт С. О. Этапы "биографии" слова "интеллигенция" // Судьба российской интеллигенции: Материалы научной дискуссии. СПб., 1996. С. 45-56. Однако существенно, что в начале XX века он многими признавался. См.: А. Дж. Интеллигенция // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., Т.22. Стб. 59-60. См. также: Кемпинский Э. В. К происхождению понятия "интеллигенция" (Петр Дмитриевич Боборыкин) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тезисы докладов. Иваново, 1995. Т. 2. С. 520-521.

[9] См.: Самарцева Е. И. Особенности семантической эволюции термина "интеллигенция" в отечественной историографии XX века // Клио. СПб., 1997. № 1. С. 50-52.

нием[10], и "лиц интеллигентных профессий" — студентов, учителей, писателей, политических деятелей[11]. И в том и в другом случае для причисления к интеллигенции требовался некий образовательный "ценз"[12].

Но нередко термин употреблялся для людей, ведущих определенный образ жизни, живущих "интеллигентно". В одном из своих романов Боборыкин дал ироническую зарисовку быта "интеллигентных" москвичей 80-х годов. Они общаются с себе подобными, читают "хорошие" книжки, даже "штудируют" их, посещают лекции, ведут разговоры "с направлением" — рассуждают на общественные и моральные темы. Они заняты своим "развитием", которое часто проходит под руководством "развивателя" — более образованного человека и в то же время авторитетного носителя субкультуры. Даже ухаживание ведется в соответствии с тактикой "интеллигентного сближения"[13].

Образ жизни влияет подчас на костюм "интеллигента" — студент, например, мог специально заказать одежду с карманами, соответствующими формату "толстых" журналов. Современники говорили даже об определенной моде, о харак-

---

[10] Под таким углом интеллигенция изучается и некоторыми современными исследователями. См.: Бабий А. И. Формирование молдавской интеллигенции во второй половине XIX — начале XX века. Кишинев, 1971.

[11] В соответствующей статье в "Русской энциклопедии" отмечалось, что понятие употребляется главным образом "для обозначения категории лиц, добывающих средства существования продажей своей умственной (интеллектуальной) силы или продуктов ее" (Русская энциклопедия. Т. 9. С. 34); См. также: Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 22. Стб. 60. В исторической литературе под "интеллигенцией" также понималась обычно социальная группа, включавшая представителей ряда профессий. См.: Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 3; Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 168–169. См. также: Малия М. К пониманию русской революции. Лондон, 1985. С. 59, 61.

[12] Об истории и современном понимании понятия см.: Смирнов Н.Н. Российская интеллигенция: К вопросу о дефинициях // Историк и революция: Сб. статей к 70-летию со дня рождения О. Н.Знаменского. СПб., 1999. С. 41–52.

[13] Боборыкин П. Д. На ущербе // Собрание романов, повестей и рассказов П. Д. Боборыкина. СПб., 1897. Т. 5. С. 55, 117.

терном облике интеллигента. Показательно и появление карикатур, изображающих "типичного интеллигента". Н. А. Бердяев даже писал о своеобразном "физическом облике", по которому всегда можно было узнать интеллигента[14]. Не следует, разумеется, говорить о какой-либо постоянной интеллигентской "форме", но бесспорно, что в начале XX века появились определенные стереотипы восприятия "типичного" интеллигента. Игнорирование соответствующего стиля (например, следование моде "света") могло порой повредить репутации "настоящего интеллигента".

В упомянутых статьях Боборыкина отсутствует противопоставление "интеллигенции" и "буржуазии", которое было важно для многих интеллигентов рубежа веков[15]. При этом в различных ситуациях интеллигенты, противопоставляя себя "буржуазии", использовали различные значения последнего термина, иногда речь шла о социальном классе, иногда же подразумевалась оппозиция "интеллигенции" и "мещанства". В литературе начала века этот подход — оппозиция "интеллигенции" и "буржуазии" — был представлен в работах Д. С. Мережковского, Р. В. Иванова-Разумника, при этом они развивали идеи, высказанные А. И. Герценом и П. Л. Лавровым еще до появления самого термина "интеллигенция"[16]. Однако подобное противопоставление отражало не только идеи, но и уже сложившиеся стереотипы поведения: многие "интеллигенты" — герои романов Боборыкина с пренебрежением говорят о "буржуе", некоторые не без труда преодолевали подобный подход. Примеры "антибуржуазного" поведения можно найти и при изучении быта интеллигентов: в начале XX века некоторые московские студенты, например, именовали не без презрения "буржуями" тех своих соучеников, которые носили лайковые перчатки, украшали свои жи-

---

[14] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17.

[15] Оппозиция интеллигенции и "мещанства" важна и для ряда современных авторов, дорожащих репутацией "интеллигента" (Егоров Б. Ф. Интеллигенция и массовая культура // Русская интеллигенция: История и судьба. М., 1999. С. 208–214).

[16] Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 73–80; Мережковский Д. С. Грядущий хам // Там же. С. 81–104.

лица картинами[17]. В. А. Маклаков, желавший ознакомится со студенческим движением во Франции, вспоминал: "Примеряясь к нашим обычаям, я искал студентов по наиболее дешевым столовым, рассчитывая их увидеть в бедном и поношенном платье"[18].

Столь различные значения понятия приводили к тому, что "интеллигентами" могли именовать и "интеллигентных" предпринимателей, земских начальников[19]. Однако понятие "интеллигенция" употреблялось часто для характеристики "отчужденных" интеллектуалов, находившихся в оппозиции режиму. Именно так понятие трактуется и в некоторых современных исследованиях[20]. История интеллигенции, таким образом, сводится к истории общественного движения, а иногда только к истории революционного движения России[21].

Подобные определения также восходят к некоторым типам идентификации "интеллигентов" на рубеже веков. Показательна позиция журнала "Свобода", выходившего в Женеве в 1888 году. Он имел специальный подзаголовок: "Политический орган русской интеллигенции" (можно поэтому

---

[17] Иванов П. Студенты в Москве: Быт. Нравы. Типы. М., 1918. С. 233.

[18] Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 101.

[19] Стойкин А. Интеллигенты: Пьеса в 4-х действиях. СПб., 1911. С. 4, 51. В мемуарах, написанных уже в эмиграции, к "интеллигенции" относили себя подчас и бывший член правления акционерного общества, и жена банковского служащего, и даже жандармский генерал: Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 84, 159; Poretschkin E. Meine Erinnerungen aus den Jahren 1917–1922 (Машинопись, личный архив П. Поречкина, Ремгаден); Фенин А. И. Воспоминания инженера: К историн общественного и хозяйственного развития России (1883–1906 гг.). Прага, 1938. С. 7, 8.

[20] Malia M. What is the Intelligentsia // The Russian Intelligentsia. Ed. R. Pipes. NY-L., 1961. P. 2-4. Pipes R. The Russian Revolution. NY, 1991. P. 122–123, 139; Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 328; Besançon A. The Intellectual Origins of Leninism. Oxford, 1981. P. 94–112. И отечественные исследователи ныне трактуют "интеллигенцию" рубежа веков прежде всего как некое идейное течение. См., например: Яшин В. К. О некоторых вопросах формирования российской интеллигенции // История российской интеллигенции (Материалы и тезисы научной конференции). М., 1995. Ч. 1. С. 3.

[21] Tompkins S. R. The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman, 1957. P. 271.

предположить, что авторы дорожили репутацией "интеллигентов"). Авторы не отождествляли себя с "нигилистами", но утверждали, что для интеллигенции злейшим и опаснейшим врагом является царское правительство[22].

В трактовке Боборыкина интеллигенция противостоит "ретроградному лагерю", она выдвигает требование гражданской свободы. Интеллигенции присуща религиозная терпимость, ее отличает "защита свободы совести в религиозной жизни и протесты против векового гнета, который исходил от государственно-полицейского церковного быта"[23]. Субкультура интеллигенции в описании Боборыкина идеологизирована, можно говорить о своеобразном аналоге требований "политической корректности".

Многие видные российские интеллектуалы начала XX века именовали русскую интеллигенцию "революционным орденом", "генеральным штабом революции", "синонимом революционного самопожертвования"[24]. Соответственно, "интеллигентство" воспринималось подчас как синоним "партийности", "кружковщины, "фракционности"[25]. Требования

---

[22] Редакционная статья // Свобода. 1888. N 1/2. С. 2; Княжнин С. Очерки русской жизни // Там же. N 3. С. 4; Кромвель. Noblesse oblige // Там же. N 4. С. 4; Княжнин С. Итоги прошлого // Там же. N 5. С. 2; Турский М. Сила царизма // Там же. N 11/12. С. 3.

[23] Боборыкин П. Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. N 12. С. 82, 83-84, 87 (паг. 2-я); Он же. Подгнившие "вехи" // В защиту интеллигенции. М., 1909. С. 134–135.

[24] Степун Ф. А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 286-302; Франк С. Л. Крушение кумиров // Соч. М., 1990. С. 116; Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 164. Ст. Иванович писал о распространенном подходе (отрицая его с марксистских позиций): "До сих пор «идея» интеллигенции неразрывно была связана с идеей русского освобождения ... Покуда жив старый режим, жива и старая интеллигенция, покуда не умрет идея освобождения, до тех пор не умрет и идея интеллигенции" (Иванович Ст. Судьбы русской интеллигенции // Наша заря. 1910. N 5/6. С. 53.

[25] Биограф князя Г. Е. Львова так описывал состояние главы первого Временного правительства: "Он попал в водоворот политической борьбы интеллигентского партийного доктриерства..." (Полиер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. См. также: Абрамович Н. Я. Подполье русского интеллигенства (О тупиках русского интеллигентского сознания). М., 1917.

"политической корректности" формулировались весьма жестко — неудивительно, что "интеллигенцию" часто сравнивали со средневековым монашеским орденом [26].

Трактовка "интеллигенции" как общественно-политического понятия не была единственной, однако довольно распространенной, и это влияло на восприятие термина. Не все интеллигенты активно участвовали в общественной жизни, однако именно такое поведение признается наиболее адекватным идентификации — "пассивные" интеллигенты ощущали подчас свою второсортность, активисты именовались "передовой частью интеллигенции", "передовой интеллигенцией"[27].

Различные интеллигентские идентификации складывались в условиях антиинтеллигентских кампаний. Ниже мы охарактеризуем некоторые из них, при этом нас интересуют те значения, которые придавались термину "интеллигенция".

Многие консервативно настроенные интеллектуалы с презрением относились к термину "интеллигент" и никогда не применяли его для самоидентификации[28]. С. Е. Трубецкой, сын известного философа, вспоминал: "... быть «культурным человеком» было хорошо, но слово «интеллигент» было столь же мало похвально, как и «чиновник»... Все это вошло в подсознание еще раньше, чем в сознание". Но, похоже, определение своего отношения к "интеллигенции" было важным, хотя и представляло для автора немалую трудность: "Я знал многих очень симпатичных интеллигентов, но внутренне интеллигенция всегда оставалась мне ... чуждой (как, очевидно, и я — ей!)"[29]. Отчуждение от "интеллигенции" становилось темой размышления какой-то части российских интеллектуалов.

---

[26] Ф. А. Степун писал: "У ордена русской интеллигенции не было определенного религиозного взгляда, но он каждое мировоззрение превращал в религию. Никто не давал никаких обетов, но каждый, присоединившийся к ордену, знал, что это на всю жизнь". Цит. по: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С. 19.

[27] Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк. 1952. С. 237.

[28] Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 5.

[29] Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 49, 54.

Термин постоянно использовался охранительной публицистикой. Уже в 1878 г., т.е. еще до появления важных "интеллигентских" текстов, М. Н. Катков писал: "Наша интеллигенция выбивается из сил, желая показать себя как можно менее русскою, полагая, что в этом-то и состоит европеизм. Но европейская интеллигенция так не мыслит. ... Наше варварство в нашей иностранной интеллигенции. Истинное варварство ходит у нас не в сером армяке, а больше во фраке и даже в белых перчатках". Антинациональной, оторванной от устоев и традиций русской жизни "квазиевропейской" интеллигенции противопоставлялись духовность, почвенность и вера "народа", единого со своим царем[30]. Катков, как видим, использует уже оппозиции "интеллигенция — народ", "интеллигенция — власть", которые затем были необычайно важны для идентификации и самоидентификации интеллигенции.

В конце 1870-х годов и некоторые корреспонденты К. П. Победоносцева используют для характеристики оппонентов режима не только привычное и, по-видимому, более распространенное слово "нигилист", но и критикуют подчас "башибузучную" интеллигенцию[31]. Сам Победоносцев также критически отзывался о "либеральной интеллигенции", с презрением писал о "жидких слоях интеллигенции"[32]. Ему приписывали следующее высказывание: "Интеллигенция — часть русского общества, восторженно воспринимающая всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный к дискредитации государственной власти; ко всему же остальному в жизни страны она равнодушна"[33]. Интеллигенция и

---

[30] Московские ведомости. 1878. 28 апреля. Об антиинтеллигентской позиции М. Н. Каткова см.: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 183; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 176–178, 185, 201, 230.

[31] Из письма П. Д. Голохвастова, 10 декабря 1879 г. Цит. по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М.-Пг., 1923. Т.1. Пт. 1. С. 17. См. также С. 196, 227, 282.

[32] Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времен. М., 1993. С. 45; Письма Победоносцева Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 398.

[33] Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминаиия последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 178.

здесь описывается как антигосударственная и антинародная сила.

Показательна и позиция А. Д. Пазухина: он пылко обличал "жалкие увлечения" "беспочвенной", "отчужденной от народа", "относящейся враждебно к историческому государственному строю" интеллигенции, питающейся лишь "книжными доктринами"[34]. В. П. Мещерский считал "интеллигенцию" основным ненавистником дворянства, а значит, и русского государства. Его журнал обличал антидворянский "союз русского интеллигента, еврея и поляка"[35]. В данном случае интересно сочетание социофобии и ксенофобии. И в дальнейшем интеллигентофобия не раз оказывалась связанной с ксенофобией, прежде всего с антисемитизмом. М. О. Меньшиков критиковал "интеллигенцию", противопоставляя ее "органическому" и "религиозному" народу (хотя подчас он использовал термин и как нейтральный, подразумевая людей, живущих "интеллигентно", — чиновников, офицеров)[36].

Антиинтеллигентские настроения стали важным элементом сознания правительственных кругов, занимая важное место в коллективном портрете образов врагов режима. В крайней форме это проявилось в черносотенной публицистике: "... у нас в России на самом видном месте выросла такая огромная куча навозу под названием "интеллигенция", и на этой куче пышно распустился цветок революции..."[37]. Соответствующая проповедь интеллигентофобии идеологически готовила почву для антиинтеллигентских погромов эпохи Первой российской революции[38].

Однако и некоторые представители охранительного направления также иногда использовали многозначный термин

---

[34] Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 25, 39–41.

[35] Соловьев Ю. Б. Указ. соч. С. 296–297; Бодиско Дм. Дворянский вопрос — вопрос государственный // Гражданин. 1897. № 39 (22 мая). С. 3.

[36] Меньшиков М. О.Критические очерки. СПб., 1902. Т. II. С. 40, 42–44.

[37] Назаревский Б. Бюрократия и интеллигенция. М., 1906. С. 6–7.

[38] Об антиинтеллигентских погромах см.: Ерман Л. К. Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966. С. 172–174, 197–198, 227. Память об этих погромах была столь сильной, что первой реакцией многих провинциальных интеллигентов, узнавших о Февральской революции 1917 г., было бегство в крупные города. См.: Черносотенная агитация. Единство. 1917. 27 апреля.

для самоидентификации. Б. В. Никольский, юрист правых воззрений, заявил императору в апреле 1905 года: "... ведь и я имею несчастье принадлежать к этому незавидному сословию. ... Да, несимпатичное слово. Никогда не пишу его без кавычек. Только тем как дворянин и утешаюсь"[39].

Изобретались и новые "дочерние", респектабельные с точки зрения консерваторов идентификации. В 1884 г. Катков возлагал надежды на появление "новой" интеллигенции[40]. К.П.Победоносцев, похоже, подчас примерял на себя идентификацию "государственной интеллигенции"[41]. Даже Союз русских людей в 1906 г. призывал к образованию "истинно-русской интеллигенции", т.е. "людей просвещенных, сознательно проникнутых теми чувствами, чаяниями и стремлениями, которые свято бережет в тайниках души своей православный народ русский и которые делают порою из безграмотного крестьянина-простеца богатыря-подвижника"[42]. Консервативные проекты создания "своей" интеллигенции предлагали преодолеть оппозиции "интеллигенция — власть", "интеллигенция — народ", которые подчас те же самые авторы использовали для определения интеллигенции.

Однако интеллигенцию атаковали и представители иного политического спектра, при этом аргументация "ретроградного лагеря" подчас повторялась. Так, некоторые народники-"почвенники" утверждали вслед за И. И. Каблиц-Юзовым, что интеллигенция должна не учить народ, а сама учиться у него. Здоровым чувствам и коллективизму "народа" при этом противопоставлялись рассудочность и индивидуализм "интеллигенции". "Эгоистическое большинство" интеллигенции, проникнутой духом "буржуазности" и "интеллигентского бюрократизма", Каблиц противопоставлял "лучшей части интеллигенции" — "альтруистическому меньшинству" (под которым, разумеется, понимались едино-

---

[39] Никольский Б. В. Из дневника 1905 года // Николай Второй: Воспоминания. Дневники. / Сост. Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб, 1994. С. 74.

[40] Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия ... С. 264.

[41] "Государственной интеллигенции предстоит во всяком случае трудная задача — привлечь на свою сторону и соединить с собою твердонародное верование" (Победоносцев К. П. Церковь и государство // Московский сборник. М., 1896. С. 4).

[42] Вестник союза русских людей. 1906. № 1. С. 10.

мышленники автора). Он обвинял "интеллигенцию" в стремлении осуществлять политическое господство над "народом"[43]. Автор предлагал свой вариант преодоления оппозиции "интеллигенция — народ". Высказывается предположение, что взгляды "почвенников" повлияли в этом отношении на позиции русских марксистов[44].

Однако и сама идеология, и политическая практика марксизма при всей ориентации учения на выработку и распространение "научного мировоззрения" (что было очень созвучно этике русской интеллигенции) были запрограммированы на появление антиинтеллигентских настроений. Культ "рабочего класса" неизбежно вел к тому, что именно с ним отождествляли себя марксисты-интеллектуалы любого социального происхождения. Они укрепляли свой статус в политическом движении критикой иных социальных групп, с которыми отождествляли своих политических оппонентов. Соответственно русские марксисты резко отмежевывались от "интеллигенции", "интеллигентских иллюзий" и выступали на всевозможных собраниях с настоящей "проповедью интеллигентствоедства"[45]. Это не мешало многим социал-демократам эксплуатировать кодекс поведения интеллигенции и ее представления о "политической корректности".

Для русской марксистской интеллигенции рабочий класс стал "новым народом", соответственно традиционная уже оппозиция "народ — интеллигенция", преобразовывалась в противопоставление "рабочий класс — интеллигенция". Не-

---

[43] Каблиц И. И. (Юзов И.) Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб, 1886. С. 55–56, 82, 93, 128. Подробнее см.: Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема "народ и интеллигенция" в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX века // Вестн. Московского университета. Сер. 8: История. 1980. № 4. С. 39–53.

[44] Павлова Н. Г., Главацкий М. Е. К вопросу о "народнических" традициях в марксистской концепции интеллигенции // Проблемы методологии истории интеллигенции: Поиск новых подходов. Иваново, 1995. С. 45–51.

[45] Клейнборт Л. М. Очерк общественно-литературных направлений... // ОР ИРЛИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 450. Л. 76. Антиинтеллигентские взгляды были присущи и многим польским социал-демократам. Так, Р. Люксембург относила интеллигенцию к "антидемократическим" силам, хотя и допускала с ней сотрудничество (Устюгова А. Г. Отношение рабочих партий Королевства Польского к интеллигенции накаиуне и в ходе революции 1905–1907 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 10).

которых марксистов подобная антиинтеллигентская тенденция пугала. Г. В. Плеханов писал П. Б. Аксельроду: "... я и сам боюсь, не слишком ли рано теперь уже вызывать в рабочих наших огульный антагонизм к интеллигенции вообще"[46]. Но интеллигентофобия стала устойчивой традицией, присущей всем направлениям российской социал-демократии. Сторонники всевозможных фракций и групп отождествляли себя с "пролетариатом", а действия оппонентов и все негативные явления внутрипартийной жизни описывали как пагубное влияние интеллигенции внутри партии рабочего класса; меньшевики в этом отношении не отличались от большевиков. У грузинских же социал-демократов антиинтеллигентские настроения проявлялись в противопоставлении "интеллигентской" русской социал-демократии — "рабочей" грузинской[47].

По-видимому, на отношение многих русских марксистов к интеллигенции повлияла и дискуссия об "академиках" в германской социал-демократической партии: партия, ориентирующаяся на промышленных рабочих, не без споров формулировала свое отношение к тем своим членам, которые обладали дипломами университетов[48]. Очевидно, на формирование позиции социал-демократов повлияли и антиинтеллигентские настроения "сознательных", политизированных рабочих[49]. Часто такие рабочие именовали себя "рабочей интеллигенцией". Подобная самоидентификация предлагалась им многими видными социал-демократами, при этом использовались некоторые идентификации "интеллигенции". Вместе с тем идентификация "рабочей интеллигенции" изначально содержала и блок антиинтеллигентских утверждений. Так, уже в 1889 г. была опубликована брошюра П. Б. Аксельрода "Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим". Под "рабочей интеллигенцией" автор понимал "развитых", "передовых" рабочих, "интеллигентных представителей рабочего класса", которые противопоставля-

---

[46] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 125.

[47] Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 51–52.

[48] Показательно, что почти одновременно было выпущено несколько переводов брошюры К. Каутского "Интеллигенция и социал-демократия" (СПб, 1906, Одесса, 1908).

[49] См.: Иков В. К. Листопад // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 130–131.

лись и "интеллигенции высших классов", и "многомиллионой массе" "трудящихся классов"[50]. Подобная идентификация получила широкое распространение среди "сознательных" рабочих-активистов, противопоставлявших себя как интеллигенции, так и "темным" и "серым" "массам". При этом "сознательные" копировали образ жизни, манеры, моду "интеллигентов"[51]. Рабочий-интеллигент — это в первую очередь усердный читатель. Однако "рабочую интеллигенцию" в узком смысле слова характеризует не просто чтение, но чтение "серьезной" литературы, это отличает ее от "рабочей массы", поглощающей "развлекательную" литературу. Рабочий интеллигент приобретает потребность в постоянном чтении, покупает книги, создает свою домашнюю библиотеку: "Он уже не может не покупать, уже голодает без книги, как голодает без хлеба". Важной частью жизни его становится обсуждение прочитанных книг, рассказ о них. Иногда подобные беседы перерастают в лекции, рабочий-интеллигент становится "просветителем", он вовлекает в чтение своих собеседников[52].

Яркую зарисовку подобного типа культурной ориентации дает П. Гарви: "Жил он, как и большинство квалифицированных рабочих казенного Обуховского завода, с достатком. Вырабатывал 150–200 рублей в месяц, а когда бывала спешка, "выгонял" с премиями (по "американской системе") до 250 рублей. Имел для праздников хорошую шубу с бобровым воротником и даже черную сюртучную пару для поездок в "город" на публичные собрания или в театр. Если для текстильных рабочих где-нибудь в Тверской губернии признаком приобщения к культуре были новенькие галоши в летнюю жару, то для рабочей аристократии Петербурга характерно было одеваться, как одеваются интеллигенты не для посещения района, то есть в косоворотках и кепках, а для себя — в общественных местах, на вечерах, в театрах.

---

[50] Аксельрод П. Б. Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим. Женева, 1889. С. 2–4, 6–9, 13–15.

[51] Об этом см.: Колоницкий Б. И. "Рабочая интеллигенция" в трудах Л. М. Клейнборта // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб, 1996. С. 123–124, 135.

[52] Клейнборт Л. М. Очерки рабочей интеллигенции. Пг., 1923. Т. 1: (1905–1916). С. 54, 57, 61, 62.

Вася Соколов не видел в этом признака "буржуазности": он всегда готов был сесть в тюрьму за рабочее дело, но жить хотел не богато, но культурно, как живут знакомые интеллигенты. Посещение передовыми рабочими партийных интеллигентов вызывало в них подражание культурным навыкам жизни, начиная с одежды. Домашний быт — у того же Соколова — оставался при этом полукрестьянским"[53].

Смена костюма была для "рабочих интеллигентов" важным символическим актом. А. Потресов писал: "... если разночинец-интеллигент своей одеждой, прической, как и всей своей повадкой, в свое время манифестировал свое "нигилистическое" миросозерцание, ... то, наоборот, наш "потрясатель основ", становясь сознательным, неизменно и непременно надевает котелок, манишку, пиджак, и в этом его облачении в костюм культурного бюргерства обозначается рост его чувства собственного достоинства, желание его — представителя обездоленных низов — быть как люди, быть не хуже других"[54]. Костюмом "рабочий интеллигент" отделял себя от массы рабочих. Вообще если "интеллигенция" противопоставляла себя "народу", то "рабочие интеллигенты" — "серым" рабочим.

---

[53] Гарви П. Воспоминания: Петербург — 1906 г., Петербург — Одесса — Вена — 1912 г. Нью-Йорк, 1961. С. 66–67. Об ориентации "сознательных" рабочих на моду интеллигенции см. также: Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении // Собрание сочинений. М.-Пг., 1923. Т. 3. С. 131–133, 135, 144; Канатчиков С. Из истории моего бытия. М.-Л., 1929. С. 22, 57–58, 92; Шаповалов А. По дороге к марксизму. М., 1922, Ч. 1. С. 20; Его же. Путь молодого рабочего. М., 1923. С. 49, 73; Wildman A. K. The Making of Worker's Revolution: Russian Social Democracy, 1891–1903. Chicago-L., 1967. P. 37. Идентификация "народного интеллигента" также проявлялась в костюме: "Даже внешность крестьянской молодежи отразила пережитые запросы: фуражка с синим околышем, «спинжак», брюки на выпуск, синяя рубашка — в такой степени под студента, что не всегда отделишь, по крайней мере от студента былого типа" (Клейнборт Л. М. Народная демократия // Новая жизнь. 1911. Т. VI. С. 209).

[54] Потресов А. Еще к вопросу о пролетарской культуре... С. 87. Пример ориентации политизированных активистов на интеллигенцию дает частушка 1917 года: "Кольцо у милого на лапе / В интилигентной ходит шляпе / Умней его в деревне нет / Недаром выбрали в Совет". Меньшевик Иван. Народные революционные частушки. Пг., 1917. С. 14. Наряду с костюмом тут отмечается и интеллект, и общественная активность.

"Мода на интеллигенцию" распространилась в рабочей среде во время Первой российской революции — работницы подчас одевались "под курсисток" (блузка, кожаный пояс, часики, или, по крайней мере, цепочка от часов), а рабочие надели кепки и соломенные шляпы вместо картузов. Популярностью пользовались и студенческие фуражки[55]. По-видимому, можно говорить о том, что носителями этой моды были тогда не только представители "рабочей интеллигенции", но и более широкие слои рабочих.

Вместе с тем "рабочие интеллигенты" часто были носителями антиинтеллигентского сознания. Некоторые из них стали со временем формулировать соответствующую идеологию. Так, показательно выступление Ф. А. Булкина, считавшегося в кругах меньшевиков-"ликвидаторов" "одним из видных представителей пролетарской интеллигенции". Он указывал на "интеллигентскую опасность" в рядах РСДРП; история партии рассматривалась им как постоянный конфликт рабочих и интеллигентов, из которого последние неизменно выходят победителями. Интеллигенты виновны во всех "болезнях" партии; антибольшевизм и легализм также окрашиваются у Булкина в антиинтеллигентские тона[56]. На формирование подобных взглядов немалое воздействие мог оказать П. Б. Аксельрод, который трактовал конфликт в партии как выражение борьбы радикального крыла демократической (якобинской) интеллигенции (т.е. большевиков) против классовой самостоятельности пролетариата. Показательно, что Булкин сочувственно цитирует Аксельрода и посвящает "дорогому учителю" свою книгу[57]. Но антиинтеллигентские высказывания были присущи и тем "рабочим-интеллигентам", которые связали свою судьбу с партией большевиков.

---

[55] Елпатьевский С. Я. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 340–341.

[56] Булкин Ф. Рабочая самодеятельность и рабочая демагогия // Наша заря. 1914. № 3. С. 55–64; Л. М. [Ю. О. Мартов] Ответ Булкину // Там же. С. 64; Антонов К. Интеллигенция в русском рабочем движении // Там же. № 5. С. 73–76. Письмо Ф. И. Дана П. Б.Аксельроду 14 (27) апреля 1914 г. // Федор Ильич Дан: Письма (1899–1946). Амстердам. 1985. С. 309.

[57] Булкин (Семенов) Ф. Рабочий класс и рабочая партия. Ч.1: Социал-демократия и рабочее движение в русской революции (Критические очерки). СПб, 1914.

На рубеже веков угроза ценностям интеллигенции исходила от многих течений. Боборыкин, например, адресует соответствующие обвинения и народникам, и Л. Н. Толстому, и распространителям идей "ницшеанства", "ницшеанского босячества", "декадентского эстетизма"[58]. Одних он обвиняет в антизападничестве, других — в антиинтеллектуализме и аморализме. В некоторых случаях опасения Боборыкина подтверждались антиинтеллигентскими высказываниями соответствующих авторов. Так, Л. Н. Толстой писал в связи с полемикой о "Вехах": "Развратить народ? Да, это она может, могут те люди, которые называют себя интеллигенцией. Это они и делали, и делают, к счастью, благодаря духовной силе русского народа, не так успешно, как они желали бы этого, но просветить они уже никак не могут". Он призывал интеллигенцию не просвещать, а учиться у народа[59]. Еще ранее схожие обвинения в адрес интеллигенции выдвинул М.Е.Салтыков-Щедрин: "В том суть-с, что наша интеллигенция не имеет ничего общего с народом, что она жила и живет изолированно от народа, питаясь иностранными образцами и проводя в жизнь чуждые народу идеи и представления, одним словом, вливая отраву и разложение в наш свежий непочатый организм"[60]. И интеллигентская, и антиинтеллигентская традиции становятся частью российской национальной культуры, проникая в тексты ее виднейших представителей.

Отметим, что высказывания такого рода можно было встретить и в народнических, и черносотенных изданиях. Авторы самых разных воззрений и самого разного калибра использовали одни и те же оппозиции, один и тот же язык. Антиинтеллигентские высказывания можно встретить и у интеллектуалов, пользовавшихся безупречной "интеллигентской" репутацией. Так, А. П. Чехов, который ныне воспринимается как символ русского интеллигента рубежа веков, писал И. И. Орлову 22 февраля 1899 г.: "В нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитан-

---

[58] Боборыкин П. Д. Русская интеллигенция... С. 84, 86, 87.

[59] Толстой Л. Н. [О "вехах"] // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1992 (репринтное воспроизведение издания 1928–1958 гг.). С. 289.

[60] Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М., 1957. Т. 5. С. 241.

ную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр"[61]. Следует, однако, отметить, что подобная точка зрения высказывалась в частном письме, а не утверждалась публично.

Быстрое распространение популярности термина "интеллигенция", идентификации "интеллигента" в конце XIX — начале XX веков сопровождалось появлением антиинтеллигентских настроений и антиинтеллигентских идеологий. Само по себе это свидетельствует о популярности и значении идентификации "интеллигента". Часто соответствующие выступления в печати провоцировали полемику, влиявшую на формирование самосознания интеллигенции, вызвав, например, появление ряда важных статей Н. К. Михайловского, который первоначально без энтузиазма относился к появлению этого термина, но в то же время способствовал его созданию, развитию и распространению[62]. Полемисты использовали подчас одни и те же идеологемы — и для многих носителей идентификации, и для всевозможных критиков интеллигенции очень важно было противопоставление "интеллигенции" и "народа". При этом критики "интеллигенции" отождествляли себя с "народом".

Появлялись и специфические "дочерние" идентификации, в которых ориентации на различные компоненты интеллигентской традиции могли сочетаться с критикой интеллигенции ("новая интеллигенция", "государственная интеллигенция", "истинно русская интеллигенция", "пролетарская интеллигенция", "рабочая интеллигенция", "народная интеллигенция"). В некоторых случаях на основе данных идентификаций формировались субкультуры, в которых ориентация на культуру интеллигенции сочеталась с антиинтеллигентскими настроениями.

Однако по-своему противопоставляли себя народу и носители идентификации "интеллигенции". "Настоящий интеллигент" должен быть также просветителем, культуртрегером, "пионером культуры" — он распространяет "нас-

---

[61] Чехов А. П. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. 18. С. 89.

[62] См.: Михайловский Н. К. Записки современника (1881 г., декабрь). Стб. 531–550.

тоящую культуру", он активно содействует экспансии субкультуры интеллигенции, соответствующего образа жизни и норм поведения.

Культ служения народу, идеал просвещения народа формулировался профессиональными активистами. Врач В. О. Португалов, например, писал: "Стомиллионный русский народ ... много вынесший, испытавший все, своими вековыми страданиями купил себе право желать и надеяться, что интеллигенция явится действительным охранителем и настоящим врачевателем его недугов"[63]. Именно идея служения народу вдохновляла многих земских врачей, учителей, статистиков в их профессиональной деятельности. Однако для многих мода "шестидесятников" на опрощение была суровой реальностью и вынужденной необходимостью, а не результатом сознательного выбора данного стиля жизни — материальные и правовые условия их деятельности были довольно суровыми. И в этом случае идентификация "интеллигента" была важна — она выполняла известную компенсаторную функцию, помогала преодолеть тяготы, давая чувство принадлежности к жертвенному "ордену" избранных. Важные интеллигентские тексты, многие произведения русской литературы также влияли на развитие профессиональной этики. В формировании самосознания русских медиков, например, немалую роль сыграли произведения В. Вересаева, противопоставляющего "врача интеллигента и гражданина" "сытым врачам". Показательно, что и сам Вересаев был удостоен звания "писателя-интеллигента"[64]. Соответственно предполагалось, что не все писатели автоматически являются интеллигентами. Репутация "интеллигента" при этом могла влиять на профессиональную карьеру многих литераторов, она служила знаком политической кор-

---

[63] Португалов В.О. Врачебная помощь крестьянству. СПб, 1883. С. 8. Цит. по: Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. С. 92.

[64] Львов В. Писатель-интеллигент (К 10-летию литературной деятельности В. Вересаева) // Образование. 1904. № 2. С. 80. Ср. аналогичные рассуждения об этике русских врачей: Елпатьевский С. Я. По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3. С. 60; Frieden N. M. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton, 1981. P. 125, 228.

ректности, служила пропуском в те редакции и издательства, руководители которых ориентировались на подобную идентификацию, отождествляли себя с "интеллигенцией".

Кодекс интеллигенции оказывал противоречивое воздействие на формирование профессиональной этики корпораций. По-видимому, он препятствовал распространению идентификации "профессионального эксперта", распространенной в Западной Европе. Там в формировании образа интеллигентных профессий гораздо большую роль играл рынок[65]. Факт распространения интеллигентской этики и интеллигентской субкультуры объективно препятствовал созданию в России "среднего класса".

Вместе с тем субкультура интеллигенции по-своему довольно агрессивна, она претендует на монополию, отрицая подчас идею множественности культур. Недостижимый идеал "интеллигенции" — усвоение ее культуры всем "народом" вследствие "прогресса". В ближайшей же перспективе надежды возлагались на появление "народной интеллигенции". "Народ ... прошел уже в нескольких поколениях тяжелую, но развивающую школу фабричного труда, он успел выработать в своей среде такое меньшинство, которое иначе нельзя назвать, как народной интеллигенцией", — писал П. Д. Боборыкин[66]. Однако, как видим, реализация этого проекта способствовала распространению антинтеллигентских настроений.

Можно утверждать, что антиинтеллигентские выступления косвенно влияли на формирование интеллигентской традиции. Они навязывали эту идентификацию своим оппонентам, вынуждали защищать ее, провоцировали появление новых важных интеллигентских текстов. При этом некоторые важные идеологемы — оппозиции "народа и интеллигенции", "власти и интеллигенции", "буржуазии и интеллигенции" — использовались идейными противниками. По-своему влияли на формирование интеллигентской традиции не только ее истинные и мнимые "отцы", но и враги интеллигенции.

---

[65] Frieden N. M. Op. cit. P. 14.

[66] Боборыкин П. Д. Русская интеллигенция... С. 88 (паг. 2-я).

Соответственно и антиинтеллигентские кампании советского времени, и советский проект создания "народной интеллигенции" подготавливались десятилетиями писателями и политиками самого разного толка. Многозначное понятие, призванное описать новую социальную реальность, именно в силу своей полисемантичности стало автономным субъектом истории.

"УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА": ДИСКУССИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

В. А. Веременко

Феномен "ученой женщины" существовал с самых древних времен. В течение многих столетий европейской истории — от Платона и до Фихте — идея предоставления мужчинам и женщинам равного образования будоражила общественное мнение. Особенно громко голоса в поддержку этого требования были слышны в эпоху французских просветителей, рассматривавших отсутствие такого права как ущемление свободы личности. Но и в те годы, и в последующие пятьдесят лет не наблюдалось сколько-нибудь существенного усиления стремления женщин в университеты.

Обстановка резко изменилась в середине XIX в., когда в странах Европы и Северной Америке сочетание двух тенденций — утрата старыми имущими слоями своего экономического благополучия и ухудшение демографической ситуации — породило новые реалии, под воздействием которых психологические причины, определявшие интерес женщин к серьезному образованию, также приобрели особую остроту.

Россия в этом отношении не стала исключением. В нашей стране еще в 50-е гг. XIX в. обнищание "русского дворянства зашло так далеко, что четыре пятых его не могли позволить себе привычный сословию образ жизни в тех случаях, когда средства были ограничены доходами с имений"[1]. Для тех же, кто имел еще и дополнительный заработок, наличие его не означало материального благополучия: жизнь "на виду", соблюдение "приличий" — все это приводило к тому,

[1] Петров-Эннкер Б. Женщины наступают: Об истоках женской эмансипации в России // Отечественная история. 1993. № 5. С. 175.

что "повышаются и утончаются потребности, а между тем доступный уровень существования резко противоречит тому, который является желательным"[2]. Современные отечественные исследователи также указывают, что в 40–50-е гг. XIX в. в высшем классе страны насчитывались "буквально десятки тысяч потомственных дворян, которые, по официальному заключению, "не могли вести образа жизни, приличного лицам первенствующего сословия"[3].

Ситуация еще более ухудшилась в 60-е гг. в условиях начавшегося перелома в хозяйственной жизни страны. Не вдаваясь в детали финансовой стороны проведенного в 1861 году освобождения крестьян[4], следует подчеркнуть, что для значительной части мелкого и среднего дворянства выкупная операция обернулась фактически полным разорением. Существенный ущерб был нанесен помещичьему хозяйству, с трудом пережившему "Великие реформы", также и в годы мирового аграрного кризиса, затронувшего Россию в 80–90-е гг. XIX века[5].

Как и многие другие, эти экономические явления серьезно отразились на социальной сфере. "Усиление мобилизации земельной собственности, ... переход земель в руки других сословий, уничтожение дарового труда крестьян, невозможность конкурировать с крупными имениями, поставленными на более капиталистических основаниях, — все это влекло разорение мелкого и даже среднего дворянства, выталкивая его в город"[6], — писал дореволюционный историк С. Сватиков.

Максимальная экономия средств в этих семьях заставляла проводить четкое разделение бюджета. В нем выделялись обязательные расходы, к которым наряду с направленными на удовлетворение жизненно важных потребностей относились также расходы "на перспективу", например, на обучение сыновей — будущих кормильцев семей. А траты на дочерей ограничивались лишь тем, что с точки зрения родителей было достаточно для замужества. Совершенно же ненужными казались расходы на взрослых дочерей, вышедших

---

[2] Цеткин К. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. Одесса, 1905. С. 6.

[3] Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979. С. 63.

за пределы традиционного для того времени брачного возраста. Но и старые девы, и даже молодые девушки воспринимали .себя как непосильную обузу, тяжело переживали свое положение "лишних ртов" и "дармоедок".

Во многом это было связано с тем, что единственный выход — замужество — становился для них все более нереальным. Ведь к традиционному для Европы перевесу численности слабого пола над сильным, достигшему во второй половине XIX в. только в России огромной цифры в 1 млн. 300 тыс. человек[7], прибавилось и постоянно уменьшавшееся стремление мужчин, особенно из состоятельных слоев, вступать в брак. В результате, как отмечали современники, огромная масса девушек из семей среднего достатка все чаще становилась "бременем в родном доме, раз поздно или вовсе не встречается подходящий жених". Объективная обстановка все более вынуждала их "стать на собственные ноги и содержать себя собственным трудом"[8].

Итак, в результате серьезных социально-экономических преобразований второй половины XIX века женщины активнее вовлекались в трудовую деятельность вне дома. Представительницы привилегированных слоев устремились прежде всего в сферы интеллигентного труда, и уже к началу XX столетия женщина-врач или учительница стали достаточно привычным явлением. Однако постоянное увеличение числа самостоятельных интеллигентных тружениц не поколебало господствовавшего взгляда на женщину как на существо зависимое, слабое и неспособное к серьезной общественной деятельности.

Отсутствие кардинальных изменений в гендерной стратификации российского общества конца XIX — начала XX вв. связывалось большинством современников с сохранением существовавшей системы образования, основанной

---

[4] См.: Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 92–103.

[5] См.: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1969; Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978.

[6] Сватиков С. Русская студентка / Путь студенчества. М., 1916. С. 91.

[7] Соболев М. Женский труд в народном хозяйстве XIX в. // Мир Божий. 1901. № 8. С. 74–75.

[8] Шлезингер-Экштейн Т. Женщина к началу XX века. СПб, 1905. С. 40.

на раздельном обучении и воспитании полов. Отсюда понятно, почему в широко развернувшихся дискуссиях о месте и роли "ученой женщины" особое место занимал вопрос о допустимости предоставления женщинам высшего образования, в том числе — совместного с мужчинами.

Как же относилось русское общество конца XIX — начала XX вв. к "ученой женщине"? До тех пор пока это явление было единичным, преобладали насмешливо-язвительные характеристики, подобные рассуждению, содержавшемуся в знаменитом сочинении XIX в. "Антропологии": "... что же касается до ученых женщин, то у них книги играют такую же роль, как и их часы; а часы они носят только для того, чтобы показать, что часы у них есть, хотя сплошь и рядом эти часы у них не ходят или ходят совсем не верно"[9].

Со временем же подвергаемая насмешкам группа стала уже серьезным фактором общественной жизни, заставляя современников перейти к "аналитическому" уровню и объяснить причины многовекового зависимого положения женщины. Носит ли оно сугубо исторический характер и, следовательно, в изменившихся условиях женщина наконец получит отобранное у нее вполне законное право на свободное развитие личности, в том числе интеллектуальное. Или в основе этой зависимости лежат физиологические причины, а значит, попытка представительниц слабого пола развить свой внутренний мир не только обречена на полный провал, но может привести к опасным последствиям для их здоровья, что неминуемо скажется на подрастающем поколении.

Ведя борьбу с расширявшимся стремлением женщин к высшему образованию, сторонники мужской монополии на знание строго придерживались второй позиции. "Не законы и обычаи, — подчеркивали они, — держали женщину вдали от мужских профессий, сама природа указывает каждому свое место"[10]. Отход же от общемирового порядка, попытка пробраться в запрещенную сферу занятий немедленно отражается на самих нарушительницах, у которых "умственные силы развиты в ущерб другим способностям души", препятствуя цельности "хорошего воспитания"; и "от этого происходят все странности характера" ученых женщин и то

[9] Антропология // Научное обозрение. 1900. № 3. С. 167.

"совершенно верное мнение", что ученая женщина не может быть хорошей женой[11].

В том случае, если такая особа все-таки вышла замуж, время, проведенное за книгами, плачевно отразится не только на ее характере, но и на ее здоровье: "Занятия науками и чтением, — говорилось в одном из многочисленных исследований на эту тему, — пагубны для женщин, потому что они отвлекают их жизненные силы к мозгу и таким образом лишают половые органы естественной их силы. Потому-то ученые женщины обыкновенно бывают или бесплодны, или подвержены опаснейшим припадкам во время беременности"[12].

Указывали противники допущения женщины в высшую школу и на другой аспект проблемы: даже если ей не придется проводить опасные эксперименты над своим здоровьем и над будущим собственных детей, то все же ее попытка применить полученные знания может обернуться не меньшим злом теперь уже для окружающих. Подчеркивалось, что вследствие своих физиологических особенностей женщины в течение нескольких дней в месяц находятся в "более или менее бессознательном состоянии", когда они "охвачены различными настроениями, до желания причинить боль кому-нибудь". Понятно, что "выступать в такие дни в роли судьи", а тем более проводить операции, "было бы преступлением". Да и в другое время женщина едва ли способна быть такой же деятельной, как мужчина: "... когда мы любим, — писала одна из них, — мы также ненормальны"[13]. Вывод из этих рассуждений делался вполне однозначный: если выполнение дела требует такого количества ограничений, то едва ли целесообразно допущение женщины к этим опасным для нее и для других профессиям.

Подобные "светские" аргументы подкреплялись и авторитетом Св. Писания, знатоки которого легко выделяли в

---

[10] Крепац А. Опасные стороны полной женской эмансипации. М., 1883. С. 21.

[11] Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в 1856–1880 гг. СПб, 1901. С. 459.

[12] Мужчина и женщина врозь и вместе в различные эпохи их жизни. СПб, 1859. С. 43.

[13] Исповедь женщины (Ответ Вейнингеру) // Образование. 1908. № 9. С. 254.

соответствии с Библией место для женщины — "второстепенное, зависимое", для которого вовсе не нужны "скороспелое развитие, непереработанные познания, память, обремененная без всякой жалости к рассудку"[14].

Схожие сюжеты излагались и в гораздо более популярном виде, неся в себе мало истинной религиозности, но зато достаточный антиженский заряд. Например, из памфлета И. Сильченко "Происхождение женщины и проклятие Богом человека" можно узнать "истинную" причину изгнания Адама из рая: приближение им к себе женщины — твари, созданной Ехидной из частиц змеи, волчицы, обезьяны, лисицы, ослицы, кошки и зайца. Ум, данный Богом мужчине она поэтому "не имеет и иметь не будет; она, подобно обезьянам, будет всегда лишь только перенимать, обезьянничать; не здравым смыслом, а слепым подражанием друг дружке будет она руководствоваться"[15].

Такая лубочная литература оказывала свое разлагающее действие, и многие более образованные мужчины могли бы повторить вслед за крестьянином Кругликовым: "...женщины у нас для того, чтобы смотреть за хозяйством, чтобы смотреть за детьми и за печкой"[16].

Развитию таких настроений способствовали и взгляды священнослужителей, многие из которых занимались воспитанием своей паствы на основании заученного ими в семинарии учебника А. Покровского, рассуждения которого были достаточно простыми. Главенство мужа во всем — это "естественное" положение, определенное самим Богом. "Прежде создан Адам, а потом Ева", — приводит автор слова апостола Павла и подчеркивает далее, что для женщины "воспитание детей, благоустроение дома угодно есть пред Богом"[17]. Попытка же "преступить положенные ей Творцом границы" превращает ее в "нравственного урода", в котором

---

[14] Соколов Д. Назначение женщины по учению Слова Божия. СПб, 1862. С. 44.

[15] Сильченко И. Происхождение женщины и проклятие Богом человека. Одесса, 1907. С. 3–4.

[16] Женский вопрос в Государственной Думе. (Из стенографических отчетов о заседаниях Государственной Думы). СПб, 1906. С. 17.

[17] Покровский А. Православно-христианское нравственное богословие. Изд. 6-е. Саратов, 1910. С. 209, 211.

безвозвратно утрачено истинно женское начало и не приобретено мужское. По мнению автора, на пути женщины, желающей посвятить себя общественному делу, стоят две непреодолимые преграды: духовная и телесная. "Женщина живет и руководится более чувством, чем рассудком. А это и указывает на то, что она самой природой предназначена не к общественной деятельности, где требуется здравый, логический ум, но к домашней семейной — быть помощницей и утешением мужа, хозяйкою дома, матерью, сестрою, подругою..."[18]. Другие — "телесные" — факторы (рождение детей, физическая слабость женщины по сравнению с мужчиной) означают, что общественная деятельность для нее не только нежелательна, но и практически трудноосуществима[19].

Для искушенной же публики в качестве подкрепления своих умозаключений противники женской учености использовали фрагменты из трудов И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра и др. В этой группе оказалось и несколько отечественных философов, среди которых наиболее популярными были Л.Н. Толстой и Н.А. Бердяев. Взгляды первого из них, пользовавшегося большим уважением среди русской интеллигенции, с одной стороны, и известного своими антифеминистскими позициями — с другой, являлись для борцов с женским высшим образованием ценным пропагандистским оружием.

Подборка высказываний философа, осуществленная В. Чертковым под названием "О половом вопросе", которая вполне могла иметь подзаголовок "Против равноправия женщин", несомненно, позволяла многим мужчинам утвердиться в правильности своего презрительного отношения к интеллектуальным способностям слабого пола: "Что может быть глупее и вреднее для женщин модных толков о равенстве полов, даже о превосходстве женщин над мужчинами, ... утверждать, что женщина имеет те же духовные силы, как и мужчина, — особенно то, что женщина может быть так же руководима разумом — может так же верить ему, как и мужчина, это значит требовать от женщины того, чего она не может дать ... и вызывать к ней раздражение, основанное на

[18] Там же. С. 219.
[19] Там же. С. 220.

предположении, что она не хочет делать того, чего она не может делать, не имея для этого категорического императива в разуме"[20].

Взгляды же Н. А. Бердяева для подобного использования подходили с трудом. Ведь этот автор неоднократно подчеркивал: "Эмансипационное женское движение, конечно, заключает в себе великую правду, как и всякое движение, освобождающее от рабства"[21]. В то же время его представление о назначении женщины, заключавшееся "в утверждении метафизического начала женственности", в том, чтобы "быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой, вдохновляющей творчество мужское"[22], а главное, его отношение к современной ему "ученой женщине" неминуемо приводили врагов высшего образования женщин к необходимости использовать имя Бердяева в своей аргументации. "Все эти девицы с зубоврачебных курсов, — отмечал философ, — потерявшие облик женщины, с истерической торопливостью бегущие на все сходки и митинги, производят отталкивающее впечатление, это существа, не имеющие своего "Я", обезьяны, мужчины третьего сорта ... слишком быстро становятся подслеповатыми от несоответствующих их назначению занятий, и они надевают очки, превращающиеся в символ обезьянничества, искажающий природу женщины"[23].

Показательно сходство позиций известного философа и памфлетиста-популяризатора Св. Писания И. Сильченко. Оба автора ограничивались лишь формальной, "внешней" характеристикой, не пытаясь достигнуть теоретического уровня осмысления проблемы. Вообще для подобного направления критики было характерно сочетание крайне слабой аргументации, сводившейся, как правило, к перечислению отрицательных личных качеств человека, и откровенной позиции обвинителя, призванной подчеркнуть собственную непогрешимость автора. Вследствие этого и появлялись советы типа: "Склонность к предательству и интригам прису-

---

[20] Толстой Л. Н. О половом вопросе. Мысли, собранные В. Чертковым // Всемирный вестник. 1906. № 2. С. 64.

[21] Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб, 1907. С. 174.

[22] Там же. С. 179.

[23] Там же. С. 176.

ща всем женщинам ... Поэтому каждый труженик без различия профессии должен отстранять от своих дел женщину. Пусть лучше в свободное от материнских обязанностей время женщина займется живописью или писанием романов"[24].

Попытки же представительниц прекрасного пола прорваться к высшему образованию расценивались противниками женской эмансипации как "сознательный обман", к которому прибегают женщины, стремясь "захватить наиболее удобную, наиболее приятную и наилучше оплачиваемую работу", ту, "которую делают ученые"[25].

Помимо чисто экономического расчета критик-обыватель видел в любых выходящих за привычные ему рамки действиях женщин и "клубничный букетец", немедленно начиная рассуждать о "страшном распространении разврата"[26]. Такие изыскания встречались столь часто, что уже современники обнаружили в этом своего рода симптом: "Два свойства поражают беспристрастного человека, когда он читает плоды двадцатипятилетней литературно-государственной войны с женским умом: откровенный ирреализм ее — совершенное отсутствие фактического наблюдения, да и нежелание наблюдать, и головной разврат всех этих отсебятин, преподносивших обществу, под видом семейной сатиры и морали, безудержную и вычурную порнографию. Больше всего претерпели от этих половых извращений общественной мысли женщины-врачи"[27].

Примером такого рода инсинуаций вполне может служить роман А. Ариэль "Долой женщин"[28]. Его герой влюбился в девушку, сдавшую после обучения в Париже экзамен в России и работавшую здесь врачом. Она ходила по ночам на вызовы, а молодого человека тем временем разрывала ревность. Не выдержав, он покончил с собой. Вывод, который складывался в голове читателя этой книги, с точностью Ф.М. Достоевского описывавшей все страдания несчастного мужчины, мог быть выражен, в зависимости от обра-

---

[24] Всемирный вестник. 1903. № 1. С. 190.

[25] Фрапан И. Труд // Мир божий. 1904. № 5. С. 225–226.

[26] Шашков С. С. Исторические судьбы женщин. Собр. соч. Т. 1. СПб, 1898. С. 428–429.

[27] Амфитеатров А. Женщина в общественных движениях России. Женева, 1905. С. 43.

зования любителя подобной литературы, либо своеобразным афоризмом: "Горе миру, если женщина будет знающей"[29], либо обывательским лозунгом: "Господа православные, соединяйтесь, организуйтесь ... кто как может, ибо необходимо вырезать всех студенток, курсисток и жидов. В противном случае они захватят власть и устранят православную веру"[30].

Но не все мужчины винили в растлении общества только противоположный пол: "Ведь матери первых наших «независимо мыслящих женщин», — подчеркивал А. В. Круглов, — были хорошие матери, умевшие все сносить и мало требовать от супругов. Эти матери воспитали своих дочерей в правилах религиозной нравственности, в строгих условиях. Но «развиватели мужчины» постарались смутить ум девушек, низвергнуть их святыни, надругаться над ними и вселить новую мораль в чистые души: женщина равноправна мужчине"[31]. Интересно, что схожей точки зрения придерживалось и правительство, которое в своем обращении к русским студенткам в Цюрихе указало, что на их стремление в университет прежде всего повлияли "легкомысленная пропаганда некоторой части нашей журналистики, ложное понимание назначения женщины в семье и обществе, увлечение модными идеями"[32].

При этом, сколь бы различными ни были взгляды авторов на цель жизни женщины — от попытки уничтожить в ней все характерное для ее пола до превознесения "чистой женственности", — и серьезные исследователи, и обыватели были едины в том, что "созидательный труд, творчество, трезвый и беспристрастный взгляд на вещи — все это присуще мужчине, но никак не средней женщине"[33].

Причины подобных выступлений мужской части аудитории заключались в опасении утратить свою власть над женщиной, пусть даже в пределах семьи, и получить нового конкурента на рынке рабочей силы. Однако эти идеи разделяли не все публицисты-мужчины. Были и такие, кто, осно-

---

[28] Ариэль О. Долой женщин. М., 1905.
[29] Гроддек Г. Проблема женщины. СПб, 1904. С. 8.
[30] Вестник Европы. 1905. № 12. С. 877.
[31] Круглов А. В. Кто виновник убыли женской души? М., 1904. С. 23.
[32] Правительственный вестник. 1873. 21 мая.
[33] Русский вестник. 1903. № 8. С. 667.

вываясь на авторитете Св. Писания или даже теории Ч. Дарвина, приходил к выводу, что несмотря ни на какие знания, женщина все равно не сможет занять лидирующее положение и оставит главенство мужчине. Их доводы нашли своих сторонников, и уже в первые годы XX в. многие представители сильного пола выступали в роли равнодушных наблюдателей, не мешавших женской борьбе за знания, но и не помогавших ей. Манифестом этой группы могли стать слова французского писателя Марселя Прево: "Я все больше прихожу к заключению, что женщины будут делать то же самое, что и мужчины, во всем: в науке, в искусстве, в сфере физических и умственных упражнений. И я думаю, что мир приспособится к этому, как ко всякой необходимой эволюции"[34].

Но общественное мнение об "ученой женщине" формировалось не только усилиями мужчин. Прекрасная половина человечества также не замедлила выразить свое отношение к новому феномену, тем более сложное, что в ней самой встречались различные оценки и тенденции, смешиваясь в поколениях, подвергаясь обоюдному влиянию, приобретая по мере развития движения новые формы. Целый калейдоскоп таких характеристик содержится в работе Т. Спрудиной: "... влияние женщины старого быта, которой не коснулось еще новое веяние; влияние женщины, остающейся в старых условиях, но утратившей уже веру в цельность своей жизни; влияние женщины, отвечающей духу просвещения; влияние женщины, извратившей смысл просвещения и ставшей на ложный жизненный путь, и, наконец, влияние женщины, обманутой во всех своих лучших верованиях"[35].

В хоре голосов преобладали все же суждения недоверчивые, а подчас и враждебные. И это неудивительно. Приученные с раннего возраста к мысли, что единственное призвание женщины — это замужество и материнство, а медицина, юриспруденция и вообще научные занятия — "удел" мужчин, немало дам со страхом смотрело на тех, кто своей деятельностью опровергал подобные утверждения, а значит, отрицал и весь привычный уклад жизни. С приобретением

[34] Мир Божий. 1900. № 8. С. 50.
[35] Спрудина Т. Русские женщины нашего времени. Одесса, 1900. С. 9.

учености, считали они, женщина якобы перестала быть женщиной: "Нарядились они чуть не в мужские костюмы, остригли волосы, закрыли глаза синими очками, усвоили угловатость манер, стали говорить какой-то деланной речью, с напускным цинизмом"[36]. Это было, конечно, справедливо, но лишь в отношении первых ученых представительниц прекрасного пола. Вскоре же любовь к красоте взяла свое, и уже через несколько лет на балах в Медико-хирургической академии трудно было по внешним признакам выделить курсистку из общей массы женщин[37].

Но и это не остановило хранительниц старых устоев, продолжавших рассуждать об "истинном предназначении женщин". Теперь они доказывали правильность своего образа жизни с помощью строгих расчетов: "... женщина сделается рано или поздно женой, матерью и хозяйкой. Что же внесет она в семью? 25-ти рублевый заработок и полное неумение взяться за что бы то ни было в домашнем быту. Матери семьи большую часть времени нет дома, а потому надзор за детьми нужно поручать наемной няньке, хозяйство всецело предоставить кухарке, отказавшись от всякого контроля над нею. Что же, спрашивается, остается от этих лишних 25-ти рублей в семье? Ничего, кроме хаоса и неурядицы"[38].

Однако подобные доводы мало действовали на задыхавшихся в тисках нищеты девушек из обедневших дворянских семей. Кроме того, их поддерживали сторонники предоставления женщине права на получение специального образования, которые акцентировали внимание на экономических, нравственных и иных факторах. Так, например, в нашумевшей статье Н.И. Пирогова "Вопросы жизни"[39] отмечалось, что главная цель общества — это воспитание человека, то есть развитие в нем самостоятельности, ума, воли, всего внутреннего мира. По мнению автора, оно должно начинаться с самых ранних лет ребенка, а так как первой воспита-

---

[36] Сиповский В. Положенне у нас вопроса о высшем женском образовании // Женское образование. 1876. № 6. С. 260.

[37] Шабанова А. Из первых лет женского медицинского образования в России // К свету. С. 295-299.

[38] Женское сельскохозяйственное образование // Русский вестник. 1900. № 2. С. 812.

[39] Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9.

тельницей бывает мать, то вопрос об образовании женщины выдвигается сам собой.

Многочисленные публицисты, включившись в дискуссию, приводили различные обоснования, в основном педагогического характера, доказывавшие необходимость расширения кругозора будущих жен и матерей. "Невежество женщины опаснее невежества мужчины, — подчеркивал один из них, — потому что все наиболее важные стороны нашей внутренней жизни тесно связаны с влиянием женщины в семье"[40].

Постепенно в доводах сторонников допущения слушательниц в высшую школу воспитательные моменты все больше отходили на второй план, уступая место экономическим, причем сначала авторы непременно подчеркивали, что речь идет именно об одиноких дамах, число которых росло. Опасаясь, что образование в этом случае может стать мертвым капиталом для общества и тяжелым грузом для женщины, они предлагали "там, где женщина почему-либо не пристроилась или, пристроившись, случайно выброшена за борт стихийными обстоятельствами"[41], предоставить ей "путь к тому, чтобы зарабатывать себе на хлеб"[42].

Такая аргументация не замедлила сказаться на общественном мнении, которое пришло к выводу, что движение женщин за равные права в образовании (и вообще женское движение) преследует "интересы одних лишь незамужних и старых дев, ищущих лишь заполнить чем-либо свое пустое существование"[43]. Что же касается жен и матерей, то, как отмечалось в другом источнике, "все или почти все находят, что мать должна быть только матерью и ничем больше"[44].

Убедив, таким образом, общество в необходимости предоставления незамужним права иметь высшее образование и применять его по своему усмотрению, прежде всего для обеспечения себя "куском хлеба", противники мужской мо-

---

[40] Зинченко Н. Женское образованне в России. СПб, 1902. С. 1.

[41] Розенбаум А. Б. Мальтузианизм и деторождение (медико-социологические этюды). СПб, 1903. С. 134.

[42] Феминизм в теории и на практике // Русский вестник. 1900. № 4. С. 644.

[43] Лозинский Е. О настоящем и будущем женского движения (в связи с проблемами целомудрия и задачами материнства) // К свету. СПб, 1904. С. 38.

[44] Кожевникова М. Материнство и умственная работа. М., 1902. С. 23.

нополии на знание вынуждены были уделить особое внимание вопросам, связанным с обучением замужних дам. И если раньше ударение делалось, как правило, на факторах нравственных и педагогических, то теперь стала выделяться экономическая значимость такого шага как для отдельной семьи, так и для всего государства: "До настоящего времени главная забота о содержании семьи падает главным и большей частью исключительным образом на одного работника — мужа ... За его болезнью или смертью семья остается без всяких средств к существованию; женщина, не подготовленная к труду, не в состоянии поддержать семью"[45]. Вот государству и приходится брать на себя заботу о ней. Если бы женщина получала достаточную квалификацию, правительственные сферы могли бы устраниться от этого непродуктивного вложения денег или, по крайней мере, уменьшить суммы. Но даже при здоровом кормильце для интеллигентной семьи, находящейся подчас в стесненных обстоятельствах, весьма кстати могла оказаться любая материальная помощь, в том числе и полученная за работу матери семейства вне дома. И если "благодаря неограниченной конкуренции женщин заработок каждого супруга в отдельности даже несколько понизился бы, то в общем все-таки заработок супружеской пары всегда будет выше теперешнего заработка только мужа"[46].

В этих условиях, когда замужество не становится преградой для внесемейной деятельности жены, сам собой отпадал с точки зрения государственных финансов довод против высшего образования женщин, которые-де, "вступая в брак, после 5–10-летней специальной подготовки бросают свои научные или профессиональные занятия"[47]. Добавляли к этому и рассуждения о всевозрастающей потребности страны в кадрах "просвещенных работников", прежде всего учителях средних школ, которых, "конечно, тем легче добыть, чем больше выбор, чем меньше всяких преград, недопущений, ограничений"[48].

---

[45] Виноградова-Лукнрская М. И. О женском медицинском институте в Москве // Русская мысль. 1903. № 3. С. 143.
[46] Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохн. М., 1905. С. 28.
[47] Кей Э. Век ребенка. М., 1905. С. 63.
[48] Женский вопрос в Государственной Думе. С. 38.

На особом месте в группе интеллигентных профессий стояла врачебная деятельность, привлечение к которой женщин — помимо уже указанной необходимости расширения штата работников этой отрасли — имело и важные психологические обоснования. Нередко "природное чувство стыдливости" мешало представительницам слабого пола обращаться к врачу-мужчине. Поэтому-то столь активно многие авторы ратовали за создание "института женщин-врачей, у которых со временем и будет лечиться основная масса женщин[49], не сомневаясь в поддержке мужчин в этом вопросе: "Всякий муж, любящий жену, в душе чувствует отвращение при мысли, что его жену станут осматривать как вещь, не имеющую чувства стыдливости"[50]. Сторонники широкого распространения высшего образования среди женщин считали, что в результате этого большие положительные изменения претерпит не только семья, но и общество, в котором наконец обе половины человечества приобретут равные права.

Показательно, что с развитием женского движения стали появляться рассуждения, отличавшиеся от других самой постановкой вопроса. Так, в рецензии на книгу Ф. Мейлана о совместном обучении Л. Седов писал: "Можно привести тысячи доводов в пользу того, что высшее образование необходимо женщине, уже как жене и матери, если она входит в интеллигентную семью. Но нужно ли, достойно ли это? Ведь мы не доказываем необходимости высшего образования для мужчины на основании того, что он будет отцом и мужем ... Он требует высшего образования и получает его просто потому, что он человек"[51]. Речь, как видим, шла о признании самоценности такого шага, как допущение женщин к высшему образованию, не преследовавшего сугубо практических целей, а исходившего из неотъемлемого права каждой личности на реализацию своих способностей.

Таким образом, в России в конце XIX — начале XX вв. проявлялся серьезный интерес к проблеме предоставления женщине высшего образования. И хотя к этому времени ученая женщина уже стала обыденным явлением общест-

---

[49] Жданов Д. О врачах // Мир Божий. 1902. № 8. С. 148.
[50] Риттер. Женщины и врачи. М., 1899. С. 39.
[51] Вестник воспитания. 1904. № 9. С. 24.

венной жизни, споры тем не менее продолжались. Рассуждая о целесообразности допущения "девиц" в высшие учебные заведения, оппоненты выдвигали огромное количество аргументов и контраргументов, причем исходили они прежде всего из нравственных и педагогических посылок и лишь затем — из экономических.

Сторона, отрицавшая саму идею приобщения прекрасной половины человечества к серьезным знаниям, выступала чаще всего с позиции обвинителя, уверенного в правильности и непререкаемости собственных доводов. Весьма отдаленные от реальной действительности, они не могли оказать решающего воздействия на настроения стремившихся к образованию женщин и представителей общественности, проявлявших интерес к этому вопросу. Наоборот, силу и весомость словам, исходившим из другого лагеря, защищавшего интересы и права представительниц слабого пола, придавали, во-первых, более глубокая характеристика спорных вопросов (они, например, не считали возможным наделять "женственность" лишь внешними признаками, отказались от упрощенного объяснения многовековой зависимости женщин некими "заданными природою" причинами и проч.), во-вторых, стремление учесть все многообразие факторов, побуждавших женщин к получению высшего образования и обусловливавших необходимость его предоставления.

Характеризуя особенности восприятия обществом "ученой женщины" невозможно оставить без внимания вопрос о связи тех или иных подходов к женской "учености" с политическими взглядами и партийной принадлежностью людей, высказывавшихся на эту тему. На первый взгляд бесспорным кажется мнение, высказанное еще в 1900 г. С. М. Цыпкиным, о прямой зависимости общеполитических воззрений и отношения к различным сторонам женского равноправия (в частности, к высшему образованию): "Консерваторы, следуя хорошо усвоенному ими охранительному шаблону, ратуют против расширения женских прав ... Либералы, в противоположность охранителям, стоят за эмансипацию женщин. Эта идея близка их сердцу прежде всего постольку, поскольку в ней выражен принцип равноправности. Полной эмансипации добиваются также социалисты, так как она вполне гармони-

рует с теорией социалистического государства ..."[52] Изложенная С. М. Цыпкиным идея находит отражение и в работах некоторых современных исследователей[53].

Насколько же строго в действительности представители каждой из указанных групп придерживались позиций, традиционно им приписываемых? Рупор консервативной мысли "Гражданин" целиком оправдывает утверждение С. М. Цыпкина, полностью отрицая необходимость высшего женского образования. В то же время далеко не либеральный "Наблюдатель" не только занимал в этом вопросе противоположную позицию, но даже ратовал за совместное обучение полов в высшей школе[54]. У редакции же "Русского вестника" на этот счет вообще отсутствовало единое мнение. В 1901 г. на его страницах была помещена статья Н. Емельянова, в которой говорилось: "Польза высшего медицинского образования женщин, несмотря на довольно продолжительный опыт, остается более чем гадательною", поэтому лучший выход — это закрытие существующих учебных заведений и замена их "школами, где обучение шло бы рука об руку с воспитанием"[55]. Прошло полтора года, и "Русский вестник" выступает уже в противоположном лагере: "7-го февраля женщины-врачи праздновали четверть века своей деятельности, — делится радостью корреспондент журнала. — Независимо от каких бы то ни было оттенков и направлений, представители русского образованного общества и печати должны с глубоким сочувствием отнестись к этим итогам самоотверженной работы женщин-врачей". Далее шел пересказ "прекрасной" речи А.К. Шабановой, в котором особенно интересно одно место, где говорилось, что "еще пятнадцать лет тому назад вопрос о целесообразности женского высшего медицинского образования находился под сомнением. Теперь же можно светло и радостно глядеть в будущее..."[56]

---

[52] Цыпкин С. М. Женский вопрос. М., 1900. С. 5.

[53] См., например: Женщина в российском обществе. XX век: история и современность. Отв. редактор М. П. Аракелова. М., 1996.

[54] См. напр.: Наблюдатель (отдел "Наши внутренние дела"). 1900. № 10. С. 46; Там же. 1901. № 12. С. 40.

[55] Емельянов Н. Женскос профессиональное образование // Русский вестник. 1901. № 7. С. 301–302.

[56] Двадцатипятилетие женщин-врачей // Русский вестник. 1903. № 3. С. 434.

В такой позиции "охранителей" современные им оппоненты видели "лицемерный, иезуитский оттенок: желание воспользоваться пробуждающейся к идейной жизни женщиной для своих темных изуверских целей"[57]. Но либералы и социалисты, так легко объяснявшие лицедейством неоднозначное отношение своих политических противников к женскому вопросу в целом и к предоставлению равного для обоих полов образования в частности, с явным смущением писали о том, почему и в их среде встречались взгляды, обычно считавшиеся консервативными. В такой ситуации и тем, и другим казалось, говоря словами Н. Е. Кудрина, что это "какое-то заколдованное место, в котором бессильно кружатся мысли, по-видимому, самых смелых критиков современного общества и возвращаются все к старым и старым воззрениям на женщину"[58].

Насколько естественными были для либералов именно такие взгляды, о которых писал Н. Е. Кудрин, обнаруживается при рассмотрении истории создания Союза Союзов. Оформление этого центра либеральной интеллигенции проходило одновременно с состоявшимся в мае 1905 г. учреждением Всероссийского союза равноправия женщин, члены которого поспешили войти в общую политическую организацию. Прием их ждал там совершенно неожиданный: "Первое появление женщин в бюро общесоюзного съезда вызвало откровенное удивление: Зачем сюда попали женщины? Тут какое-нибудь недоразумение". И это понятно, ведь среди "14-ти объединившихся союзов едва четыре ввели в свою платформу семичленную формулу, уравнивающую права обоих полов"[59], остальные ограничились обычными фразами об уничтожении привилегий, обусловленных сословной, национальной и религиозной принадлежностью.

Несколько месяцев понадобилось Союзу женщин, чтобы доказать либералам несправедливость подобного ущемления прав. Как выяснилось, об этом вопросе в Союзе Союзов

---

[57] Кудрин Н. Е. Феминизм и современные политические партии // Первый женский календарь на 1914 год. СПб, 1914. С. 306.

[58] Кудрин Н. Е. Новаторы и женщина // Первый женский календарь на 1911 год. СПб, 1911. С. 78.

[59] Е. Щ. Женское движение 1905 года в отзывах современных деятелей. СПб, 1906. С. 2.

"имели ... самые сбивчивые понятия"[60]. В конце концов делегаты вынуждены были признать, что "ничего не имеют против равноправия женщин, а просто не подумали о новом принципе, принимая обычную четырехчленную формулу"[61], и согласились на внесение в общесоюзную платформу слов "без различия пола".

Итак, вслед за современниками описанных событий приходится признать, что "нет другого вопроса в сложном клубке человеческих задач, подлежащих разрешению, который бы возбуждал такие сомнения среди самых, казалось бы, бесстрашных преобразователей общества"[62]. Эти слова справедливы как по отношению к либералам, так и по отношению к социалистам. И если уж "Прудон горячо восставал против равенства полов, находя, что между мужчиной и женщиной, различаемых им как самостоятельные зоологические особи, не может быть полной общности"[63], то что говорить о рядовых приверженцах социалистического учения. Поэтому не кажется художественным преувеличением рассказ одного из героев романа А. Гальдебаева "Подлое состояние" о своем друге-революционере, умном, развитом, сердечном человеке, поделившимся как-то с ним своей идеей: "Женщина до тех лишь пор мало-мальски идейна, пока не нашла для себя ... — Упомянув непечатное слово в родительном падеже, Гавриил закончил: — ... а раз нашла, — прости, все идеалы, кроме галочьих"[64].

Существование подобных мыслей о женщине, а следовательно, и крайне негативного отношения к ликвидации угнетения по половому признаку вынуждена была признать и А.М. Коллонтай. В своей автобиографии она писала о том, как трудно было убедить мужское большинство РСДРП в необходимости специальной работы среди женщин, "как мало заботилась наша партия о судьбе русских работниц, как незначителен был ее интерес к женскому освободительному движе-

---

[60] Мирович Н. Всероссийский союз равноправия женщин // Вестник воспитания. 1906. № 9. С. 145.

[61] Е. Щ. Указ. соч. С. 3.

[62] Кудрин Н. Е. Новаторы и женщина. С. 78.

[63] Фирин М. Тоже о женском равноправии // Вестник знания. 1908. № 12. С. 466.

[64] Гальдебаев А. Подлое состояние // Образование. 1906. № 11. С. 101.

нию"[65]. Таким образом, внутри каждого из указанных выше политических направлений существовали и сторонники, и противники идеи уравнения мужчин и женщин в их правах.

Такую же разноголосицу мнений мы встречаем и при рассмотрении позиций студентов, наиболее тесно соприкасавшихся с феноменом "ученой женщины". Так, в результате проведенного в 1909 г. опроса в Петербургском политехническом институте, где, кстати, в это время обучалось 28 слушательниц, выяснилось, что среди эсеров активных противников женского равноправия оказалось 8,9%. Такую же позицию имел и почти каждый четвертый кадет (23,1%). Из октябристов же в эту группу попало более половины опрошенных (51%). В то же время 26,3% правых высказались в пользу женского равноправия[66]. В еще меньшей степени политические симпатии воздействовали в этом вопросе на провинциальных студентов: "В Киевском университете против равноправия женщин высказалось ... 10% с.-д. и 36% к.-д."[67].

Эти цифры служат яркой иллюстрацией слов А.В. Тырковой: "Я знаю, что во всех партиях у нас есть друзья и враги, но самые опасные враги, это тайные, которые не имеют мужества открыто сказать свое мнение, которые скрывают его под шуткой ..."[68] Действительно, едва ли подлежит сомнению, что категория лиц, решавших эту проблему "политически" в одном ключе, а в быту действовавших противоположным образом, была довольно велика. Не выступая открыто против программных установок партии, такие господа способствовали отвлечению внимания членов своей политической группы от столь малозначимой, на их взгляд, проблемы, как "женский вопрос". Да и вообще интерес к этой теме в партийных кругах носил, как правило, тактический характер, вызывая заинтересованность ровно настолько, насколько, пользуясь словами Э. Бернштейна, он мог быть принесен "в жертву другим более важным вопросам"[69].

---

[65] Женщина в русском обществе. XX век: история и современность. С. 11.
[66] К характеристике современного студенчества. СПб., 1911. С. 26.
[67] Клейборт Л. Современная молодежь // Современный мир. 1914. № 9. С. 126.
[68] Труды I Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в С.-Петербурге. С. 767.
[69] Цит. по: Кальманович А. А. Женское движение и отношение партий к нему // Труды I Всероссийского женского съезда... С. 788.

Характеризуя внутриполитическое положение в стране, "Русская мысль" в середине 1905 г. указывала на "практические неудобства" для всякой партии, вводящей "в свою программу принцип политической равноправности женщин" — она-де тем самым "оттолкнет о себя многих своих сторонников"[70]. В полной мере эти слова могут быть отнесены к возникшему несколько месяцев спустя "Союзу 17-го октября", в программе которого, как писала та же "Русская мысль", вопрос о женском равноправии не только не разрешался, но даже не был поставлен[71]. Вместе с тем лидер "Союза" А.И. Гучков допускал, "что в целом ряде отраслей общественной жизни ... созрел вопрос о предоставлении женщинам права участия рядом с нами. И в целом ряде экономических отраслей женщина вполне завоевала такое же право"[72].

Судя по шуму, поднятому октябристами в 1908 г. вокруг циркуляра А.Н.Шварца, изгонявшего вольнослушательниц из университетов, последние относились к тем учреждениям, право на обучение в которых женщины уже "завоевали". Но всколыхнувший общественное мнение инцидент прошел, и вместе с ним "Союз 17 октября", "объявивший весной спешным и насущным делом выработку правил о допущении женщин в высшие учебные заведения, совсем отбросил в сторону свои благие намерения"[73].

Такое быстрое охлаждение интересов октябристов к перспективам совместного образования становится понятным, если обратить внимание на то, что же в действительности побудило Гучкова к серьезной критике циркуляра: "Я вижу, какая радость на левых скамьях. Великолепный случай правительство дискредитировать, я вижу там злорадство, запрос готовится. Я сам чувствую, что правительство совершенно не право..."[74]. Как видим, политическая конъюнктура прак-

---

[70] Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1905. № 7. С. 207.

[71] Мирович Н. Женский вопрос в Союзе 17 октября // Там же. 1906. № 4. С. 206.

[72] Лучинская А. Новые законы о "расширении" прав женщин и об "уравнении" их с правами мужчин // Первый женский календарь на 1913 год. СПб, 1913. С. 5.

[73] Союз женщин. 1908. № 12. С. 19.

[74] Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 118.

тически затмевала интересы выдворенных из "храма науки" девушек.

Но те же самые октябристы, которые считали для себя вполне приемлемым занятие женскими проблемами, пока это приносило им тактическую выгоду, были куда более строги по отношению к другим (особенно кадетам), доказывая, что последние "являются прямыми последователями иезуитов, которые всегда пользовались женщинами как одним из самых сильных и лучших орудий для достижения честолюбивых замыслов"[75]. Такой характеристикой, пожалуй, могло быть "награждено" и любое другое политическое направление. Что же касается кадетов, то и в их партии сосуществовали разные подходы к вопросу о равноправии мужчин и женщин. Это наглядно проявилось в ходе дебатов на ее I съезде, когда часть делегатов "во главе с П. Н. Милюковым заявила, что выйдет из состава партии, если в ее программу будет включено положение об избирательном праве для женщин". Участниками съезда был принят компромиссный вариант "о возможности участия женщин в выборах народных представителей с оговоркой, что меньшинство съезда по практическим соображениям осталось при особом мнении, в силу чего решение партии по данному вопросу не является обязательным для всех"[76]. С практическим осуществлением лозунга женского равноправия дело обстояло далеко не просто по той причине, что он слишком часто вступал в противоречие с "соображениями современности и политических потребностей момента"[77].

С таким суждением некоторые представители кадетской партии соглашаться никак не хотели. "Конституционные-демократы, поставив равноправие женщин основным пунктом своей программы, развили это положение во всех без исключения законодательных областях, где оно только могло иметь применение. Всюду принцип равноправия был проведен без малейших ограничений ... Споров принципиальных или даже споров о своевременности постановки того,

---

[75] Неверный Ф. Партия конституционно-демократическая, она же народной свободы. М., 1906. С. 14.

[76] Женщина в русском обществе. XX век: история и современность. С. 28.

[77] Кудрин Н. Е. О равноправности женщин. СПб, 1905. С. 36.

что называется женским вопросом во всей его широте, в партийных организациях не возникает", — уверяла делегатов Первого всероссийского женского съезда А. Н. фон-Рутцен[78].

Другие, пытаясь совместить теорию и жизнь, рекомендовали женщинам подождать, пока само общество поднимется до понимания их нужд. Выступая на одном из заседаний I Государственной думы, В. Д. Набоков подчеркнул: "Мы, ... принадлежащие к партии народной свободы, не поступаясь нашими убеждениями ... не берем на себя смелость утверждать, что единодушная воля народа требует политического равноправия для женщин"[79]. Таким образом, создавая иллюзию заботы о женщинах, кадеты обращались к их интересам по мере собственной необходимости, активно стараясь использовать каждое мероприятие, устраиваемое Союзом женского равноправия для агитации в пользу своих взглядов. И это прекрасно чувствовали сами женщины: "Кадетам кажется, — говорила А.А. Кальманович, — что можно наш съезд использовать в интересах партии, и вот мы их видим на съезде, — мы имели целый кадетский день. Это их дипломатия, и чуть что — они и ваш пролетарский, и наш женский вопрос выбросят за борт, как ненужный балласт"[80].

Женщины как возможные союзники интересовали и социалистов, которые, правда, считали для себя удобным использовать не все женское движение целиком, а иметь дело с его отдельными представительницами. По их мнению, для каждого желающего добиться "настоящего женского равноправия самый целесообразный путь борьбы один: вступить в наиболее демократические, наиболее проникнутые трудовым принципом "мужские" партии, партии социалистические, и стараться пропитать их своими требованиями, сознанием великой социальной неправды, вдвойне ложащейся на женщину, стараться изгонять из ума и сердца мужских това-

---

[78] Фон-Рутцен А. Н. Законодательные предположения партии народной свободы в области равноправия // Труды I Всероссийского женского съезда... С. 764.

[79] Женский вопрос в Государственной Думе. С. 11–12.

[80] Труды I Всероссийского женского съезда... С. 328.

рищей по партии все банальные, несправедливые, отжившие взгляды на женщину и ее роль"[81].

В самом же женском движении ими выделялось два течения — пролетарское и буржуазное. Активно пропагандируя цели первого, которые, по их мнению, заключались: "1) в очень значительном увеличении заработной платы не только для женщин, но и для мужчин ... 2) в возможном сокращении рабочего дня для себя и мужчин одинаково"[82], они не считали необходимым обращать особое внимание на второе, пытавшееся, с их точки зрения, "затушевать основной вопрос о человеческом бесправии и задачи борьбы за полноправие мишурным половым равноправием, о котором имеют и время, и возможность вести изысканные разговоры салонные дамы"[83]. Женщину, с точки зрения социал-демократов, должны прежде всего интересовать не собственные нужды, к которым, бесспорно, относится право на высшее образование, а "борьба, ... рука об руку с мужчиной за экономическое и общественное полноправие обоих, за те права, которых оба они совсем не имеют"[84].

Рассмотрев, таким образом, взгляды представителей различных политических объединений, касающиеся женского равноправия в разных его аспектах, можно с определенностью утверждать, что, хотя общие идейные установки той или иной партии, безусловно, оказывали влияние на ее членов, позиция последних в вопросе о предоставлении женщине равных прав с мужчиной далеко не всегда совпадала с "общеполитической линией" данного направления. В этой области ярче, чем где бы то ни было, влияли на характер решения интересы и стереотипы каждого человека. Да и сами партии отражали в своей деятельности проблемы женского равноправия главным образом тогда, когда это диктовалось либо потребностью выдвигать более "крупные" общественно-политические задачи, либо когда это было связано с сиюминутной политической выгодой.

---

[81] Кудрин Н. Е. Феминизм и современные политические партии// Первый женский календарь на 1914 год. СПб, 1914. С. 306.
[82] Труды I Всероссийского женского съезда... С. 328.
[83] Фирин М. Указ. соч. С. 469.
[84] Труды I Всероссийского женского съезда... С. 328.

Подводя итоги сказанному выше, следует указать на имевшиеся в российском обществе второй половины XIX — начала XX вв. различия в оценке допустимости предоставления женщине высшего образования. Разброс мнений был необычайно широк: от поддержки самого радикального варианта — совместного обучения полов — до полного отрицания необходимости высшего образования для женщин. В спорах о женской учености звучали самые разнообразные (нравственные, педагогические, экономические и пр.) аргументы, с помощью которых и формировался в общественном мнении тот или иной (чаще отрицательный) образ "ученой женщины". Насколько создаваемые современниками женские "портреты" соответствовали действительности — тема для отдельного изучения. Здесь же уместно подчеркнуть, что произошедшие на рубеже XIX — начала XX столетий серьезные социально-политические и социально-экономические изменения и даже введение новой — совместной — формы обучения не смогли кардинальным образом изменить существовавшие в российской обществе гендерные стереотипы, продолжавшие отрицать за женщиной возможность пользоваться личной свободой. Именно эти ментальные установки были (и по сей день остаются) прочной базой формирования общественного мнения вокруг феномена "ученой женщины".

МОБИЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО[1]

А. А. Дмитриев

Развитие научного знания зачастую принято представлять как процесс по ту сторону государственных, конфессиональных и даже социокультурных границ и разделений. Между тем вся история науки обнаруживает неразрывную связь с историей общества. Система академий и научных обществ, университетов и высших школ со своей спецификой в каждой стране является основой существования и воспроизводства самого института науки. Только в рамках этих институтов и могла выстраиваться, особенно после исчезновения наднационального феномена "республики ученых", совокупность международных научных связей XVIII–XX вв. Контакты ученых разных наций осуществлялись уже с середины XIX в. во взаимодействии национальных научных сообществ, в формах совместных исследований, научных съездов, конференций.

"Интернационализм патриотов"

В 1899 г. была создана Международная ассоциация академий, куда изначально помимо Российской и Французской вошел картель четырех немецких академий и Лондонское королевское общество. Ассоциация взяла на себя подготовку международных конгрессов по различным областям знания (в частности, по истории), а также осуществление целого

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ; проект 01-03-00354а. Автор выражает искреннюю признательность А.В. Бекасовой, К.Г. Большаковой, И.Ф. Цветкову, Т.И. Юсуповой и другим коллегам по Санкт-Петербургскому филиалу ИИЕТ РАН за ценные советы и консультации в период подготовки данной работы.

рода долгосрочных исследовательских и издательских проектов[2]. Если между 1870 и 1880 гг. работало 25 международных форумов, то за первое десятилетие XX уже около 300[3]. Однако это сотрудничество воспринималось тогдашними учеными как продолжение и восполнение основной деятельности, протекавшей уже главным образом в рамках национальных академических сообществ, и оставалось "интернационализмом патриотов"[4].

Развитие международной науки осуществляется в этот период, таким образом, не само по себе, но предстает как результирующая связей различных национальных академических сообществ, неравномерно распределявших влияние и производительную деятельность в сфере науки. Уже к концу XIX в. Германия занимает ведущее место в научном мире как по целому ряду достижений в ключевых областях знания, так и в особенности по размаху и уровню организации научных исследований[5]. Гумбольдтовская идея соединения преподавания и исследования, идеал "свободной учебной деятельности", традиционно привилегированное положение немецкого университета и университетского профессора[6] —

---

[2] См.: Басаргина Е.Ю. Петербургская Академия наук и Международная ассоциация академий // Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. II. С. 176–179.

[3] Alter P. The Royal Society and the International Association of Academies, 1897–1919 // Notes and Records of Royal Society, London. 1979. № 3–4. P. 334.

[4] Schroeder-Gudehus B. Division of Labor and the Common Good: The International Association of Academies, 1899–1914 // Science, Technology and Society in the Time of Alfred Nobel. Ed. C.G.Bernhard, E.Crawford, P.Sörbom. Oxford, 1982. P. 14–16.

[5] Gizycky R. Centre and Periphery in the International Scientific Community: Germany, France and Great Britain in the 19th Century // Minerva. Vol. XI. № 4. October 1973. P. 479–480.

[6] Исторически сложившаяся на рубеже веков в Германии система взаимодействия власти, университетской верхушки и социально-политической элиты получила название системы Альтхоффа, по имени прусского министра просвещения в 1882–1907 г. На ее недостатки (закрытость, избирательный характер поддержки ряда областей и направлений в науке, личный характер политики) указывал ряд авторитетных критиков, к числу которых принадлежал, например, Макс Вебер (Brocke B. vom. Hochschul- und Wissenschaftspolitik in Preussen und im Deutschen Kaiserreich 1882–1907: das "System Althoff" // P. Baumgart (Hrsg.) Bildungspolitik in Preussen zur Zeit des Kaiserreichs. Stuttgart, 1980. S. 9–118.

все это было предметом заинтересованного внимания и своего рода ориентиром для коллег германских ученых в их поисках места науки в обществе, не только для России и стран Восточной Европы, но даже для Франции[7]. Создание в 1911 г. Общества Кайзера Вильгельма — системы специализированных научно-исследовательских учреждений, с решающей ролью государства при участии крупных промышленников, воспринималось многими современниками, в т.ч. В.И. Вернадским и К.А. Тимирязевым, как прообраз оптимальной модели организации науки (с разделением и кооперацией труда по образцу фабрики) в наступившем XX веке. С другой стороны, социальная модернизация, растущие конфликты экономических и политических интересов представлялись немецкой профессуре угрозой утраты идеалов классического гуманитарного образования, потери прежнего безоговорочного превосходства в интеллектуальной жизни страны. Государство рассматривалось как единственный гарант поддержания и сохранения этих духовных ценностей (что американский историк Ф.Рингер назвал, опираясь на историческую типологию интеллектуальной деятельности, предложенную М.Вебером, "мандаринской идеологией")[8]. Определенную близость к подобного рода консервативному мировоззрению (но скорее с либерально-индивидуалистской, чем с национал-этатистской окраской) проявляли представители английской интеллектуальной элиты, поскольку речь шла о воспроизводстве и сохранении преподавательской корпорации как круга лиц интеллектуальных профессий, определенной прослойки в пределах имущего класса[9].

Совсем отличной была республиканско-демократическая идеология французских профессоров, т.н. дух "новой Сорбонны", воплощенный Э.Дюркгеймом и Г.Лансоном, где образованию отводилась важная роль в процессах вертикальной мобильности и укрепления сознательных солидаристских начал в обществе. Во Франции университеты, и особенно "grandes écoles", рассматривались самими профессо-

---

[7] См.: Charle Ch. La République des Universitaires. 1870–1940. P., Seuil, 1994.

[8] Ringer F. The Decline of German Mandarines. The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge, Mass., 1969.

[9] Фадеева Л. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь, 1995. С. 119–121.

рами не самодостаточно, а как подразделения централизованной системы государства, административного корпуса[10]. Определенно близки этому типу были умонастроения американских ученых, обусловленные большим прагматизмом, наличием развитой сети негосударственных университетов и преимущественно "техническим" характером системы образования в США, так поражавшим немецких визитеров от М.Вебера до К.Лампрехта и В.Зомбарта в начале XX века.[11] В целом схожей с французской, а не немецкой, была в описываемый период просветительская идеология российской академической интеллигенции, рассматривавшей свою ученую деятельность как служение народу и содействие прогрессу развивающегося общества[12]. Эти различия в системах организации и идеологии образования и исследовательской деятельности самым непосредственным образом сказались на отношениях внутри международного научного сообщества с началом военных действий летом 1914 г.

---

[10] Weisz G. The Emergence of Modern Universities in France, 1863–1914. Princeton, 1983. P. 273–302, 341–356. Сторонники идеалов традиционного гуманистического образования, близкие к "мандаринским" идям, оказались вне стен университета, самоопределяясь как "литераторы" против "ученых" начиная с дрейфусарской кампании рубежа веков вплоть до спора вокруг "новой Сорбонны" 1910–1912 гг. , см.: Ringer F. The Fields of Knowledge. The French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890–1920. Cambridge, 1992. P. 124–146. Далеко не последнюю роль в этих обвинениях играло представление о насаждаемом реформаторами немецком "сциентизме" взамен традиционной французской риторической культуры, см.: Lepenies W. Between Literature and Science: The Rise of Sociology. Cambridge–P., 1990. P. 72–80.

[11] См.: Trommler F. Inventing the Enemy: German-American Cultural Relation, 1900–1917 // Confrontation and cooperation. Germany and the United States in the Era of World War I, 1900–1924. Ed. by H.-J. Schroeder. Oxford, 1993. P. 113. На организацию американских высших школ как своего рода "фабрик" по передаче знания, в частности, обращал внимание и Макс Вебер в лекции "Наука как призвание и профессия" уже после Первой мировой войны. См. также Schmidt A. Reisen in die Moderne: Die Amerika-Diskurs des deutschen Bürgertums vor dem I. Weltkrieg im europäischen Vergleich. B., 1997. S. 217-241.

[12] См.: Колчинский Э.И., Кольцов А.В. Российская наука и кризисы в начале XX в. // На переломе. Отечественная наука в первой половине XX в. Вып. 2. СПб., 1999. С. 55–76; McClelland J. Autocrats and Academics. Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago–L., 1979. P. 65, 68–74.

На общую ситуацию развития интернациональной науки второй половины XIX в. самое существенное влияние оказала франко-прусская война 1870 г. Ознаменовавшая "победу прусского школьного учителя", она способствовала и сосредоточению усилий французского государства на организации научных исследований, особенно в военно-прикладном аспекте[13]. Но помимо этого немаловажным в идеологической сфере в последующие десятилетия было радикальное неприятие французскими учеными всего, связанного с Германией и прусским духом (в частности, в знак протеста против немецкой агрессии Луи Пастер сложил с себя звание почетного доктора Боннского университета). В то же время для французов Германия по-прежнему оставалась местом передовых научных методов и форм организации исследований и образования (немаловажным фактором значительного немецкого влияния на французскую мысль преимущественно у сторонников леволиберальных взглядов были стажировки в Германии в течение 1880-х гг. таких будущих крупных ученых и университетских деятелей, как Шарль Сеньобос, Эмиль Дюркгейм, Люсьен Эрр и др.)[14].

В XX веке область научных и культурных контактов становится сферой направленной деятельности государства (меморандум о необходимости проведения Германией активной внешней культурной политики, в том числе с опорой и на пацифистские круги, направил в 1912 г. канцлеру Т. Бетман-Гольвегу талантливый и неортодоксальный историк К.Лампрехт)[15]. С 1905 г. под патронажем Вильгельма II и Т.Рузвельта начинает действовать система профессорских обменов между университетами Германии и США. Еще на рубеже веков одновременно с политическим сближением

---

[13] Crosland M. Science and Franco-Prussian War // Social Studies Science. Vol. 6. N. 2. May 1976. P. 206–209.

[14] Digeon C. La crise allemande de la pensée française. (1870–1914). P., PUF, 1959. P. 369–383. Так, для Э. Дюркгейма весьма плодовторной для понимания автономии социальных фактов оказалась командировка в 1885–1886 гг. в Германию и знакомство с тамошней психологической наукой Lukes St. Émile Durkheim. His life and Work. L., 1992. P. 86–95.

[15] Сдвижков Д.А. Против "железа и крови": пацифизм в Германской империи. М., 1999. С. 263-264; Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik 1918–1932. Köln -Wien., 1976. S. 14–15.

России и Франции в Париже начинает действовать Общество изучения России; с 1907 г. активно работает в области межгосударственных культурных и научных отношений общество англо-немецкого сближения, а также комитет франко-немецкого сближения[16]. В немецких университетах с начала века постоянно увеличивалась российская студенческая диаспора; ее наплыв вызывал недовольство немецких студентов, не желавших конкуренции и руководства, что привело к введению начиная с 1912 г. в большинстве высших учебных заведений Германии мер против имматрикуляции выходцев из Восточной Европы. Кроме того, именно в Германию устремлялось большинство подготавливавшихся к профессорскому званию выпускников университетов (всего до 1914 г. в заграничные командировки отправлялось около 10–15% от всех, оставляемых при кафедре). С целью изоляции от радикального отечественного студенчества по проекту министра просвещения Л.А. Кассо именно в Германии создавались с 1911 г. специальные институты для подготовки таких кандидатов в профессора по римскому праву, латыни и естественным наукам[17].

Идея связи дела ученого с судьбами его родины (в элитарно-консервативном немецком или гражданском французском смысловом употреблении) дало почву представлениям о привлечении знаний и общественного веса ученых в случае начала серьезных событий, о своеобразной мобилизации

---

[16] Brocke B. vom. Der deutsch-amerikanische Professorenaustausch. Preussische Wissenschaftspolitik, internationale Wissenschaftbeziehungen und die Anfaenge der deutschen auswaertigen Kulturpolitik vor dem Ersten Weltkrieg // Zeitschrift fuer Kulturaustausch 31 (1981) S. 128–182; Заборов П.Р. Русская литература в журнале "Revue des etudes franco-russes" // Восприятие русской литературы за рубежом: XX век. Л., 1990. С. 185–187; Wallace St. War and the Image of Germany. British Academics 1914–1918. Edinburgh, 1988. P. 14–16.

[17] Иванов А.Е. Российское студенческое зарубежье. Конец XIX — нач. XX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 1; Он же. Высшая школа в России в начале XX в. М., 1991 С. 214–217; Щапов Н.Я. Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX в. // Исторические записки. Т.115. 1987; Wertheimer J. The "Auslaendersfrage" at Institution of Higher Learning: A Controversy Over Russian-Jewish Students in Imperial Germany// Leo Baeck Institute Yearbook XXVII. 1982.

интеллекта. Личные связи ученых в результате командировок, обучения за границей, участия в конференциях или совместных проектах; относительно единый европейский университетский рынок с центром в Германии[18]; система межакадемических связей в рамках Международной ассоциации академий — все эти факторы сотрудничества были недостаточны, чтобы выстроить автономную от общества и государства наднациональную сферу развития науки, способную выдержать испытания в условиях крупных международных конфликтов[19]. Уже опыт франко-прусской войны и последующего скрытого противостояния французской и немецкой науки потенциально представлял собой прообраз развития будущих возможных конфликтов, крупнейший из которых перерос летом 1914 г. в Первую мировую войну.

"Война манифестов" осени 1914 г.

Коллективные воззвания ученых как средство ведения или изменения научной политики использовались еще до начала мировой войны, но скорее внутри отдельных государств (например, меморандумы "флотских профессоров" — сторонников территориальной экспансии и роста военной мощи Германии в начале века, известная "Записка 342 ученых" о необходимости автономии высшей школы в России, подготовленная в начале 1905 г.). Но именно летом и осенью 1914 г. этот жанр не только получил распространение в области внешнеполитической, но и обозначил наиболее ярко крушение прежних форм и идеалов международного научного сотрудничества. Хотя самое активное участие в этих публичных дебатах приняли немецкие ученые, начало им

---

[18] Karady V. La république des lettres des temps modernes. L'internationalisation des marchés universitaires occidentaux avant la Grande Guerre// Actes de la recherche en sciences sociales. N 121–122. Mars 1998.

[19] Так, еще до начала войны, в марте 1912 г. Совет Русского географического общества признал "в высокой степени неблаговидными" публикацию членом Общества шведским путешественником в Центральной Азии Свеном Гедином брошюры "Слово предостережения", где он писал о захватнических интересах и устремлениях Российской империи в т.ч. относительно Скандинавии (к этому инциденту также было причастно Министерство иностранных дел России): Известия Императорского Русского географического общества. 1912. Т. 48. (Приложение: Действия Общества) С. 19–20.

было положено в Англии. 1 августа 1914 г. на страницах "Таймс" появилось подписанное шестью профессорами (среди них известным английским физиком Дж.Дж. Томсоном) воззвание, предупреждающее относительно возможности участия Англии в войне на стороне самодержавной России против Германии, которой Европа и Англия обязаны столь многими научными и культурными достижения, что война против нее, по мнению авторов, стала бы "грехом против цивилизации". Но после объявления Англией войны Германии 5 августа 1914 г. настроения английского общества претерпели существенные изменения и уже 18 сентября появилось обращение противоположного рода — "Судьба и долг Британии", подписанное Г.Уэллсом, А. Конан Дойлем, Р.Киплингом и рядом ученых. Наряду с выражением высочайшего уважения и благодарности к Германии и ее культуре, его авторы отказывались признавать, что "какая-либо нация обладает правом навязывать грубой силой свою культуру другим нациям, и что железная военная бюрократия Пруссии представляет собой более высокую форму человеческого общежития, чем свободные конституционные державы Западной Европы"[20].

Поворотным пунктом в отношениях ученых стран Антанты к Германии стала бомбардировка Реймсского собора и разрушение ряда других памятников европейского искусства, оказавшихся в зоне боевых действий на Западном фронте, но более всего — гибель библиотеки католического Лувенского университета 25 августа 1914 г. на территории оккупированной Бельгии[21]. Этот акт, ставший по образному выражению немецкого историка В.Шивельбуха "Сараевом европейской интеллигенции", напрямую связывался с судьбой Александрийской библиотеки и оказался весьма удобен

---

[20] Brocke B. vom. Wissenschaft und Militarismus. Der Aufruf "An die Kulturwelt!" und der Zusammenbruch der internationalen Gelehrtenrepublik im Ersten Weltkrieg // Wilamowitz nach 50 Jahren. Hg. v. W.M. Calder III. Darmstadt, 1985. S. 670.

[21] См. подробнее: Баумгартен Е.Е. Мартиролог погибших памятников искусства// Вопросы мировой войны. Сб. под ред. М.И.Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 202–204, 219–221; Красильников Е.П. Политика германских оккупантов в Бельгии в годы Первой мировой войны// Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988. С. 84–87.

в качестве самой красноречивой иллюстрации натиска современных гуннов и варваров-немцев против старой европейской культуры[22]. Именно тогда в ответ на открытое письмо уехавшего в Швейцарию Ромена Роллана немецкий драматург Герхард Гауптман, заслуженно снискавший себе до войны репутацию защитника свободомыслия, ответил, что не пощадит шедевра Рубенса ради спасения жизни хотя бы одного немецкого солдата[23].

Начавшаяся в печати стран Антанты публичная антинемецкая кампания стала исходным толчком для организации наиболее известного и одиозного обращения 93 немецких интеллектуалов "К культурному миру". Из этого числа 58 были профессорами (22 — естественных наук и медицины, 33 были или станут после членами Прусской академии наук)[24]. Инициатором обращения являлся руководитель бюро

---

[22] Библиотека насчитывала 230 томов, 950 манускриптов и 800 инкунабул. Derez M. The Flames of Louvain: The War Experience of an Academic Community// Facing Armageddon. The First World War Experienced. L., 1994. P. 622. Любопытен приводимый В.Шивельбухом факт: пожар, приведший к гибели всей библиотеки Страсбургского университета, включая 2400 средневековых рукописей, начиная с VIII в., при занятии города прусскими войсками в ночь с 24 на 25 августа 1870 г. не вызвал столь бурной реакции общественности, именно потому что еще не существовало механизма пропаганды и соответственно реагирующей культурной среды (Schivelbuch W. Die Bibliothek von Löewen. Eine Episode aus der Zeit der Weltkriege. München -Wien, 1988. S. 32–33).

[23] Уже с осени 1914 г. Р. Роллан, живущий в Женеве, после известной статьи "Над схваткой" стал одним из крупнейших деятелей европейского пацифистского движения и сосредоточил свои усилия на преодолении негативных последствий войны для мирового интеллектуального сотрудничества, см.: Ревякин А.В. Война и интеллигенция во Франции// Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998; Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie: les intellectuels et la Première Guerre mondiale (1910–1919). P., 1996. P. 142–151. Именно публикации в "Журналь де Женев" и "Трибюн де Женев" в сентябре 1914 г. станут одним из первых событий идеологической войны между немецкими интеллектуалами и их оппонентами еще до появления "Воззвания 93-х".

[24] Из подписавших 17 были деятелями искусства, 15 ученых-естественников, 12 теологов, 9 писателей и поэтов, по 7 — юристов, медиков и историков, 5 искусствоведов, 4 философа и филолога, 3 музыканта и всего 2 политика (Фридрих Науман и Георг Райке) (Wehberg H. Wider Aufruf der 93! B., 1920. S. 25). Идея организаторов как раз и состояла в том, чтобы о единстве армии и духа нации свидетельствовали лучшие

информации имперского военно-морского ведомства капитан Генрих Лоляйн, а непосредственным автором — драматург и переводчик Людвиг Фульда. Под документом согласились поставить свои подписи ведущие ученые страны — историки Карл Лампрехт и Эдуард Мейер, философы Вильгельм Виндельбанд и Вильгельм Вундт, химики Фриц Габер, Эмиль Фишер и многие другие (притом, признавали впоследствии некоторые из них, как экономист Луйо Брентано, даже без внимательного ознакомления с текстом документа)[25]. В воззвании, построенном по всем законам риторики, шестикратным "неправда, что..." отрицались обвинения Германии в развязывании войны, нарушении бельгийского нейтралитета, "зверствах" и варварском поведении немецких солдат; его авторы подчеркивали единство немецкой армии и культуры, спасительную ценность такого милитаризма, без которого немецкая культура "была бы стерта с лица Земли"[26]. Все это сыграло роль, полностью противоположную общим намерениям инициаторов манифеста — вместо защиты и утверждения правоты немецкой стороны обращение "К культурному миру" стало наиболее очевидной демонстрацией шовинизма и самоослепления лучших представителей немецкого духа (от чего, впрочем, совсем не были свободны и появившиеся в этой полемике обращения ученых, писателей и интеллектуалов прочих воюющих государств).

В опубликованном в "Русских ведомостях" 28 сентября обращении от имени писателей, художников и артистов поддерживалась необходимость обуздания германской жестокости правой силой, при этом авторы указывали на опасность поддаться соблазну мести: "Уже прорастает широко брошенное ее (Германии. — *А.Д.*) рукой семя национальной гордыни и ненависти; пламенем может перекинуться ожесточение к другим народам, и громко раздадутся тогда голоса ослепленных гневом... и отрекающихся от всего великого и

представнтелн последнего, а не "ангажированные" по статусу парламентарни или деятелн правнтельства.

[25] История создання воззвания "К культурному миру!" наиболее подробно представлена в: Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1996. S. 19–25.

[26] Две культуры. (К философнн нынешней войны). Пг., 1916. С. 136

прекрасного, что было создано гением Германии на радость и достояние всего человечества. Но заставим себя помнить гибельность таких путей... Противники ее, несущие народам мир и освобождение, воистину должны быть руководимы лишь священными чувствами!"[27] (это воззвание подписали вместе с Горьким, Шаляпиным, Собиновым, Станиславским и Вахтанговым также Ф.Е. Корш, А.И. Кизеветтер, Л.М. Лопатин, В.М. Фриче, П.Б. Струве, М.И. Ростовцев, П.Н. Сакулин и многие другие, всего около тысячи человек).

"Воззвание 93-х" было дополнено в октябре лаконичным "Обращением преподавателей высших школ германского рейха", подписанным более чем 4000 профессоров и приват-доцентов (его автором был выдающийся немецкий антиковед Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф) и "Декларацией немецких университетов" для университетов заграницы, принятой по инициативе Тюбингенского и подержанной ректорами и сенатами всех 22 университетов Германии. В том и другом документе ведущей мыслью было единство немецкого народа и его интеллектуальных вождей с воюющей армией — в противовес тезису союзников о наличии "двух Германий" — "подлинной" страны поэтов и философов и державы победившего варварства и милитаризма; во всех немецких документах начавшейся в 1914 г. "войны духа" Германия Гете и Канта была тождественна Германии Бисмарка и Гинденбурга. Занятия наукой и военная служба рассматриваются в обращении Виламовица (совершенно в духе "мандаринской" идеологии) как веление долга, средства воспитания чувства чести и самосознания свободного человека в добровольном подчинении себя целому: "На том стоят наши войска в борьбе за свободу Германии и тем самым за все блага мира и добронравия не только в самой Германии. Мы верим, что благополучие всей европейской культуры зависит от победы, за которую сражается немецкий «милитаризм», от дисциплины, верности, самопожертвования единодушного свободного народа"[28].

---

[27] Русские ведомости. 1914 г. 28 сентября. (№ 223). С. 6.

[28] Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg. Hg. von K.Böme. Stuttgart, 1975. S. 50. Сходные соображения содержались в известной публичной речи Виламовица 20 ноября 1914 г. "Наука и милитаризм" (Brocke B. vom. "Wissenschaft und Militarismus". S. 692–699).

Осенью–зимой 1914 г. в обилии появлялись коллективные ответы германским профессорам — начиная с обращения 117 видных британских ученых в "Таймс" (21 октября 1914 г.). 26 октября на ежегодном публичном заседании Института Франции (объединяющего 5 французских академий) был принят специальный ответ на "Воззвание 93-х" (соответствующие документы были также утверждены и на общих собраниях отдельных академий), а 3 ноября — как отклик на вышеупомянутую немецкую декларацию — распространен Манифест 15 французских университетов, обращенный к университетам нейтральных стран. "Ответ германским ученым", подписанный 166 представителями университетской общественности Петрограда и Москвы, появился во второй половине декабря и в России (вместе с тем следует заметить, что в числе подписавших, среди которых были Н.С. Курнаков, П.П. Лазарев, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, Б.А. Тураев и др., отсутствовали имена В.И. Вернадского, А.П. Карпинского и С.Ф. Ольденбурга)[29]. Ученый совет Казанского университета в начале 1915 г. также принял специальный контрмеморандум, обращенный к немецким ученым[30]. Негативный ответ немецким ученым был принят и на заседании Академии наук Португалии; в то же время реакция на воззвание "К культурному миру" в ряде других европейских стран с преимущественно прогерманской ориентацией была в целом позитивной (в Швеции, Испании и Греции)[31]. В Швейцарии, в высших школах которой было достаточно много приверженцев либерально-социалистических взглядов, также появилось обращение 314 профессоров "Задачи швейцарских высших школ", авторы которого недвусмысленно отмежевывались от позиции большинства немецких коллег, выраженной в "Воззвании 93-х"[32].

---

[29] День. 1914. 21 декабря. С. 3. Согласно Н.П. Анциферову, от подписания манифеста, на что требовалась немалая личная храбрость в готовности пойти наперекор мнению большинства своего "цеха", отказались Л.И. Петражицкий, И.М.Гревс и Н.И. Кареев (Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1994. С. 173).

[30] Ответ германским ученым// Ученые записки императорского Казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2

[31] Brocke B. vom. "Wissenschaft und Militarismus". S. 675–676.

[32] Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". S. 86.

Следует отметить, что коллективными посланиями обменивались между собой также теологи ряда воюющих стран, привлекая в ходе полемики конфессиональные различия. Так, в "Адресе евангелическим христианам за границей" берлинские теологи отмечали факты притеснения гражданских лиц немецкой национальности в странах Антанты, эта позиция была оспорена в обращении их коллег из Оксфорда "К христианским ученым Европы". Место христианской религии и морали в войне были предметом публичных воззваний преподавателей протестантских богословских учебных заведений Парижа, Голландии и Швейцарии[33]. Попытка представить войну как противостояние протестантского немецкого и католического французского народов (вполне распространенный взгляд, например, среди российской интеллектуальной публики) была немедленно отвергнута как французскими протестантами, так и политически влиятельными немецкими католиками[34].

Особенно негативной реакция на оправдание германскими учеными действий своей страны была в Америке. В США появлялись персональные ответы видных ученых или администраторов на воззвание 93-х (как, например, Самуэля Гардена Черча, президента Института Карнеги[35]), подчеркивавшие отречение немецких коллег от ими же провозглашенного идеала "свободы преподавания" и тот факт, что для большинства германских ученых их лояльность государству в качестве служащих оказалась важнее принципов научной нейтральности и объективности[36]. В связи с обращением "К

---

[33] Besier G. Les Eglises protestantes en Allemagne, en Grande-Bretagne, en France, et le front interieur (1914–1918) // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Dir. de J.-J. Becker et St.Audoin-Roupeau. Nanterre, 1990.

[34] Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". S. 98.

[35] Ответ Черча был распространен в форме открытого письма д-ру Фрицу Шаперу от 9 ноября 1914 г. и тогда же переведен на ряд языков, включая русский (в вышеупомянутом сборнике "Две культуры"). Позднее, уже после окончания войны, Никлас М.Баттлер, президент Колумбийского университета и один из инициаторов системы немецко-американских профессорских обменов в прошлом, усматривал в "Воззвании 93-х" свидетельство поразительного самопроституирования немецкой учености и науки перед национальной жаждой завоеваний (Wehberg H. Wider Aufruf der 93! S. 30).

[36] О восприятии американскими социальными учеными и философами роли интеллектуальной элиты Германии в "войне духа", которое, добавим, было в некоторых важных отношениях зеркально противоположно

культурному миру", который Торнстейн Веблен назвал "душевным расстройством немецкой мысли"[37], другой видный американский ученый, основатель школы "интеллектуальной истории" Артур Лавджой в письме к издателю журнала "Nation" в ноябре 1914 г. сформулировал позицию большинства американского академического сообщества следующим образом: "Мы многому научились у немецких мыслителей по части исторической объективности и методов исторического критицизма, но полученное в применении этих принципов к современным событиям являет нам грубую компиляцию неточностей, домыслов и вульгарных обращений к тому, что принято считать американскими предрассудками...Профессиональный класс в стране, где он играет наибольшую роль, не сумел в самый решающий момент немецкой истории исполнить присущую ему функцию ангажированного и действенного критицизма и холодного рассудка..."[38] Одним из важных мероприятий коллективной войны манифестов был публичный меморандум оксфордских историков "Почему мы воюем. Случай Британии", оперативно выпущенный в сентябре 1914 г. (издан также и на русском языке), который вскоре вызвал появление ответной декларации германской стороны[39], а затем — по инициативе МИДа и преемника Альтхоффа в прусском министерстве просве-

---

антинемецким выпадам русских неославянофилов, см: Joas H. Sozialwissenschaftler und Erster Weltkrieg// Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg. Hg. v. W.J. Mommsen. München, 1996. S. 23–25. Некоторым исключением была точка зрения известного антрополога Франца Боаса (немца по происхождению) в целом склонного осенью 1914 г. поддерживать, хотя и не без оговорок, позицию немецкой стороны. Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". S. 87–88.

[37] Веблен, много почерпнувший у Герберта Спенсера и британского теоретика империализма Дж. Гобсона, в осенние месяцы 1914 г. спешно заканчивал книгу "Имперская Германия и индустриальная революция" (1915), где он последовательно противопоставлял британское "индустриальное общество" (подчеркивая его внутренние конфликты) феодальному принципу организации немецкого "военного общества", см.: Semmel B. The Liberal Ideal and the Demons of Empire. Theories of Imperialism from Adam Smith to Lenin. Baltimore-L., 1993. P. 122–129.

[38] Gruber C.S. Mars and Minerva. World War I and the Uses of Higher Learning in America. Baton Rouge, 1975. P. 67–68.

[39] Aufrufe und Reden deutscher Professoren im Ersten Weltkrieg. S. 54–56 (датирована 3 декабря 1914 г.).

щения Ф.Шмидт-Отта — обобщающего сборника "Германия и мировая война" (под редакцией Отто Хинтце, с участием Германа Онкена, Фридриха Майнеке и др.).

"Война духа": 1915–1919 гг.

"Люди духа", исследователи и преподаватели, менее всего преследовали корыстные интересы показной лояльности своему правительству или народу — подавляющее большинство из них участвовало в начавшейся практически одновременно с пушечными выстрелами "войне духа", исходя из высших и, с их точки зрения, вполне благородных побуждений. Война была для них временем утверждения еще ранее провозглашенных универсальных идеалов и ценностей[40]. Эти основания и мотивы могли быть самыми разными: от поддержки государства как носителя и гаранта высших духовных ориентиров ("мандаринская идеология" в Германии), обеспечения государственного единства (тема, актуальная для Австро-Венгрии) до защиты республиканско-демократических завоеваний от прусского милитаризма (Франция и США), обретения невозможного ранее единства с властью, народом и передовыми демократиями Запада (Россия, в последнем аспекте также Италия). Общим было изображение своей стороны как обороняющейся, вынужденно принявшей на себя необходимость вооруженной борьбы ради защиты своей культуры от варварства коварно напавшего противника, прикрывающего внешними признаками цивилизации агрессивное насаждение собственного превосходства. Особенно распространенным среди общественности стран Антанты было изображение своего противостояния Германии как борьбы культуры с варварством — после Лувена и Реймса (особенно у Бергсона и Эмиля Бутру[41]); для англичан и

---

[40] В самом общем виде на примерах интеллектуалов (главным образом писателей) разных стран проблема восприятия начавшейся войны рассмотрена в: Stromberg R. Redemption by War. Intellectuals and 1914. Lawrence, Kansas, 1982.

[41] Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P. 193–194; Бутру Э. Германия и война. Пг., 1914. При этом философ Эмиль Бутру (1845–1921) до 1914 г. был одним из самых горячих приверженцев немецкой интеллектуальной культуры; в 1916 г. стал членом-корреспондентом Российской Академии наук.

американцев привычными "антигероями" пропагандистской литературы и публицистики были Фридрих Ницше, "младогерманский" историк Генрих фон Трейчке и генерал фон Бернгарди[42]. При этом в пропагандистских целях использовались, позитивно или негативно, как уже испробованные мифы о национальном характере или представления о "исконных чертах", свойственных тому или иному народу (немецкий казарменный дух versus организованность, английское коварство versus верность союзникам и выдержка, русский деспотизм versus всеотзывчивость и т.п.), так и порождались новые комплексы идей. Один из них — о "двух Германиях" — был упомянут ранее; потом он также был дополнен идеей "двух России" (колоссальной самодержавной империи — и загадочной и миролюбивой страны Толстого и Достоевского) или "двух Англий" (этот образ Ганс Дельбрюк и Герман Онкен в Германии противопоставляли распространенным нападкам на "коварную Англию" как главного противника Рейха[43]). Российские неославянофилы вроде С. Булгакова или Вл. Эрна проповедовали тезис о существовании "двух Европ": гибельного воплощения протестантского секулярного пруссачества — и возрождающегося края старинных алтарей, духовного подвига наследников Жанны д'Арк[44].

В Германии это было представление об "идеях 1914 года", связанных с "немецким идеалом" порядка и внутренней свободы, гражданского мира и "священного единства" нации

---

[42] См., например, ответ С.Г. Черча по поводу "Воззвания 93-х" или переизданную во многих европейских странах, в т.ч. и в России, работу проф. Крэмба "Германия и Англия" (1914), появившуюся уже после смерти историка. Генерал кавалерии Фридрих фон Бернгарди (1849–1930) в работах "Современная война" (СПб., 1912) и "Германия и будущая война" считал войну необходимой для будущего Германии и призывал не останавливаться против самых жестких средств ведения войны ради достижения победы над противником.

[43] См.: Schwabe K. Wissenschaft und Kriegsmoral. Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des Ersten Weltkrieg. Göttingen, 1969. S. 27–29.

[44] См. подробнее: Колеров М.А., Плотников Н.С. Социал-либеральный образ Германии в России // Ежегодники по истории русской мысли. 1999. М., 2000. С. 114–148.

в противовес русскому деспотизму[45] и англо-французской плутократической анархии, легитимирующей себя известным набором идей 1789 года о свободе, равенстве и братстве[46]. Ответная триада "долг, порядок, законность" была изложена в трудах шведского прогермански настроенного профессора Р. Челлена и затем раскрыта — как квинтэссенция идей 1914 г. в одноименной работе мюнстерского экономиста И. Пленге. Разумеется, немалую легитимирующую роль в формировании воинственного патриотизма ученых Германии сыграли воззрения немецких мыслителей вековой давности периода войны с Наполеоном за национальную независимость, особенно "Речей к немецкой нации" Фихте, антифранцузских сочинений Клейста, Герреса и других идеологов романтизма. Сюда примыкает и ставшее популярным противопоставление корыстных фарисеев-англичан одухотворенным рыцарскими идеалами немцам (в печально известной книге Зомбарта "Торговцы и герои (1915)" или в стилизации Эд. Мейером противостояния Карфагена и Рима под англо-германский конфликт)[47]. Вновь стала актуальной бытующая еще с рубежа веков оппозиция (немецкой, этатистской, внутренне одушевленной) *культуры* и (буржуазной, французской или попросту западной, внешней и механисти-

---

[45] Определенную дистанцию от такого рода представлений в отношении России и планов неограниченной экспансии на Востоке занимал руководитель Общества по изучению Восточной Европы, созданного незадолго до войны, консервативный историк Отто Хётч, который в связи с этим был в изоляции относительно большинства своих коллег по Берлинскому университету, см.: Schwabe K. Wissenschaft und Kriegsmoral. S. 29.

[46] Demm E. Les intellectuells allemands et la guerre // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918„P. 185–187.

[47] Достаточно близки этим представлениям оказались и философы, до войны занимавшие маргинальные и в целом более модернистские позиции относительно господствующей "мандаринской ортодоксии" и неокантианской философии культуры, как Георг Зиммель ("Война и духовные решения". 1917) или Макс Шелер ("Гений войны и немецкая война", 1915), см.: Schneider G. Intellektuelle und Krieg: Max Schelers Kriegsbegriff und die Konseqenzen für die Politik // Intellektuelle in der Weimarer Republik. Hg. v. W. Bialas und G. Iggers. F.a.M., 1992. Однако, в отличие от пруссаческого преклонения перед государством в мировоззрении Шелера, близкого к Зомбарту и кругу проводников "идей 1914 г. ", были важны южнонемецко-католические мотивы.

ческой) *цивилизации,* легшее затем в основу историософии Освальда Шпенглера. Позднее к ним добавился образ молодых и деятельных наций-"пролетарок", неминуемо сталкивающихся со старыми и отжившими ростовщическими и империалистическими европейскими нациями (одновременно с Паулем Леншем, сотрудником "Ди Глоке" Парвуса и экс-социал-демократом, эту протофашистскую идею в Италии развивали Коррадини и Михельс[48]).

В российских интеллектуальных кругах воодушевление августа-сентября 1914 г. было весьма сходно с тем настроением, что охватило немецкое общество. "Священное единство Государя с народом", забвение прежних политических и идейных распрей перед лицом общего врага, утверждение православной религиозности против германской обмирщенной цивилизации и культуры — все эти темы были в центре обсуждения духовных проблем войны[49]. Ведущую роль здесь играли философы религиозно-идеалистического направления, связанные со сборником "Вехи" и издательством "Путь"[50]. Ключевым событием стало открытое заседание

---

[48] Левина М.И. От революционаризма к правому радикализму (эволюция взглядов Р. Михельса). М., 1983. С. 21–22; Demm E. Les intellectuells allemands et la guerre. P.193. Михельс был также исключен М.Вебером и Э.Яффе из числа соиздателей "Архива социальной науки и социальной политики".

[49] Своеобразную хрестоматию откликов русской идейной публицистики на события войны представляет собой сборник: Идейные горизонты мировой войны. Под ред. П. Кудряшова. М., 1915. Наиболее подробный анализ философской публицистики этого времени: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Studia russica helsingiensia et tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Под ред. Л.Бюклинг и П.Пессонена. Helsinki, 1989. С. 211–239.

[50] Голлербах Е.А. К незримому граду: Религиозно-философская группа "Путь" в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 247–259. Несколько ближе к господствующему патриотическому умонастроению стали в тот период и взгляды русских оппонентов неославянофильства, участников "Логоса" — международного журнала по философии культуры, выходившего также и в Германии начиная с 1910 г. См., например: Гессен С.И. Идея нации // Вопросы мировой войны. С. 562–589. Безусловно, здесь также сказалась реакция на поведение недавних германских соратников по "Логосу" — см. письмо Б.В. Яковенко из Италии Г.Г. Шпету от 21 января 1915 г. (Логос. № 3. 1992. С. 252).

Религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева в Москве 6(19) октября 1914 г., на котором был среди прочих зачитан ставший широко известным доклад В.Ф. Эрна "От Канта к Круппу". Сущность немецкого милитаризма и жажды овладения миром логически выводилась из протестантской религиозно-метафизической основы кантовской философии[51]. Воинствующий антигерманизм не выражал, однако, общую точку зрения — многие философы усматривали в этом перенесение германских шовинистических идей на русскую почву ("Руссланд, Руссланд юбер аллес" — обозначил такое настроение Е.Н. Трубецкой)[52]. Перемещение обсуждения идей из газетной публицистики на страницы журналов (в первую очередь — "Русской мысли") свидетельствовало о некотором затихании шовинистических настроений; обсуждение касалось теперь нового понимания истории после очевидного крушения либеральных традиций и ценностей предыдущей эпохи fin de siècle[53].

---

[51] Этот доклад вошел позднее в сборник Эрна "Меч и крест" (1915). Тезисы его лекций в Москве в начале 1915 г., опубликованные в сб. "Время славянофильствует", были оспорены Е.Н. Трубецким и И.А. Ильиным. Положение о том, что "грехопадение" немецкой интеллектуальной элиты *подтвердило гибельность представления о культуре как высшей* ценности, вне живой действительности христианского Логоса был развиты также в: Васильевский Г.А. Виновата ли германская культура. Пг., 1915. С. 22–30.

[52] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 589, 594 (Письма Е.Н. Трубецкого М.К. Морозовой от 29 августа и 5 сентября 1914 г.). Сходные настроения — о необходимости перехода от осуждения Германии к внутреннему самоочищению — высказывал и С.Л. Франк, еще ранее полемизировавший с крайним неославянофильством Эрна, см.: Колеров М.А., Плотников Н.С. Цит. соч. С. 137–144. И.А. Ильин в конце 1914 г. подчеркивал в статье в "Вопросах философии и психологии" основное нравственное противоречие войны — убийство себе подобного остается грехом даже когда совершается во имя высших надличностных идеалов, и в целом резко осуждал "патриотический угар" Бердяева, Булгакова, Вяч. Иванова и др. См.: Из неопубликованных писем И.А. Ильина к Л.Я. Гуревич // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 118–121.

[53] Этот вопрос наиболее обстоятельно рассмотрен в двух публикациях В.В. Носкова: "Россия, в которую мы верим": начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999; Он же. Первая мировая война и русская философия

В Германии, Англии и США ученые активно участвуют в деятельности пропагандистских ведомств, составлении документальных сборников, призванных оправдать участие своей страны в войне как сугубо обороняющейся стороны (немецкая Белая книга, австрийское досье о сараевском убийстве, английская Синяя книга, бельгийская Серая книга, русская Оранжевая книга). Помимо вышеуказанного сборника оксфордских историков, также содержащего официальные документы британского МИД, в ходе войны большими тиражами распространялись т.н. "оксфордские памфлеты" — брошюры историков, юристов, экономистов и гуманитариев, посвященные тем или иным актуальным вопросам текущей войны (всего более 80 выпусков). Пропагандистская деятельность британского Центрального комитета национальных патриотических организаций и Ассоциации американских профессоров во главе с А.Лавджоем и Д.Дьюи, выступавшей за вступление США в войну, была тем успешнее в глазах внешнего мира, что проводилась внешне неправительственными организациями в отличие от подчеркнутой близости германских ученых к почти сакрализованному Государству. Под руководством Э.Лависса и Э.Дюркгейма в Париже был создан состоявший из известных профессоров Сорбонны, Эколь Нормаль и Коллеж де Франс Комитет по публикации документов и исследований о войне. Он выпустил серию работ, в т.ч. самого Дюркгейма и известного германиста Чарльза Андлера, посвященных разоблачению идеологии пангерманизма и агрессивных целей противника[54]. По инициативе "Фигаро" в начале 1915 г. видным французским

истории // Проблемы всемирной истории. Сборник в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000.

[54] См.: Gephart W. Die französische Soziologie und der Erste Weltkrieg. Spannungen in Émil Durkhheims Deutung des Grossen Krieges // Kultur und Krieg. S. 54–58. Об участии в этих кампаниях французских историков и философов см.: Luzzato S. Les tranchées de la Sorbonne: les historiens français et le mythe de la guerre révolutionaire (1914–1918) // Storia della Storiografia. 20 (1991). P. 3–27; Gerbod P. Les publications philosophiques françaises et la Première Guerre Mondiale (1914–1919) // Les Philosophes et la guerre de 1914. P. 33–46; Lukes St. Émile Durkheim. P. 549–559. При этом сам Дюркгейм как эльзасец и еврей с германским именем во время войны (как и в ходе полемики вокруг "новой Сорбонны") подвергался нападкам националистов, в том числе с трибуны Сената.

ученым была послана анкета с просьбой оценить соотношение французской и немецкой науки, их вклада в общечеловеческую культуру и прогресс знания. В результате в 1916 г. под редакцией профессора Габриэля Пети и журналиста Мориса Лоде был выпущен сборник "Немцы и наука" со статьями Эмиля Бутру, Эмиля Пикара, английского химика Вильгельма Рамзая и др. по разным областям знания (17 авторов к тому времени были академиками). Особенно выделяется в этом смысле статья физика Пьера Дюгема, который довел противопоставление экспериментальной и рационалистической традиции французской физики "абстрактному геометризму" новейшей немецкой науки и теории Эйнштейна до идеи особых «национальных стилей» в науке. Большинство авторов сборника подчеркивало приоритет французской науки, сосредоточенной, по их мнению, на фундаментальных исследованиях перед якобы только организаторскими и прикладными усилиями немецких коллег (немецкая наука, по выражению Дюгема, — служанка французской)[55].

В годы войны Франция продолжала вести активную внешнюю культурную политику, в первую очередь против немецкого влияния. 12 февраля 1915 г. в Сорбонне в присутствии высших официальных лиц государства состоялась публичная манифестация интеллектуальной солидарности и культурного единства латинских народов в борьбе с Германией (от имени Франции выступал историк Эрнест Лависс, от Испании — Бланко Ибаньес, от Италии — Гильельмо Ферреро и др.)[56]. Специально ко всемирной выставке в Сан-

---

[55] Исходными здесь были положения протеста, принятого на заседании Академии наук 3 ноября 1914 г., где подчеркивалось, что именно представителям латинской и англосаксонской цивилизации принадлежит большинство открытий в области математики, физики и естественных наук за последние три века, равно как и принципиальные изобретения в области техники, сделанные в течение XIX в., см.: Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P.206; Schroeder-Gudehus B. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. Geneve, 1966. S. 75–77. Сходным образом о преимущественно техническом использовании немцами достижений французской науки высказывался и Эдуард Леру в статье (переведенной на русский язык): Франция и Германия. Две культуры // Две культуры. С. 83–85.

[56] К психологии переживаемого момента (Манифестация в честь латинской культуры) // Северные записки. 1915. Февраль. С. 182–199. Выступали также представители греческого и португальского народов.

Франциско в 1915 г. министерством общественного образования и культуры был подготовлен итоговый сборник "Французская наука". Анри Бергсон и Эмиль Дюркгейм, авторы разделов по философии и социологии, настаивали на новаторском и пионерском характере французских исследований в гуманитарной сфере по сравнению с немецкими[57]. Продолжала действовать и сеть Французских институтов, созданных за границей с целью облегчения научного общения и распространения достижений французской цивилизации и культуры (в том числе и открывшийся в 1911 г. под руководством слависта Жозефа Патуйе в Петербурге)[58]. Видный французский математик Эмиль Борель пытался, и не без успеха, через своего итальянского коллегу Вито Вольтерра организовать общественное мнение в академических кругах Италии против немецких обращений осени 1914 г.[59] Французские ученые участвовали в сборнике "Вопросы мировой войны", подготовленном М.И. Туган-Барановским в 1915 г. и представлявшем собой компендиум статей и выступлений профессоров российских высших школ относительно происходящих событий. Под редакцией М.М. Кова-

---

[57] Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P.211.

[58] В 1917 г. после Февральской революции с участием Российской академии наук активно обсуждался вопрос о создании Русского института в Париже и — по аналогии с французским — Британского института в Петрограде и Русского в Лондоне. См. меморандум академика М.И.Ростовцева от начала октября 1918 г. о международном интеллектуальном общении ученых союзных стран (Скифский роман/ Под ред. Г.М.Бонгард-Левина. С. 464-465, 257-258). Ростовцев развивал здесь идеи, уже изложенные им ранее в статье "Международное научное общение" (Русская мысль. 1916. Кн. III). В бумагах российского литературоведа Е.В. Аничкова, хранящихся в архиве Сербской Академии наук, также сохранился проект восстановления в 1917 г. — как своего рода центрального штаба научных и литературных связей двух стран — Русской высшей школы общественных наук в Париже, которая продолжала бы работу известного одноименного заведения, существовавшего в Париже под руководством М.М. Ковалевского до Первой русской революции. См.: Гутнов Д. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901–1906). М., 2001. (Рукопись). С. 292–294 (приложение). Выражаем искреннюю признательность Дм. Гутиову, предоставившему нам для ознакомления материалы этой работы.

[59] Pancaldi G. Vito Volterra: Cosmopolitan Ideals and Nationality in the Italian Scientific Community between *Belle époque* and the First World War // Minerva. 1993. Vol. 31. N 1. P. 21–37.

левского выходил в 1916–17 гг. сборник "Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию" со статьями А.Веселовского, Н.Кареева, Е.Тарле, искусствоведа А.Сидорова, Э.Гримма, будущего сменовеховца Ю.Ключникова и др. (всего вышло три выпуска из предполагавшихся четырех). Ведущий историк петербургской Академии наук А.С. Лаппо-Данилевский весной 1915 г. побывал в составе представительной делегации в Англии и произнес там речь об истории науки и образования в России, опубликованную затем в специальном издании для ознакомления английской публики с проблемами внутренней политики важнейшего союзника по Антанте и настроениями российской общественности[60] (английские историки в мае 1915 г. также посетили Академию наук в Петербурге). В ходе этого визита обсуждалась и реализация идеи создания многотомного труда по истории и культуре России на английском языке, предназначенного для издательства Macmillan & Co. (по инициативе оксфордского профессора Ф.А. Гольдера). Редактором этого труда должен был стать Лаппо-Данилевский, а авторами — С.Ф. Платонов С.И. Рождественский, М.Д. Приселков, А.А. Шахматов и другие видные русские историки[61].

---

[60] Значительную роль в налаживании русско-английских научных связей в первые десятилетия XX в. сыграл историк и правовед П.Г. Виноградов (профессор в Оксфорде с 1903 г.). Виноградов выступал с лекциями и статьями о России (одна из них была перепечатана в серии "Оксфордских памфлетов"), посещал с 1914 г. ежегодно Россию, являлся почетным секретарем Комитета помощи русским узникам войны, а с 1916 г. после смерти М.М. Ковалевского стал председателем Исполкома Русско-английского общества. См.: Антощенко А.В. Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г. Виноградова // Археографический ежегодник. 1997. М., 1997. С. 294–295; The Development of Science and Learning in Russia // Russian Realities and Problems. Ed. By J.D.Duff. Cambridge, 1917. P. 153–229.

[61] Подробнее см.: Тараторкин Ф.Г. А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания "Истории России" на английском языке (1915–1918)// Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996; Летом 1916 г. Лаппо-Данилевскому вместе с Милюковым и Струве во время поездки в Англию были торжественно вручены дипломы почетных докторов права Кембриджского университета, что стало одним из свидетельств сближения союзников не только в военной или экономической области, но также культурной и научной. Русский сезон в Кембридже// Речь. 24 августа 1916 г. № 232. С. 2; Алексеева И.В. К истории одной поездки. По мате-

Немалую роль в мобилизации коллективных усилий немецких ученых сыграл созданный в октябре 1914 г. "Культурный союз немецких ученых и деятелей искусств" с целью мобилизации поддержки друзей и коллег из нейтральных стран и противостояния распространению "систематических лживых измышлений противников". Он заседал в здании Берлинской академии наук, возглавлялся ее секретарем, специалистом по анатомии Вальдеером, и одним из инициаторов "Воззвания 93-х" Г. Зудерманом. Публикации, разъясняющие цели и легитимность немецкого участия в войне, появлялись на страницах основанного еще в 1907 г. Ф.Альтхоффом журнала "Internationale Monatsschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik", предназначенного первоначально для того, чтобы стать связующим органом научных сообществ Германии, Америки, а также Англии, Франции и Испании. И если в ряде нейтральных государств Европы (особенно в Швеции) немецкая пропаганда приносила определенные плоды, то особенно ощутимой, как уже отмечалось, была ее неудача в Северной Америке. Проповедь "мандаринских" ценностей и защиты высокой культуры от демократической цивилизации и превосходства немецкой науки в мире никак не могла снискать популярность в академических кругах США даже среди тех, кто до войны с симпатией относился к немецкой модели организации науки и ее успехам, не говоря уже о более широкой публике (особенную активность в деле привлечения Америки на сторону Германии проявлял Эд. Мейер[62]). Несмотря на значительную немецкоязычную диаспору и пропагандистские поездки ряда немецких ученых в 1914–1915 гг.[63] (до гибели "Лузитании"),

---

риалам неопубликованного дневника П.Н.Милюкова// Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXI. Л., 1990. С. 138-139.

[62] Среди событий пропагандистской войны осени–зимы 1914 г. выделяется публичный обмен посланиями Эдуарда Мейера с президентом Гарвардского университета Эбботом Лоренсом Лоуэллом, см.: Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!". S. 87.

[63] Одним из них был брат Эдуарда Мейера Куно Мейер, специалист по кельтской культуре, лекции которого в Америке были рассчитаны именно на ирландскую аудиторию (учитывая ее антианглийские настроения); сходным образом среди целевых групп немецкой пропаганды были еврейские эмигранты из России. Dörris R. Promoting Kaiser and Reich: Imperial German Propaganda in the United States during World War I

отношение американского общественного мнения к этим усилиям может быть резюмировано словами Теодора Рузвельта: "Их «культуру» можно понимать как «культуру» только в патологическом смысле. Немецкая «культура» совершенно аналогична «культуре» холерных эмбрионов"[64]. Когда в июне 1916 г. в связи с отказом в помощи для основания Фламандского университета в Генте немцы арестовали двух бельгийский профессоров — Пауля Фридерика и известного историка Анри Пиренна, на имя госсекретаря США поступила петиция в защиту коллег, подписанная 93 ведущими преподавателями истории североамериканских университетов (число подписей, конечно, было далеко не случайным)[65].

Публикация коллективных воззваний постепенно становится средством для "внутреннего пользования" уже внутри немецких границ, способом мобилизации отдельных течений и групп академического сообщества Германии. Первые признаки размежевания "аннексионистов" и "умеренных" наметились уже в июле 1915 г., когда появился меморандум теолога Рейнгольда Зееберга, указывавший необходимость для Германии территориальных приобретений на Востоке; его подписали более 1347 представителей интеллектуальной элиты (из них — 352 профессора, включая Виламовица-Мелендорфа, вождей пангерманизма историков Д.Шефера и Г.Белова). На следующий день, 9 июля, по инициативе Ганса Дельбрюка и либерального журналиста Теодора Вольфа был опубликован контрманифест, под которым удалось собрать лишь 141 подпись (но зато среди поддержавших были Планк, Эйнштейн, Адольф Гарнак и Эрнст Трёльч). Дебаты о неограниченной подводной войне, отставка канцлера Бетман-Гольвега, принятие мирной резолюции большинством рейхстага и требование реформы избирательной системы в Пруссии еще более поляризовали общественное мнение

// Confrontation and Cooperation. Germany and the United States in the Era of World War I, 1900–1924. Ed. by H.-J. Schroeder. Oxford, 1993. P. 135–165. Мейер в 1915 г. выпустил книгу "Северная Америка и Германия" (Mayer E. Nordamerica und Deutschland. B., 1915).

[64] Цит. по: Finkelman P. The War on German Language and Culture, 1917–1925 // Confrontation and Cooperation. P. 182.

[65] Gruber C.S. Mars and Minerva. P. 68–69.

Германии. Под пангерманским по духу обращением тюбингенского историка Иоганнеса Халлера (от 6 октября 1917 г.) против июльской мирной резолюции рейхстага, которое ставило под сомнение способность парламентского большинства руководить нацией, поставили свои подписи около 1100 преподавателей, что говорит о сплоченности и представительности консервативно-националистического течения в преподавательском корпусе, численно преобладавшего также после Ноябрьской революции 1918 г. и установления республиканской системы. Профессора Гейдельбергского университета (М.Вебер, Э.Трёльч, Ф.Майнеке и др.), поддерживавшие канцлера Бетман-Гольвега против аннексионистов до его отставки и выступавшие сначала против шовинизма в новообразованной Отечественной партии (всего в этой кампании было собрано около 100 подписей преподавателей), а в ноябре 1917 г. организовавшие Народный союз за свободу и отечество, в целом оставались в меньшинстве[66].

Первые признаки отказа от наиболее вопиющих проявлений духа "идей 1914 г." можно заметить уже в обращении Планка к голландскому физику Г.Лоренцу (подписанном также Гарнаком, Нернстом, Вальдейером и Виламовицем), опубликованном роттердамской газетой "Handelsblad". В нем указывалось на связь "Воззвания 93-х" с душевным подъемом первых военных недель, более обтекаемо ставился вопрос о причинах, приведших к войне, и подчеркивалось, что утверждение единства армии и народа не означает готовности принимать ответственность за каждое действие любого из немцев. Определенную дистанцию от воодушевления августа 1914 г. высказывал в предсмертных выступлениях и Карл Лампрехт. В числе сторонников скорейшего налаживания сотрудничества с учеными стран Антанты был Луйо Брентано, экономист из левого крыла Союза социальной политики, близкий к братьям Альфреду и Максу Вебе-

---

[66] См. подробнее: Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992. С.32–35; Mommsen W.U. Max Weber und die deutsche Politik 1890–1920. Tübingen, 1974. S. 288–291; Jansen Ch. Professoren und Politik. Politisches Denken und Handeln der Heidelberger Hochschullehrer 1914–1935. Göttingen, 1992. S. 116–117.

рам[67]. Когда в 1919 г. Ромен Роллан опубликовал "Декларацию независимости духа", призывающую восстановить прежнюю систему мирового научного и культурного общения, среди подписавших ее немцев было 117 профессоров — в т.ч. Эйнштейн, Давид Гильберт, Пауль Наторп, Вильгельм Фёрстер и др. (наряду с Германом Гессе, Кете Кольвиц и Генрихом Манном)[68]. Но в целом речь шла, безусловно, о демократически настроенном меньшинстве немецкого академического сообщества.

В апреле 1919 г. в ответ на послание пацифиста Германа Веберга из оставшихся в живых 75 соавторов воззвания "К культурному миру" 42 так или иначе дистанцировались от этого документа, но большинство отказалось сделать это безоговорочно и публично, поскольку подобное было бы воспринято как трусость или своекорыстие; часто как аргумент упоминались и статьи Версальского договора о вине Германии в развязывании войны, что стало основанием для репараций и отчуждения части немецкой территории[69]. Но

---

[67] Brocke B. vom 'Wissenschaft und Militarismus'. S. 690; Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!" S. 69; Брентано также вступил в октябре–декабре 1914 г. в духе манифеста "К культурному миру!" в публичную полемику с французскими коллегами Ивом Гюйо и Даниэлем Белле, однако уже с середины 1915 г. стал одним из противников аннексионистов, сблизился с "Союзом нового отечества", осенью 1918 г. в письме Шарлю Жиду публично признал свою позицию осени 1914 г. ошибкой и был одним из первых немецких ученых, посетивших Англию после окончания войны, в ноябре 1919 г., см.: Ungern-Sternberg von J. und W. Der Aufruf "An die Kulturwelt!" S. 70–71, 99.

[68] 4 декабря 1919 г. в "Берлинер Тагеблатт" практически одновременно с выступлениями Клемансо и Гарнака (см. ниже) появился своеобразный контрмеморандум, подписанный Ф. Майнеке, Э.Трёльчем, Э.Ю. Курциусом и др., оспаривающий моральное право высказываться по поводу культурного сотрудничества европейских народов ряда неназваных немцев, подписавших воззвание Роллана, что во время войны якобы равносильно «измене» собственному народу, см.: Holl K. Die "Vereinigung Gleichgesinnter"/ Ein Berliner Kreis pazifistischer Intellektueller im Ersten Weltkrieg // Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 54. H. 2. S. 383.

[69] По этой причине бесплодными остались попытки голландского и шведского физиков Хендрика Лореица и Сванте Аррениуса обратиться весной–летом 1919 г. к Планку и Эмилю Фишеру с просьбой публично отказаться от наиболее одиозных положений "Воззвания 93-х", см.: Heilbron J.L. The Dilemmas of Upridht Man. Max Planck as Spokesman for German Science. Berkley, 1986. P. 101–102.

готовность забыть прежние выпады и обиды была не большей и у победителей. Когда с трибуны французского сената в ноябре 1919 г. Жорж Клемансо указал, как на пример своего рода "интеллектуального реваншизма", что "Обращение 93-х" до сих пор не дезавуировано, ему открытым письмом ответил в немецкой печати Адольф фон Гарнак. Правда, президент Общества Кайзера Вильгельма оговорился, что вторжение немецких войск в Бельгию предстает теперь в ином свете, но затем он свел полемику к вопросу о "вине" Германии в войне и причинах сокрытия французской стороной ряда важных документов лета 1914 г.[70] Хотя в войне манифестов и связанной с ней пропагандистской войне участие Германии было, пожалуй, наибольшим, последний ее документ (как и самые первые) появился именно в Англии. Распространенный по инициативе поэта-лауреата Роберта Бриджеса в октябре 1920 г. т.н. "Оксфордский манифест", призывающий интеллектуалов европейских стран забыть военные распри, не требовать признания вины и вернуться к прежней атмосфере дружбы и сотрудничества, встретил одобрение менее чем у половины из получивших его 120 адресатов[71]. Относительное восстановление прежнего характера интернациональных научных связей наступит только к концу 1920-х гг. после продлившегося несколько лет бойкота немецкой науки державами бывшей Антанты и постепенного вхождения Германии в послевоенную систему международного сотрудничества в исследовательской сфере.

Сопротивление или неучастие?

Было ли описанное выше настроение, которое можно именовать патриотическим подъемом либо — с неменьшим основанием — шовинистической истерией, всеобщим? Очевидно, нет. Некоторые отказывались подписывать вышеупомянутые воззвания — как Давид Гильберт, Альберт Эйнштейн (обращение "К культурному миру!"), Макс и Альфред

---

[70] Wehberg H. Wider Aufruf der 93! Berlin, 1920. S. 31–33

[71] Wallace St. War and the Image of Germany. P. 196–197. Письмо Фредерика Кеньона, Президента Британской Академии, объединявшей в отличие от Королевского общества ученых гуманитарного профиля, опубликованное тогда же в "Таймс", было гораздо более сдержанным — именно со ссылкой на до сих пор не дезавуированый "Манифест 93-х".

Веберы, экономисты Георг Фридрих Кнапп, Луйо Брентано, Леопольд фон Визе, Эйнштейн, пацифисты историк Людвиг Квидде, педагог Фридрих Вильгельм Фёрстер и правовед Вальтер Шюккинг ("Обращение преподавателей высших школ" Виламовица). Когда появилось "Воззвание 93-х", профессор физиологии Берлинского университета (и медицинский советник императрицы) Вильгельм Фридрих Николаи увидел в нем отступление от позиций научной объективности и наихудшее выражение политической ангажированности интеллекта. В составленном им "Обращении к европейцам" указывалось: "Подобное настроение не может быть оправдано никаким национальным порывом. Оно недостойно того, что до сих пор понималось под именем культуры. Если оно охватит всех образованных людей, то это будет несчастьем, притом не только несчастьем для культуры, но — и в этом мы твердо уверены — несчастьем для того, ради чего в конечном счете развернулось все это варварство — а именно для национального существования отдельных государств"[72]. Однако заимствованный у Гете призыв быть "хорошими европейцами" встретил понимание совсем у немногих соотечественников — это обращение поддержали только Альберт Эйнштейн, доктор Отто Бюк и директор Берлинской Обсерватории 82-летний Вильгельм Ферстер, ранее подписавший "Воззвание 93-х". Очевидно, не случайно Эйнштейн напишет в середине 1915 г. Ромену Роллану в Швейцарию: "За последние восемь месяцев многие ученые Европы ведут себя так, будто им ампутировали мозг"[73]. Николаи будет отправлен врачом на фронт, подвергнут за активную пацифистскую деятельность аресту, а после бегства в Данию и возвращения в Берлинский университет по окончании войны уже в 1920 г. отстранен сенатом и ректором Эдуардом Мейером, поддержавшим тогда же монархический путч Каппа, от занятий и будет вынужден эмигрировать в Латинскую Америку. Эйнштейн, Николаи и другие пацифисты приняли участие в создании "Союза нового отечества", а после его запрета в феврале 1916 г. — в работе "Объединения единомышленников", поддерживавшего связи

---

[72] Николаи Г.Ф. Биология войны. СПб., 1996. С. 17, 18.

[73] Prochasson Ch., Rasmussen A. Au nom de la patrie. P. 204.

с аналогичными объединениями в Англии, Голландии и с Р.Ролланом[74].

Английский математик и философ Бертран Рассел, член Фабианского общества, близкий к гильдейскому социализму, с самого начала войны публично выступал в защиту людей, отказывающихся служить по велению совести, и участвовал в радикальных пацифистских органах печати. Решением совета Тринити-колледжа Рассел в июле 1916 г. был вообще отстранен от преподавания, но продолжал выступать с публичными лекциями на общественно-политические темы и участвовать в работе "Союза демократического контроля". После публикации в январе 1918 г. статьи о возможности использования в случае необходимости в послевоенной Европе американских солдат в качестве штрейкбрехеров вместо забастовавших рабочих он был арестован за оскорбление армии союзников. Во время полугодового пребывания в крепости Рассел смог закончить свою книгу "Введение в философию математики", но не отрекся от своих взглядов и в дальнейшем оставался, будучи одним из самых видных деятелей мировой науки, политически независимой и влиятельной фигурой[75]. В своих мемуарах он отмечал, что именно Первая мировая война всецело переменила его мировоззрение, превратив кабинетного ученого в автора политически актуальных работ, и заставила пересмотреть все видение человеческой природы.

Далеко не всем молодым интеллектуалам и ученым разразившаяся война показалась, по словам Макса Вебера, "прекрасной и удивительной". Прежде всего это касается венгерского философа из Гейдельберга Георга Лукача, который начал осенью 1914 г. писать оставшуюся незаконченной статью "Немецкие интеллектуалы и война". В письме Марианне Вебер, направленном в первые месяцы войны, Георг

---

[74] Gülzow E. Bund Neues Vaterland // Die bürgerlichen Parteien in Deutschland. Handbuch der geschichte des bürgerlichen Parteien und anderer bürgerlichen Interessenorganisationen vom Vormärz bis zum Jahre 1945. Bd. 1. Berlin, 1968. S. 180–181; в "Объединении единомышленников" принимали участие также биолог-виталист Ханс Дриш, специалист по радиотехнике Георг Граф фон Арко, профессор философии в Мюнхене Эрнст фон Астер и др. См.: Holl K. Die "Vereinigung Gleichgesinnter". S. 366–367.

[75] Ryan A. Bertrand Russel. A political Life. N.Y., 1988. P. 58–60.

Зиммель отмечал: "Уникальным для настоящего момента является то, что потребности дня и нужды Идеи окончательно и на все времена стали единым целым... Если у Лукача нет такого чувства, ему этого не покажешь. Вот почему он все время говорит о милитаризме. Но для нас это в гораздо большей степени вопрос освобождения от милитаризма"[76]. В разговоре с Марианной Вебер осенью 1914 г. в ответ на рассказы о солдатских подвигах на фронте сам Лукач воскликнул: "Чем они героичней, тем хуже!" и заметил, что дело заключается не в победе Романовых или Гогенцоллернов, но в том, "кто же спасет нас от западной цивилизации"[77]. Перспективу окончательной победы Германии он тоже считал "неким кошмаром". Сходного отношения к войне придерживался друг и тогдашний единомышленник Лукача Эрнст Блох, увлечение которого экспрессионизмом сказалось на стиле его первого большого философского труда "Дух утопии". Блох написал его в швейцарской эмиграции, где сотрудничал с дадаистами и пацифистскими изданиями вроде "Freie Zeitung" и др.[78] Там же Блох познакомился и с Вальтером Беньямином, который завершал в Берне свою диссертацию о понятии художественной критики у Гёте и романтиков. Неприятие войны Беньямином привело к его разрыву с прежним философским наставником Густавом Виникеном[79]. Позиция по тому или иному вопросу касательно войны могла стоить начинающему преподавателю карьеры. Так, когда молодой гейдельбергский историк Файт Валентин раскритиковал в печати пангерманский труд Эрнста фон Ревентлова (в будущем — видного нацистского идеолога), против него была развязана публичная кампания, вынудившая его временно оставить университет и работать телеграфистом[80].

---

[76] Watier P. The War Writings of Georg Simmel // Theory, Culture and Society. Vol. 8. 1987. N 3. P. 231.

[77] Lukacs G. Vorwort (1962) // Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch uber die Formen der grossen Epik. München, 1963. S. 5.

[78] Karady E. Ernst Bloch and Georg Lukacs in Max Weber's Heidelberg // Max Weber and His Contemporaries. Ed. by W.J.Mommsen and J.Osterhammel. L., 1988.

[79] Fuld W. Walter Benjamin. Zwischen den Stühlen. Eine Biographie. Wien, 1979. S. 60, 97.

[80] Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. С. 68.

В весьма сложном положении находились подданные каких-либо воюющих государств, оказавшиеся на территории враждебной страны. Так было с известным русским историком Н.И. Кареевым, отдыхавшим летом 1914 г. в Карлсбаде. Карееву и остальным соотечественникам очень помогло вмешательство профессора Берлинского университета Теодора Шимана. Историк России периода царствования Николая I, близкий к кайзеру и консервативным кругам, Шиман традиционно пользовался репутацией русофоба, но обратившийся к нему из чувства солидарности ученых как "братства во Христе" Кареев нашел сочувствие и неизменную поддержку.

Начало военных действий сразу же поставило вопрос о пребывании подданных враждебных держав в академиях и научных коллегиях тех или иных стран. Уже 31 октября 1914 г. по высочайше утвержденному заключению Совета министров из всех общественных организаций должны были исключаться граждане Германии и Австро-Венгрии, что и было проведено в университетах в ноябре 1914 г.[81]. В начале марта 1915 г. на страницах консервативно-националистической газеты "Новое время" был поставлен вопрос не только об иностранных членах Академии, подпадающих под действие этого постановления, но и о степени патриотизма российских ученых немецкой национальности[82]. В частности, в действиях в пользу Германии (передаче рукописей Кеплера, организации съемок Черноморского побережья в 1910 г. берлинскими метеорологами на транспортном судне "Прут") на страницах газеты обвинялся директор Пулковской обсерватории О.Баклунд (швед по происхождению)[83].

---

[81] Иванов А.Е. Российское "ученое сословие" в годы "Второй отечественной войны" // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 61–62.

[82] Еще ранее в приверженности "немецкому духу" авторы "Нового времени" обвиняли фактически всю Академию наук, в особенности тех из ее членов, которые носили "подозрительные" фамилии, вроде К.Г. Залемана и др. (в связи с подрядами на строительство нового здания Библиотеки Академии), см.: Новое время. 1 ноября 1914 г. № 13880. С. 14.

[83] С.К. Какому отечеству служат немцы — члены Российской императорской Академии наук?// Новое время. 2 марта 1915 г. № 13990. С. 4. Члены Отделения физико-математических наук Академии выразили на заседании от 4 марта решительный протест против искажения истины и

Схожие упреки в Англии раздавались по поводу секретаря Королевского общества физика Артура Шустера, родившегося в Германии[84]. В феврале 1915 г. авторы "Воззвания 93-х" были исключены из Академии наук и Академии надписей и изящной словесности Франции (всего 9 человек), а 4 марта 1915 г. — также и из Петербургской академии (за этим стояла инициатива министра просвещения П.Н. Игнатьева и, судя по всему, такого внимательного читателя "Нового времени", как Николай II)[85]. В связи с вопросом об исключении французских членов-корреспондентов и выдающегося английского химика В.Рамзая из Берлинской Академии наук на ее заседании 22 июля 1915 г. по инициативе Макса Планка и вопреки мнению Э.Мейера, Виламовица и др. принятие всех мер по отношению к академиям наук стран-противниц после напряженных дебатов было решено отложить до конца войны[86]; исключенными в Германии оказались упомянутые В.Рамзай (из Баварской академии в марте 1915 г.) и А.Шустер (из Геттингенской академии в 1917 г.). Только 6 (19) февраля 1916 г. под давлением правительства на заседании Петербургской академии были исключены все австрийские и немецкие подданные, кроме лиц славянской национальности (всего 51 ученый)[87]; точно так же поступило

горячее сочувствие и глубокое уважение к О.А. Баклунду. См. публикацию в газете "Речь" "О.А. Баклунд и «Новое время»" (20 августа 1916 г. № 228. С.2.) в связи со смертью ученого.

[84] Badash L. British and American Views of the German Menace in World War I // Notes and Records of Royal Society, L., 1979. N 1/2. P. 97–98.

[85] Соболев В.С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. СПБ., 1993. С. 77. Николай II также выражал после очередного выступления "Нового времени" свое неудовольствие Игнатьеву в связи с тем, что Академия продолжает печатать ряд материалов на немецком языке.

[86] Grau C. Die Berliner Akademie der Wissenschaft in der Zeit der Imperialismus. Teil 1. B., 1975. S. 182–186.

[87] Виноградов Ю.А. Германские ученые — члены Императорской Академии наук и Первая мировая война // Петербургская академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. III. С. 45–51. На заседании было оглашена "Записка академика А.А. Маркова", к мнению которого присоединились В.А. Стеклов и А.М. Ляпунов, резко критиковавшая поспешность и непродуманность принятия подобного рода решений. См. подробнее: Большакова К.Г. Малоизвестный эпизод противостояния

со своими членами из враждебных государств и Британское химическое общество. К началу 1918 г. предполагалось исключить 13 человек и из Британского королевского общества. Во имя согласования подобных действий с союзниками эта акция должна была обсуждаться на первом совещании членов академий стран Антанты в Лондоне в начале октября 1918 г., однако к тому времени неактуальность подобной меры была очевидна[88]. Изоляция науки бывших противников решалась теперь путем бойкота их академической жизни и создания новых международных организаций.

Заключение

Летом 1915 г. шведская газета "Свенска Дагбладет" распространила среди ученых, писателей и деятелей искусства нейтральных или воюющих стран анкету с вопросами о влиянии войны на состояние межнациональных связей в науке и культуре и, главное, о возможности возобновления совместной работы после окончания военных действий. Результаты были малоутешительными: большинство ответивших (а среди них были Эрнст Резерфорд, Анри Бергсон, Рудольф Ойкен, Ганс Дельбрюк, Адольф фон Гарнак и др.) весьма пессимистически оценило перспективы разрешения последней проблемы. Довоенное превосходство Германии во многих отраслях науки и техники с самого начала войны было оспорено учеными стран Антанты не только на уровне деклараций и манифестов, о которых речь шла выше. Для представлений немецких ученых показательно высказывание Э.Трёльча из первого военного выпуска "Internationale Monatsschrift" от начала октября 1914 г., что в условиях разрушения всех интернациональных связей дух европейской научной культуры вполне спокойно найдет себе прибежище именно в Германии[89]. Однако очень скоро обнаружилась опасность подобного рода автаркистских настроений. Примечательно, что, несмотря на общую идеологическую вовле-

---

Академии наук правительству (1914–1916) // Наука и техника: Вопросы истории и теории. (Тезисы) СПб, 2000. С. 14–16.

[88] Badash L. British and American Views of the German Menace in World War I. P. 111–112.

[89] Schroeder-Gudehus B. Deutsche Wissenschaft und internationale Zusammenarbeit. S. 82–83, 85. п. 143.

ченность в "войну духа", призывы к принципиальному прекращению публикаций в журналах противников и после войны[90], равно как и публичный отказ 30 германских ученых от почетных званий "вражеских" университетов в сентябре 1914 г. не встретили одобрения в руководящих кругах немецкой профессуры (например, у Виламовица-Меллендорфа). Для ряда национальных академических сообществ союзников война дала шанс обрести полноценный статус и перехватить академическую гегемонию у немцев[91] (еще одно скрытое обоснование последующего бойкота немецкой науки). Характерным образом подобные претензии выражал в 1917 г. издатель итальянского журнала "Scientia" в письме коллегам из "Nature": "Бесчисленные Archive, Jahrbücher, Zeitschriften, Zentralblättter постепенно монополизировали всё мировое научное производство в целом. Таким образом, внешне они строились как интернациональные научные органы, но в действительности были немецкими инструментами контроля и монополии в науке"[92]. Укрепление научных связей между странами Антанты периода войны — координация исследований, обмен важнейшими результатами и изобретениями, командировки ведущих специалистов[93] —

---

[90] Так, Макс Планк отказался в 1915 г. подписывать соответствующий манифест 16 физиков, составленный Вильгельмом Вином (среди подписавших были также Арнольд Зоммерфельд и будущий национал-социалистический критик Эйнштейна Йоханнес Штарк), опасаясь возможных последствий в "немыслимом случае" возможного поражения Германии, см.: Heilbron J.L. The Dilemmas of Upridht Man. P. 72–73.

[91] Обвинение в подверженности немецкому влиянию адресовалось оппонентам и в идеологических дебатах внутри стран Антанты — так, Н.И. Кареев усматривал его в позиции философов "веховской группы" от увлечения марксизмом в 1890-е гг. до неославянофильства германской выделки военного периода (Кареев Н.И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны. Пг., 1915. С. 81, 86).

[92] Schroeder-Gudehus B. Op. cit. S. 87. Ср. гораздо более взвешенную по отношению к немцам позицию Н.К.Кольцова, отсылающего к мнению английских коллег: Кольцов Н.К. Национальная организация науки// Природа. 1915. 7-8. Стб. 1035-1038.

[93] В отношении России этот вопрос затронут в следующих публикациях: Козлов Б.И. Об оказании Россией продовольственной и иной помощи странам Антанты в 1915–1917 гг. (По неопубликованным документам)// Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 3. С. 105 (о поездке делегации во главе в А.Колчаком в США); Н.Ю. Балошина, И.Ф.

помимо пропагандистско-идеологических факторов было обусловлено практическими нуждами восполнения потребностей военной отрасли в оптических приборах, химических веществах[94], средствах для воздушной и подводной войны, лекарствах и т.д.[95]

Наряду с международной солидарностью пролетариата в ходе Первой мировой войны оказался подорванным и интернациональный дух научного сотрудничества, а ряд созданных в начале века международных организаций этого профиля постигла судьба Второго Интернационала. В первую очередь это затронуло Международную ассоциацию академий. Хотя Берлинская академия и передала свои ведущие (до 1918 г.) полномочия Голландской и заручилась в этом поддержкой Петербургской академии и Лондонского королевского общества, Французская академия категорически отказывалась поддерживать даже косвенные отношения с научными учреждениями противника[96]. Не состоялись намеченные на 1914 г. конгресс ориенталистов в Оксфорде, по антропологии и доисторической археологии в Мадриде (1915), исторический конгресс в Петербурге (1918); из намечаемых до войны крупных научных форумов был в ограниченном формате проведен лишь конгресс американистов в Вашингтоне с минимальным представительством от держав центрального блока[97]. Поэтому естественным шагом было соз-

---

Цветков С.А. Изенбек и разработка корабельных приборов управления стрельбой // Клио. № 3(12). 2000. С. 144 (о командировке С.А. Изенбека в Англию в 1916–17 гг.).

[94] В отношении России эта работа наиболее подробно рассмотрена у А.Б. Кожевникова в готовящейся к печати работе, любезно предоставленной нам в рукописи: Kojevnikov A. The Great War, the Russian Civil War, and the Invitation of Big Science. P. 2–10.

[95] Наиболее подробно проблемы технического сотрудничества стран Антанты периода Первой мировой войны рассмотрены в: Hartcup G. The War of Inventions. Scientific Development 1914–18. L., 1988. P. 38–43.

[96] Grau C. Op. cit. Teil 1. S. 201; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 2. Оп. 1-1925. Д.32. Л.15–17. Резко негативной была реакция на поведение немецких ученых, особенно Э.Мейера, в связи с начавшейся войной у М.И.Ростовцева. См.: Функ Б. М.И.Ростовцев и Берлинская Академия наук// Вестник древней истории. 1996. № 2.

[97] См.: Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // Вестник СпбГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1998. Вып. 4. С. 3–8.

дание нового руководящего органа в области международных научных связей по инициативе ученых стран Антанты, поскольку картель пяти немецких академий вместе с Австрийской располагал во время войны реальными возможностями (при привлечении благожелательных нейтральных академий, вроде Шведской или Нидерландской) заблокировать работу Международной ассоциации академий или участие в ней держав союзников[98]. После предварительного заседания представителей союзников в Лондоне в октябре 1918 г. на конференции в Брюсселе в июле 1919 г. был создан Международный исследовательский совет (а двумя годами позже — Международный союз академий для гуманитарных наук), оба тесно связанные с Лигой Наций. Они состояли из специализированных советов по той или иной дисциплине[99].

Бойкот немецкой науки в первой половине 1920-х гг. стал важным фактором утраты Германией и немецким языком как средством научной коммуникации тех приоритетных позиций, которые были достигнуты на рубеже XIX–XX вв. Процесс возвращения немецкой науки в мировое научное сообщество после Локарнской конференции и приема Германии в Лигу Наций затянулся на 5 лет — с 1926 по 1931 год, когда МНС получил новый устав и был переименован в Международный совет научных союзов[100], а окончательно немецкие, равно как и советские, академические учреждения вошли в него уже только после окончания Второй мировой войны.

---

[98] Особую роль при создании Международного исследовательского совета играл астрофизик Джордж Эллери Гейл, секретарь по международным делам Национальной академии наук США, вначале настроенный на сохранение международных исследовательских организаций даже в условиях войны (при том что сам президент США Вильсон был противником создания сепаратного научного объединения без участия немцев!), см.: Kevles D.J. "Into Hostile Political Camps": The Reorganisation of International Science in World War I// ISIS. Vol. 62. Part. 1. Spring 1971. P. 53–54.

[99] Schroeder-Gudehus B. Op. cit. S. 89–105.

[100] Cock A. Chauvinism and Internationalism in Science: The International Research Council, 1919–1926 // Notes and Records of Royal Society, London. 1985. N 4; Schroeder-Gudehus B. Internationale Wissenschaftsbeziehungen und auswärtige Kulturpolitik 1919–1933. Vom Boykott und Gegenboykott zu ihrer Wiederaufnahme // Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft. S. 858–885.

Значение войны 1914–1918 гг. для научной жизни не сводилось исключительно к цифрам разрушений и потерь, ущербу от разрыва научных связей. Парадоксальным образом можно говорить об определенном прогрессе в науке, сближении ее с государственной и общественной жизнью — не только в смысле военных, оборонных заказов или внутри- и внешнеполитической пропаганды. Крушение старой Европы означало также и своеобразную демократизацию науки, вынужденное преодоление ее элитарного характера как привилегированного занятия узкого круга ревнителей "чистого знания", что прокладывало путь к современной системе включенности социального института науки в развитие технологической цивилизации (см. статьи В.И. Вернадского "Война и прогресс науки", "Задачи науки в связи с государственной политикой в России", 1915–1917 гг.)[101]. Как отметил американский историк Г.Поль, "Новым в Первую мировую войну было не использование науки и технологии в военных целях, но характер и число произошедших изменений... Беспорядочность сменилась институционализацией, случайные консультации — регулярными и постоянными запросами, а зависимость от прометеевских открытий — безостановочными улучшениями существующих технологий. Технологический прорыв Первой мировой войны не был чисто техническим"[102]. В частности, одним из важных аспектов этой эволюции было становление системы специализированных научно-исследовательских институтов (по образцу Общества кайзера Вильгельма в Германии) помимо университетов, политехнических школ и аристократических

---

[101] Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 199–207, 241–251. Относительно последующего советского опыта см.: Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной наукн, 1914–1940 // Вопросы истории естествознання и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

[102] Paul H. From Knowledge to Power. The Rise of Scientific Empire in France, 1860–1939. Berkley, 1985. P. 322. См. также: Елина О.Ю. Мир, войиа и туковый вопрос (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900-1920-е гг.)// Вопросы истории естествозиания и техники. 3. 2001.

ученых коллегий — академий и научных обществ[103]. Можно сказать, что в годы Первой мировой войны был в форсированном виде повторен тот переход от "республики ученых" к национально-государственному принципу организации науки, который однажды уже случился в истории науки в XVII в. Наконец, изменился сам облик и статус науки, ее место относительно общества и государства. Результатом войны стало активное и прямое участие государства в делах науки, создание специальных правительственных органов по координации и поддержке научных исследований. Эти новые организационные формы вышли за пределы чрезвычайных задач военного времени и продолжали действовать, развиваться и совершенствоваться и в условиях последующей мирной работы[104].

В целом трагический и сложный опыт Первой мировой войны подтверждает, хотя зачастую и парадоксальным образом, тезис об усиливающейся связи науки с общественно-историческим процессом по мере углубления процесса модернизации, становления современного типа общества[105].

---

[103]Бастракова М.С. Академия наук и создание исследовательских институтов (Две записки В.И. Вернадского) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. См. в этой связи подробнее о создании и деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России: Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930. СПб., 1999. С. 13–31;

[104]Hartcup G. The War of Inventions. P. 21–37. В США в 1917 г. по инициативе Дж.Э. Гейла был создан Американский национальный исследовательский совет, в Великобритании — Департамент научных и индустриальных исследований, во Франции — Государственный секретариат (управление) изобретений и Секция приложения наук к промышленности в рамках Академии наук, в России — вышеупомянутая КЕПС и Комиссия по изучению племенного состава — в составе Академии наук (последняя — с 1917 г.) и т.д. См.: Kevles D. J. George Ellery Hale, The First World War, and the Advancement of Science in America// ISIS. Vol. 59. P. 4.Winter 1968. P. 431–436; Любина Г.И. Формирование основ научной политики во Франции (с начала XX века до Второй мировой войны). М., 1980. С. 45–46 и др.

[105]Культурные последствия войны, учитывая сравнительные и ретроспективные аспекты проблемы, рассмотрены в монографиях: Wohl R. The Generations of 1914. Cambridge (Mass.), 1979; Eksteins M. Rites of Spring. The Great War and the Birth of Modern Age. Boston, 1989.

Занятия академическими исследованиями еще не обеспечивают сами по себе нейтральности, бескорыстия и безопасности получаемых результатов, поскольку эта связь науки и общества никогда не осуществляется автоматически, но затрагивает любого ученого не только как гражданина или агента политики — а и в его преимущественной роли носителя универсального знания о закоиомерностях объективного мира. Во всех этих случаях ключевой остается тема политической, исторической и интеллектуальной ответственности ученого.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В 1864–1917 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ОБЩЕСТВ КУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

И. Г. Косихина

Социокультурная ситуация в российской провинции, которая отнюдь не идентична культурной жизни столичных центров, как в прошлом, так и сегодня отличается многообразием форм и проявлений. Во второй половине XIX — начале XX веков ее активной составляющей была деятельность добровольных общественных неполитических организаций. Создание этих объединений представляло собой явление вполне закономерное, поскольку государственная власть отдала на откуп общественности такие важные сферы, как внешкольное просвещение и организацию культурного досуга. Возникновению добровольных обществ способствовала и естественная потребность людей в интеллектуальном общении, в реализации собственного творческого потенциала.

Деятельность общественных организаций непосредственно влияла на развитие культурной атмосферы, формирование духовных ценностей, стабилизировала обстановку в обществе, а также отражала настроения населения, его потребности и чаяния в тот или иной исторический период. Общественная активность добровольных объединений дореволюционной России охватывала практически все сферы социально-культурной жизни: науку, просвещение, художественное творчество, социальное обеспечение и другие, причем без материальной поддержки государства. В настоящее время исторический опыт функционирования неполитических

общественных организаций в условиях реформирования российского общества, обсуждения перспектив его развития становится чрезвычайно важен и полезен.

Курская губерния второй половины XIX — начала XX веков представляла собой типичный образец русской провинции. Местная экономика имела аграрный характер, включая слаборазвитый промышленный сектор, занятый переработкой сельскохозяйственной продукции, в котором ведущую роль играли сахарные заводы. Основную массу населения губернии составляли крестьяне, занимавшиеся земледелием. К концу XIX столетия из 2,4 млн. населения губернии в самом Курске, 14 уездных и 2 заштатных городах проживало 222 тыс. чел., или менее 10% курян[1]. Однако местные города, являясь административными и образовательными центрами, имея воинские части с офицерскими кадрами, железнодорожные управления и т.д., располагали значительным числом образованных людей, в том числе с высшим образованием, которое в то время можно было получить только за пределами Курской губернии. В 1897 г. общий уровень грамотности сельского населения губернии составлял лишь 16%, а среди горожан достиг 39%. Из получивших высшее образование проживали: в местных городах — 775 чел., сельской местности — 411 чел.; из закончивших средние учебные заведения общеобразовательного и специального характера (в т.ч. расположенных непосредственно в Курске) соответственно 13766 и 8249 чел.[2] Именно этот контингент людей — главным образом интеллигенция и чиновничество, а также представители поместного дворянства, офицеры местных гарнизонов, купеческая элита — нуждался в культурном общении и полезном досуге.

С 60-х гг. XIX столетия в провинции наблюдается невиданная ранее тяга к объединению как естественная потребность людей в духовном общении. "В маленьких, глухих городах научные, географические или музыкальные общества, особенно те, которые вызывают деятельность более или менее обширного круга любителей, становятся маленькими

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XX. Курская губерния. СПб., 1904. С. 1.

[2] Там же. С. 63.

центрами, своего рода звеном, связывающим маленький городок с обширным миром...", — писал дореволюционный исследователь В.Чарнолуский[3]. И в Курской губернии начинают возникать различные сельскохозяйственные общества, кооперативные союзы, благотворительные и просветительские организации, кружки, собрания, клубы и пр.

Годы	Кол-во открытых обществ	Из них культурно-просвет.
1864–1869	5	2
1871–1879	5	4
1881–1889	26	6
1891–1899	44	17
1900–1917	153	46

Из представленной таблицы[4] видно, что процесс возникновения общественных объединений в губернии шел достаточно интенсивно. Особенно оживленно эти организации начинают возникать с 80-х годов XIX века. При этом нужно заметить, что наряду с юридически открытыми обществами действовало множество кружковых объединений, не имевших юридического статуса.

Такая активность населения по объединению в официально оформленные коллективы, а также настойчивость в их создании заслуживают внимание уже потому, что процесс легализации кружка единомышленников и утверждения его устава был длительным и многотрудным и не ограничивался только лишь горячим желанием открыть новое общество. Перед его учредителями сразу вставала проблема грамотно оформить ходатайство и составить устав в рамках тех требований, которые предъявляло правительство к документации легальных общественных организаций. Всякое отступление

---

[3] Чарнолуский В. Частная инициатива в деле народного образования. СПб., 1910. С. 2.

[4] Подсчитано нами по: Государственный Архив Курской Области (далее — ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1891, 3634, 3976, 7390; Ф. 148. Оп. 1. Д. 1; Оп. 4. Д. 1; Оп. 6. Д. 3; Ф. 333. Оп. 2. Д. 15965, 15966, 15992; Ф. 54. Оп. 1. Д. 2189. РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 40, 81, 92, 152, 293, 547; Оп. 223. Д. 3, 44; Ф. 1286. Оп. 30, Д. 479; Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Курск, 1901.

от канонов грозило неоднократной переделкой положенных документов. Представленный учредителями проект рассматривался многими правительственными учреждениями, каждое из которых могло наложить вето и потребовать доработки и переработки документа, в связи с чем порой утверждение бумаг затягивалось не на один год.

Дело в том, что до 4 марта 1906 года (когда появились Временные правила об обществах и союзах) среди многочисленных российских законоположений отсутствовал один общий закон об общественных организациях; отдельные законодательные нормы были разбросаны по разным частям Свода законов. "При изучении соответствующих частей выходившего в 90-х гг. очередного издания свода прежде всего бросается в глаза контраст между обилием и обстоятельностью норм, направленных на то, чтобы «затормозить, запретить, закрыть и пр.», и бессистемностью и неопределенностью норм «позитивного характера»", — пишет известный исследователь общественных организаций дореволюционной России А. Д. Степанский[5]. Что касается запрещения собраний и союзов, устраиваемых без разрешения царской администрации, то этот вопрос был рассмотрен в царском законодательстве детально и недвусмысленно.

"Иначе обстояло дело с вопросом о разрешении обществ — тут было много неясного и неопределенного. Единственной общей нормой, говорившей о «законном утверждении обществ», оставалась ...ст. 117 Устава о предупреждении и пресечении преступлений", которая "не давала вразумительного ответа на главный вопрос, где и на каких условиях можно получить разрешение на создание общества". "Таким образом, установившийся с начала XX в. порядок разрешения обществ в форме высочайшего утверждения, одобренного Комитетом министра устава общества основывался не на точной букве закона, а на традиции"[6]. После проведения в жизнь либеральных реформ 1860-х годов постепенно право разрешения обществ (кроме обществ, просивших особые льготы и привилегии) перешло к соответствующим минист-

---

[5] Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М., 1980. С. 4.

[6] Там же. С. 7.

рам: внутренних дел, народного просвещения, государственных имуществ и пр. С 1896 г. ввиду многочисленных заявок на открытие обществ, поступавших в министерства, порядок разрешения последних еще более упрощается: разрешение на открытие объединений, принимавших изданные для них министерствами нормальные или примерные уставы, давала местная администрация (губернаторы, градоначальники).

Рассмотрим соответствующую практику на примере утверждения некоторых обществ Курской губернии. Курский губернатор представил 5 февраля 1899 г. в Министерство внутренних дел проект устава Общества любителей драматического искусства в г. Путивле, сообщив, что местных препятствий к утверждению устава не встречается. Кроме Департамента общих дел проект рассматривался в Департаменте полиции и в Главном управлении по делам печати (общество предполагало организовать библиотеку для чтения), причем каждая инстанция вносила свои поправки и замечания, и только 1 июня 1900 года рукописный устав был утвержден сенатором Дурново, о чем МВД сообщило курскому губернатору лишь 26 июня 1900 г.[7] Таким образом, процедура согласования и утверждения устава длилась больше года. А аналогичный процесс учреждения общественного клуба в городе Льгове и утверждения его устава длился более двух лет: заявка на имя губернатора была подана в октябре 1896 года, а устав утвержден после неоднократных переработок лишь в апреле 1899 года[8].

Иногда, чтобы ускорить процесс утверждения устава, учредители общества обращались за помощью к влиятельным лицам, как это было в случае Курского общественного собрания: благодаря ходатайству товарища министра внутренних дел П. Н. Дурново устав был утвержден в рекордные сроки — за один месяц[9]. Дело с легализацией объединения упрощалось и в том случае, если оно создавалось по стандартным ("нормальным") уставам. В представлении губернатором проекта устава Грайворонского общественного собрания на имя министра внутренних дел от 9 июня 1884 г. было

---

[7] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 42. Л. 1–40об.
[8] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5757.
[9] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 435. Л. 1–14.

указано, что проект составлен на основании нормального устава общественных собраний, а согласно уже печатному экземпляру устава, он был утвержден 19 июля 1884 года[10].

4 марта 1906 года был издан первый в России общий закон об общественных объединениях — "Временные правила об обществах и союзах". В этом документе был определен статус общественной организации, рассматривались их цели и задачи, состав участников и пр., а также предусматривалось создание губернских специальных присутствий, рассматривающих вопросы открытия различных обществ[11].

В 1907 году по закону от 4 марта 1906 года в Курске создается Губернское по делам об обществах и союзах присутствие, и, казалось бы, процесс создания объединений должен был упроститься, но тем не менее эта комиссия подходила к вновь создаваемым обществам еще более предвзято, чем центральные правительственные учреждения. Так, с 1907 по 1917 гг. в присутствие было подано 41 прошение об открытии 30 общественно-культурных организаций, причем некоторые общества подавали свои заявки несколько раз (Дмитриевское вольно-пожарное собрание, Ново-Таволжанское общественное собрание, Товарищество курских художников и пр.). Присутствие же разрешило открытие 16 культурных обществ, двадцати четырем в утверждении уставов, а значит, в официальном открытии было отказано под разными незначительными предлогами. Большое количество отказов связано, возможно, с тем, что местные власти перестраховывались, боясь, что данные объединения превратятся в политические и будут использовать свои собрания для революционной пропаганды. Кроме того, сказалось упорное нежелание разрешать устройство общественно-культурных организаций в сельской местности, где не хватало достаточного аппарата для контроля над их деятельностью.

Масштабы деятельности общественных объединений были далеко не идентичны, а определялись типом организации, местными условиями, а также зависели от состава и численности членов общества, его материальных возможностей. В

---

[10] Там же. Д. 81.

[11] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1906. № 27479.

связи с этим не всем учрежденным организациям удалось развернуть активную работу. Тем не менее даже в глухих уголках губернии никогда не прекращалась по-своему интенсивная общественная и культурная жизнь.

Все функционирование добровольных общественных организаций тщательно регламентировалось их уставами, которые "лишь в самой незначительной степени являлись продуктом творчества их учредителей"[12]. Хотя надо заметить, что уставы 60-х годов обладали достаточно произвольной манерой изложения материала, отражавшей индивидуальность составлявшего их автора. Да и в дальнейшем, не имея под рукой справочной литературы по составлению уставов (особенно в уездных городках и сельской местности), учредители руководствовались исключительно собственными соображениями, поэтому некоторые проекты вмещают в себя помимо обязательных пунктов о цели и задачах данного общества, членстве в нем и пр. еще и пункты, оговаривающие правила поведения (т. о. некоторые уставы были фактически своеобразным сборником правил этикета). Интересным образцом последнего служит уже упоминавшийся проект устава Льговского общественного клуба, первоначально не утвержденный МВД именно потому, что его автор внес в документ много личностного и неофициального: "§ 34. Члены клуба должны обходиться с старшинами со всею вежливостью и уважением, как с лицами, которые единственно из угождения обществу приняли на себя труд и заботы, сопряженные с их обязанностью. Равным образом и старшины не должны присваивать себе особенного предпочтения или власти над прочими членами, кроме той, которая принадлежит им по сему уставу; § 61. Никому не воспрещается смотреть на игру, но никто не должен вмешиваться в оную, учить играющих или указывать на ошибки; § 69. Шинели, шляпы, оружие, трости и галоши оставляются в швейцарской; § 70. Если член не доволен экономом или прислугою клуба, то не может самоуправно за то взыскивать с употреблением угроз или бранных слов, но может в таком случае обратиться к старшинам, которые обязаны немедленно разузнать дело и взыскать с виновных. Нарушитель этого правила подверга-

[12] Степанский А. Д. Указ. соч. С. 9.

ется ответственности как за неприличный поступок; § 71. Виновные в нарушении правил приличия, смотря по важности поступка, подвергаются или в присутствии всех наличных членов замечанию со стороны старшин, или же вовсе исключаются из собрания с воспрещением навсегда посещать оное, причем имена и фамилии таких лиц остаются в продолжении года записанными на черной доске"[13].

По мере роста числа общественных организаций и демократизации их состава требования, предъявляемые чиновниками к уставам, становились более жесткими, чему способствовали принятые министром внутренних дел правила от 29 апреля 1897 г. Поэтому уставы многих старых обществ подвергались пересмотру с целью приведения их в соответствие с новыми требованиями. Так, курский губернатор обратился к совету старшин Курского общественного клуба с предложением пересмотреть устав "с целью согласования с современными уставами подобных же собраний и соблюдением требований Департамента за № 21898"[14]. Типовая структура устава была изложена К. Г. фон-Плато в составленных им "Общих указаниях для составителей уставов": "Каждый устав должен начинаться указанием цели учреждения общества и способов достижения этой цели. Далее перечисляются средства, которыми общество предполагает покрывать свои расходы, указывается состав общества, обязанности и права членов, порядок управления его делами и отчетности, и, наконец, приводятся постановления на случай закрытия общества и ликвидации его дел"[15].

Итак, законодательные и уставные акты являлись основой существования легальных общественных организаций. Именно поэтому их роль в процессе образования объединений так значительна. Но, естественно, полного представления о функционировании последних они дать не могут. Сталкиваясь с реалиями жизни, добровольные общества как бы старались втиснуть в жесткие рамки уставов разнообразные, порой неожиданные, формы своей деятельности, ориен-

[13] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5757.

[14] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 292. Л. 14.

[15] Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Сост. К. Г. фон-Плато. Рига, 1903. С. 3.

тируясь на местные условия и потребности членов своих организаций.

Все многообразие форм работы общественных организаций можно условно свести к двум направлениям: внутренняя работа объединения, ориентированная на организацию его членов, и работа, направленная на взаимодействие с широкими слоями местного населения.

Внутреннее функционирование объединений в основном сосредотачивалось на коллективном руководстве деятельностью, осуществлявшемся действительными членами организации на общих собраниях (организационные, годовые, текущие, чрезвычайные). Круг вопросов, рассматриваемых общими собраниями, был широк и разнообразен: на годовых заслушивались и утверждались отчеты, избирались руководящие органы; обычные (или текущие) разрешали вопросы насущные, преимущественно организационные и финансовые, кроме того, на них нередко заслушивались доклады и сообщения; чрезвычайные собирались по каким-либо исключительным поводам, например, для пересмотра устава и пр., наконец, в объединениях художественного направления существовали специальные "исполнительские" собрания, когда члены или репетировали свои номера к концертам и любительским спектаклям, или собирались для музицирования, художественного чтения, обсуждения увиденного и прослушанного.

Первым собранием любого объединения являлось "организационное", на котором формировались правления (или советы), утверждались сметы расходов, а также порядок приема членских взносов. В качестве примера приведем отчет Миропольского общества любителей драматического искусства за первый год своей деятельности, где освещаются вопросы, рассматриваемые на организационном собрании его членов: "Первое общее собрание общества было 26 декабря 1915 года; на нем присутствовали учредители и вновь записавшиеся действительные члены общества, всего 26 человек, т.е. число, достаточное для законности собрания. Общим собранием заслушан был доклад организационной комиссии о состоянии кассы и библиотеки... Вторым вопросом была рассмотрена смета расходов на 1916 год, которая была утверждена в размере 500 рублей... Третьим вопросом были

способы изыскания средств для жизни общества. Это было поручено правлению..." Кроме того, на этом же собрании были избраны члены правления и ревизионной комиссии. Протокол общего собрания, как отмечается в отчете, был подписан 26 действительными членами общества[16] — именно это уточнение указывает на несомненный приоритет собраний во внутреннем функционировании объединений.

К сожалению, протоколы заседаний обществ почти не сохранились. Тем ценнее для нас те отдельные экземпляры, которые дают сведения о порядке проведения собраний. Так, в протоколе Курского юридического общества 10 января 1898 года читаем: "В собрание прибыли: председатель Курского юридического общества И. М. Тютрюмов, товарищ председателя В. А. Барон-Розен, секретарь общества А. Л. Вакулин и действительные члены общества: М. Д. Исаков, Р. И. Либман, М. Ф. Зимовский, Д. В. Базилевич, С. И. Азовкин, А. В. Шрамков, П. А. Русанов, В. Э. Шициский, А. Н. Знаменский, Н. Н. Лоскутов, В. Е. Новиков, А. Н. Неверов, А. А. Леонтьев... и Н. М. Ребиндер, всего 35 членов общества. Собрание было открыто председателем общества в помещении Курского общественного клуба. Председателем общества И. М. Тютрюмовым было сделано сообщение о необходимости распространения среди населения сведений о порядке составления домашних духовных завещаний... Затем собрание перешло к баллотировке в члены общества лиц, изъявивших желание вступить в число действительных членов..."[17] Как видим, собрания состояли из обязательных элементов: заслушивание и обсуждение докладов, вынесение решений, рассмотрение текущих вопросов; все это фиксировалось в специальных журналах.

Примером чрезвычайного собрания служит общее собрание членов Курского музыкального кружка, состоявшееся 8 марта 1911 г. по поводу преобразования последнего в Курское отделение Русского музыкального общества. Инициатива нескольких членов объединения нашла поддержку правления, а затем и остальных членов, которые вынесли

---

[16] ГАКО. Ф. 148. Оп. 9. Д. 1. Л. 40.

[17] Протокол собрания Курского юридического общества 10 января 1898 г. Курск, 1898. С. 1, 18.

решение на общем собрании: "ходатайствовать перед дирекцией Императорского Русского музыкального общества о преобразовании кружка и состоящей при нем музыкальной капеллы в Курское отделение Императорского Русского музыкального общества с классами при нем"[18].

Организационные, годовые и чрезвычайные собрания обществ были по преимуществу закрытыми, т.е. на них могли присутствовать лишь члены объединения. Но существовала также практика публичных собраний с участием всех желающих (это касалось в основном объединений просветительского и художественного характера). Общественный подъем 90-х годов XIX века способствовал тому, что число публичных заседаний увеличилось. Обычно о публичных собраниях обществ давались объявления в местных газетах, после заседания там же помещался отчет об их проведении. Так, в "Курских губернских ведомостях" за 1890 год помещена корреспонденция о заседании Общества курских врачей: "С наступлением текущего года в Курске... возобновило свою деятельность общество врачей... Заседания общества публичны и проходят ежемесячно каждое 20-е число в доме уездного земства... Курская публика относится совершенно индифферентно к этим заседаниям, не посещает их, хотя они вполне того заслуживают. Вопросы, разрабатываемые в собрании врачей, не лишены интереса для курян...: об исследовании пищевой воды в Курске, об организации в Курске статистики смертности, о выписке лекарств из заграницы и т.п. 20 июля читался г. Чураковым реферат о земском приюте подкидышей..."[19]

По уставу кворум общих собраний требовался небольшой — 1/3 членов объединения — из-за большого числа иногородних членов, не имевших возможности присутствовать на заседаниях регулярно. Это положение устава, как правило, выполнялось на практике. Так, на годичное собрание Курского купеческого собрания 20 декабря 1912 года прибыло, согласно протоколу, 206 человек действительных членов из 655 зарегистрированных, т.е. 31%[20]. Но порой и

---

[18] Курская газета. 1911. 13 июля. С. 3.
[19] Курские губернские ведомости. 1890. 24 июля. С. 1.
[20] ГАКО. Ф. 33. Оп.2. Д. 15968. Л. 5.

такого количества участников собрания не набиралось. В 1902 году при Курском реальном училище было организовано "Общество содействия экскурсиям учеников Курского реального училища для ознакомления с отечеством". О намечаемом организационном собрании объединения директор училища известил повестками родителей учащихся, изъявивших желание стать его членами, но собрание так и не состоялось, так как в указанный день прибыло только пять родителей. Об этом с сожалением сообщила "Курская газета": "...несмотря на то, что приглашались в праздничный день..., когда ... большинство приглашаемых были свободны, собралось всего 5 человек родителей... Это тем более досадно, что, когда устав только проектировался и был предложен родителям, то до 200 человек изъявили желание сделаться его членами. А когда устав учрежден и это намерение приходилось осуществить, желание стать членами общества явилось только у пяти родителей. А учащихся в местном реальном училище до 600"[21].

В более "благополучных" объединениях общие собрания играли важную роль в решении всех возникающих проблем и вопросов (учитывая постоянный дефицит материальных средств), поэтому собирали большую часть членов и были очень оживленными. К примеру, новооскольский корреспондент "Курской газеты" сообщает: "Очень продолжительное и шумное заседание было 3 марта в общественном собрании по случаю созыва общего собрания членов этого учреждения. Вопросы о найме помещений и музыки были решены довольно быстро, несмотря на то, что наем музыки — это острый вопрос для нашего клуба, возникающий каждый год. Средства клуба, не превышающие 2000 рублей ежегодного дохода, почти не дают возможности затрачивать на одну только музыку 1500 рублей... Таким образом, возник вопрос об изыскании средств на содержание музыки, одним из этих средств является предполагаемое установление входной платы на музыкальные вечера летнего сезона... летнее клубное помещение находится в городском сквере, и поэтому установление этой платы может последовать только с согласия городского управления... собрание постановило:

---

[21] Курская газета. 1902. 24 апреля. С. 1–2.

обратиться в городское управление с предложением об установлении входной платы..."[22]

В связи с тем что порядок проведения собрания тщательно регламентировался уставами, на них обсуждались лишь те вопросы, "которые относятся непосредственно к определенной уставом деятельности общества и о которых заблаговременно доведено до сведения начальника местной полиции". Как правило, подобные извещения не были пустой формальностью. Кроме того, повестка дня собраний часто печаталась в местной прессе. Ответственность за точным исполнением повестки собрания, как и за соблюдением порядка на нем, нес председатель. За этим тщательно следила не только полиция, но и сами члены объединения.

Камнем преткновения в существовании объединений была их материальная база и финансы, которые складывались из членских взносов, пожертвований и поступлений с публичных мероприятий. В наиболее выгодном положении находились общественные собрания и клубы, так как к этим источникам дохода у них прибавлялись поступления от продажи карт и буфета — но, с другой стороны, и расходы клубов были значительными. Так, доход Курского общественного клуба в 1885 г. составлял 40 995 рублей, расход исчислялся суммой в 38 078 рублей (плата служащим, арендная плата, покупка продуктов, приглашение симфонического и духового оркестров, устройство вечеров, спектаклей, концертов, благотворительность и пр.)[23]. Заботясь о благосостоянии клуба, его руководство обзаводится паями, акциями и другими ценными бумагами (уже к 1905 году ценных бумаг имелось на сумму до 3000 рублей), приобретает движимое и недвижимое имущество (к 1905 году клуб владел устройствами для электрического освещения ценностью, превышающей 5000 рублей); в самом заведении всегда хранились припасы и вина на немалые суммы (в 1906 г. — припасов и карт на 5066 руб.). К 1916 году клуб имел движимого имущества на сумму 17 429 рублей, недвижимого (построй-

---

[22] Курская газета. 1902. 12 марта. С. 3.

[23] См.: Танков А. А. Исторический очерк Курского общественного клуба. Курск, 1913.

ки в клубном саду) — 13 658 рублей[24]. Курский общественный клуб являлся одним из крупнейших субъектов городского хозяйства. Самым удачным клубным годом в хозяйственном отношении можно считать 1909/10, когда его капитал насчитывал свыше 90 000 рублей, а доходы превышали 70 000.

Аналогично складывалась финансовая деятельность и других общественных собраний Курска, которые оперировали немалыми суммами денег. Интересно, что доходы общественных собраний позволяли им вести свое строительство. Курское купеческое собрание затратило на строительство театра в городском саду 6143 руб.[25] Это здание — единственное в Курске, построенное специально для театральных представлений (городской театр размещался в приспособленном здании манежа), а для его строительства впервые применялся новый материал — железобетон. Другие клубы строили сооружения из дерева, стараясь вложить в постройку минимум денежных средств. К примеру, Курский общественный клуб соорудил в 1911 году деревянное здание для летнего театра в Пушкинском саду. Чтобы удешевить постройку, все части здания были легкой конструкции, стены зрительного зала были "закрытыми на протяжении лож, далее же они открыты. На случай ненастной погоды открытая часть зрительного зала... защищаема от ветра и дождя с помощью парусиновых занавесей"[26]. Строительной деятельностью занимались и общественные собрания в уездах, возводя для себя, насколько это позволяли финансовые возможности, деревянные здания, как зимние, так и временные летние: двухэтажное здание со зрительным залом и сценой, освещаемой керосиновыми лампами, было выстроено усилиями общественного собрания в городе Дмитриеве[27]; летнее деревянное здание, имеющее восемь помещений (веранду, бильярдную, читальню, приемную, столовую, зал, комнату прислуги, кухню), построило в 1910 г. в городском саду Новооскольское общественное собрание[28].

---

[24] Отчет Курского общественного клуба за 1915-16 год. Курск, 1916.
[25] ГАКО. Ф. 33. Оп.2. Д. 15251.
[26] Там же. Д. 15263. Л. 2.
[27] Там же. Д. 15844.
[28] Там же. Д. 14942.

В наименее выгодном свете выглядело материальное положение музыкально-драматических обществ, имеющих лишь скромные доходы от членских взносов, немногочисленных пожертвований, массовых мероприятий, а также с процентных бумаг. Так, доход Фатежского музыкально-драматического общества в 1909/10 году составлял всего 380 рублей и складывался из членских взносов (126 рублей), продажи входных билетов на исполнительский вечер и концерт (120 рублей) и пр. Расход же выражался в сумме 304 рубля; основными статьями расхода были организация концертов (65 рублей), приобретение хозяйственных принадлежностей (79 рублей), отчисление на благотворительность (83 рубля), выписка журналов, нот, пьес (24 рубля)[29]. Приход Мирополького общества любителей драматического искусства в 1915/16 году составил 420 рублей (из них членских взносов — 222 рубля, доходов от спектаклей и театральных вечеров — 150 рублей, пожертвований — 32 рубля), расход — 313 рублей (наем помещений — 42 рубля, движимое имущество — 43 рубля, выписка книг и журналов — 176 рублей и пр.)[30]. Т.о. общества не получали практически никакой прибыли, все доходы тратились почти до копейки, поэтому проценты с капиталов были минимальными (в 1909/10 году Фатежское музыкально-драматическое общество получило всего 99 копеек). Движимое имущество творческих объединений также было невелико: обычно музыкальные инструменты (рояль, виолончель, балалайки и пр.), библиотека нот и пьес, иногда переносная эстрада, набор стандартных декораций и т.п.

В своей деятельности общества не замыкались в себе, а уделяли большое внимание массовой работе с широкими слоями местного населения. Эта работа преследовала несколько целей: во-первых, она была источником материальных средств для самого общества, во-вторых, позволяла реализовываться потенциальным талантам и активности большинства членов организаций, давала выход их творческой энергии, в-третьих, разнообразила жизнь городов и сельских поселений, делал досуг обывателей более интересным, что в

[29] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8155.
[30] ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1.

определенной мере стабилизировало обстановку в обществе в целом.

Популярности общественных организаций способствовала издательская деятельность. Она не являлась обширной, тем не менее объединения старались регулярно печатать отчеты о своей деятельности в виде брошюр, иногда небольшими книжечками выходили отдельные доклады. Общественные собрания печатали каталоги своих библиотек (каталог книг и журналов Курского общественного клуба выходил дважды, был снабжен правилами пользования клубной библиотекой и поступил в свободную продажу). Кроме того, каждое массовое мероприятие обязательно анонсировалось в печати и с помощью специальных афиш.

Активная деятельность общественно-культурных организаций вызывала пристальное внимание к ней со стороны местной администрации и правоохранительных органов, стремившихся регламентировать ее настолько, чтобы каждый шаг членов объединений находился под постоянным контролем. В арсенал контролирующих средств входили ежегодные отчеты обществ перед губернатором и Министерством внутренних дел, регулярно посылаемые властям извещения о своих заседаниях, а также ходатайства на проведение любого массового мероприятия (лекции, народного чтения, спектакля, концерта, бала, маскарада, вечера и пр.), присутствие полицейских чинов на них с обязательным последующим отчетом перед губернатором о правильном расходовании денег, полученных с продажи билетов, и т.п. Под особый контроль попадали общества "неблагонамеренные", нарушающие устав и отступающие от стандартного поведения, ожидаемого местной администрацией, к которым власти сначала применяли предупредительные меры, а если те не давали желаемого результата — закрывали: так в 1907 г. было закрыто Общество содействия начальному образованию в Курской губернии, в 1909 — Льговское общественное собрание, в 1915 — Щигровская общественная Марковская библиотека.

Изучение состава учредителей, участников и руководителей общественно-культурных организаций показало, что он был достаточно пестрым и зависел от многих местных условий, главным из которых являлось наличие инициативных и

предприимчивых людей, заряженных положительной творческой энергией и умеющих ее реализовать. Инициаторами создания организаций обычно выступали наиболее активные члены общества. Собирая у себя друзей и знакомых, они пытались разнообразить досуг и с этой целью устраивали вечера, любительские концерты и спектакли, на некоторых собраниях читались просветительские доклады и т.п. Когда же движение по созданию легальных общественных организаций распространилось из столиц на российскую провинцию, инициаторы получали реальные примеры легализации своей деятельности. Этот процесс еще более расширился в связи с появлением уставов легальных общественных организаций в печати.

В качестве типичного примера приведем историю создания старейшей общественно-культурной организации в Курской губернии — Курского общественного клуба. Его созданию предшествовали неоднократные попытки представителей курского общества организационно объединиться. Первая из них относится еще к 1842 году, когда несколько горожан, являвшихся членами Московского английского клуба, решили организовать аналогичный клуб в Курске. Следующая попытка была предпринята уже в 1860 году. В этот период в течение зимних сезонов в доме дворянского собрания традиционно устраивались вечера для дворян, имевшие клубный характер, что подготовило почву для организационного оформления такой деятельности. В связи с этим курский губернский предводитель дворянства Н. Я. Скарятин обратился к губернатору за разрешением открытия клуба для "лиц благородного сословия" и утверждения устава этого объединения. Клуб планировался как сословное учреждение "для мужчин с той целью, дабы лицам дворянского сословия доставлять удовольствие и развлечение и вообще приятное препровождение времени в кругу общества и знакомых". Естественно, что членами клуба и его посетителями, по уставу, могли быть только дворяне и "...по особенным только уважениям, в среду их могли быть допущены лица из чиновников и потомственных почетных граждан..."[31] Проект устава был утвержден в феврале 1861 г. в МВД, но клуб так и не

[31] Танков А. А. Указ. соч. С. 1–2.

открылся, так как число желающих оказалось незначительным. И уже через год куряне вернулись к идее учреждения клуба, но уже как всесословного объединения, почему он и получает название "общественный". На сей раз план его организации и деятельности разрабатывает жандармский полковник А. М. Герасимов, в доме которого в течение зимнего сезона собирались будущие члены-учредители, играли в карты, устраивали вечера. А. М. Герасимов прибег к прогрессивному для того времени нововведению — своеобразному референдуму по вопросу о необходимости открытия клуба в Курске. Он рассылает опросные листы к горожанам с предложением выразить свое согласие на вступление в члены клуба. Аналогичные анкеты рассылаются по губернии предводителем дворянства Н.Я.Скарятиным. В течение нескольких дней на это предложение откликнулось более 200 горожан и 50 человек, проживающих в уездах. В августе на квартире вице-губернатора К. П. Буткова члены-учредители обсуждали проект устава клуба и вопросы о материальных основах его открытия и существования. В этом же году курский губернатор П. А. Извольский разрешает открыть клуб в нанятом помещении и передает проект устава в МВД, где последний был утвержден 14 сентября 1864 года.

В зависимости от направления работы общественного объединения несколько разнился состав его учредителей. Но в виду того, что не во всех заявках и рукописных уставах указывался род занятий лиц, учреждающих данное общество, его невозможно проследить по каждому объединению в отдельности. В связи с этим мы объединяем известных нам учредителей в два больших коллектива: учредители общественных клубов и собраний и учредители литературно-музыкально-театральных обществ.

Всего сводный коллектив учредителей общественных собраний, согласно имеющимся данным в уставах, насчитывает 183 человека. Из них наибольший процент падает на землевладельцев — 78 чел. (42,6%), следом идут купцы — 38 (20,8%), затем чиновники — 20 (10,9%). Представителей интеллигенции (инженеры, учителя, врачи, архитектор) немного — 14 чел. (7,7%); служащих — 11 (6%), представителей администрации — 6 (3%), на долю остальных учредителей (мещане, дворяне, крестьяне, почетные граждане) при-

ходилось всего 6,6% (12 чел.). Т.о., костяк учредителей общественных собраний состоял из землевладельцев, купцов и чиновников, что говорит не только об активности этой категории населения, но и о целях данных общественных объединений: разнообразить досуг обывателей их ежедневными сборами в собрании за игрой в карты, лото, бильярд, а также устройством разнообразных увеселительных мероприятий для членов их семей.

Несколько иначе складывался состав учредителей творческих обществ. Здесь в сводном коллективе насчитывается 86 чел., а состав его выглядит следующим образом: представителей интеллигенции — 27 чел. (31%), чиновников — 20 (23%), дворян — 7 (8%), представителей администрации и потомственных граждан по 6 (соответственно по 7%), купцов — 5 (5,8%), остальных (крестьяне, военные, иждивенцы, мещане, полицейские, казак) всего 15 чел. (17%). Отсюда следует, что основное ядро учредителей творческих объединений занимала интеллигенция и близкая ей по духу группа чиновников. Наиболее мобильные, не подверженные ретроградным традициям, эти категории населения активно стремились к общению, выработке собственного самосознания, приобщению к культуре, занятию просветительской деятельностью.

Наибольшую активность в организации объединений (по данным фонда 148 Государственного архива Курской области, где содержатся дела Курского губернского по делам об обществах и союзах присутствия) проявляли горожане — 22 общества, или 72,3%. Впереди шел губернский Курск — 7 обществ, или 23%. На долю остальных 10 городов, каждый из которых подал 1–2 заявки, приходилось 15 обществ, или 50%. В сельских населенных пунктах была проявлена инициатива в создании 8 культурных обществ, что составляет лишь 26,7% всех случаев. Причем этими пунктами являлись две крупные слободы с торгово-промышленным населением (Борисовка и Михайловка), три селения с сахарными заводами (Ново-Таволжанский, Ржевско-Павловский, Теткинский), а также д.Сапогово и с.Поныри, где располагались соответственно лечебное заведение и железнодорожная станция. Наличие в этих населенных пунктах небольших групп интеллигенции способствовало созданию обществен-

ных объединений. Собственно крестьянские поселения в этом процессе не участвовали.

Из-за формальных придирок Курское губернское по делам об обществах и союзах присутствие отвечало отказом на культурные инициативы сельской интеллигенции. Единственным исключением оказалось прошение 1907 года об открытии "Общества содействия распространению среднего образования в Путивльском уезде с центром в городе Путивле" (т.е., по сути, данное общество относится к смешанной группе сельско-городских обществ с центром в городе), которое поставило своей целью "содействовать распространению образования в населении Путивльского уезда и города" путем открытия в уездном центре мужской прогимназии и создания интернатов для сельских учащихся при существующих средних учебных заведениях[32].

Участниками общественно-культурных организаций могли быть широкие слои населения, что и отражалось в уставах. Но фактически проследить количественный и качественный состав обществ не представляется возможным из-за отсутствия сведений. В лучшем случае в отчетах давалось число участников объединения, и только для одного общества известен сословный состав.

Наиболее посещаемыми были, конечно, клубы и общественные собрания, но и здесь количество их членов зависело от местности, где располагалось данное объединение, наличия других обществ. Так, в "Ведомости существующих в городах Курской губернии увеселениях за 1892 год", направленной губернатором в ведомство Императрицы Марии, были приведены следующие данные о количественном составе обществ, существующих в губернии в этот период:

"1.	Курск	Общественный клуб, в котором состоит 476 членов с годовой платою 10 руб. с каждого...
2.	Белгород	Клуб — общественное собрание, в котором состоит 46 членов с платою за зимний сезон по 15 руб. с каждого, а за летний — по 10 руб. с каждого...

[32] ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.

3.	Грайворон	Общественное собрание, в котором 52 члена с платою 10 руб. с каждого в год.
4.	Дмитриев	Общественное собрание... 31 человек... по 16 руб. с каждого в год.
5.	Короча	Общественное собрание ... 44 члена... по 15 руб. с каждого в год...
6.	Льгов	Никаких увеселений нет.
7.	Новый Оскол	Иногда бывают любительские спектакли с благотворительной целью.
8.	Обоянь	Общественный клуб... 24 члена... по 10 руб. с каждого в год.
9.	Путивль	Общественное собрание, в котором 29 членов с платою по 10 руб. с каждого в год...
10.	Рыльск	Общественное собрание, в котором 93 члена с платою по 15 руб. с каждого в год.
11.	Старый Оскол	Общественное собрание, в котором 53 члена с платою по 10 руб. с каждого в год.
12.	Суджа	Общественный клуб, в котором 44 члена с платою по 15 руб. с каждого в год.
13.	Тим	Никаких увеселений нет.
14.	Фатеж	Иногда бывают любительские спектакли...
15.	Щигры	Семейно-драматический кружок, в котором 46 действительных членов и 12 членов-посетителей с платою первые по 15 руб. с каждого в год, а последние — по 10 руб. с каждого в год..."[33]

Кроме того, на запрос ведомства Императрицы Марии о числе военных собраний в Курской губернии губернатор 12 августа 1893 года сообщил: "...в Курской губернии имеется два военных собрания: одно в г. Курске, а другое в г. Белгоро-

[33] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3976. Л. 26–28.

де, в первом 240 членов со взносом 6 руб. в год каждом, а во втором 43 — каждый из которых взносит по 12 руб. в год..."[34]

Членами общественных собраний являлись преимущественно представители сословий, принявших активное участие в их организации. В связи с этим широкую общественность заботил вопрос о недопущении превращения этих объединений в чисто сословные учреждения. Открытие Курского общественного клуба повлекло за собой живейшее обсуждение данной проблемы жителями города. В статье, напечатанной в "Курских губернских ведомостях" сразу после основания общества, автор рассуждает об истоках и развитии подобного рода учреждений в России и о том, каким надлежит быть местному клубу: "Клуб, получивший свое начало в Англии, потом перешедший во Францию и другие государства, есть закрытое общество, собирающееся в известное время и в данном месте для бесед или для приятного препровождения времени, или же для достижения других целей, например: споспешествования успеху наук и искусств, а иногда и для совещания о делах государственных. Конечно, у нас клубы существуют только для первой из приведенных нами целей, то есть для приятного и разумного, по возможности, препровождения времени..., но тем не менее и в таком виде характер клуба должен носить на себе отпечаток той степени просвещения, до которой достигло общество. В наших клубах прежней формации главной отличительной чертою всегда являлось разграничение сословий; отсюда разные сорты клубов: клуб дворянский, клуб купеческий...", где весьма часто принимались в соображение ранг, класс и положение, занимаемое лицом в общественной иерархии.

Курский общественный клуб распространяет "новый, лучший взгляд" на эту проблему: участие в нем предоставлено лицам всех сословий "вследствие неотъемлемого права каждого... человека участвовать в разумном и просвещенном обществе..." Все это устраивало курское общество в целом, "...так как люди разных профессий и сословий нашли себе в клубе доброе подспорье к частной жизни и опасались его потерять". "Если Курский клуб сохранит это начало не на одних только страницах своего устава, то нам останется

---

[34] Там же. Л. 49об.

предсказать ему прочность и долголетие...", — завершает свою статью автор[35]. Клуб вопреки опасениям остался всесословным объединением, что подтверждает его растущая популярность в городе, выраженная в числе членов собрания: 1865 г. — 232 чел., 1869 — 245, 1870 — 253, 1885 — 497, 1887 — 334, 1892 — 476.

Что касается общественных объединений художественной и просветительной направленности, то представители интеллигенции являлись их творческим костяком, самыми активными членами. К примеру, в музыкально-драматическом кружке при управлении Московско-Киево-Воронежской железной дороги устроителями спектаклей являлись служащие дороги. В любительских спектаклях, устраиваемых в деревне Сапогово при психиатрической больнице, актерами были ученики и ученицы фельдшерской школы, служащие больницы, служащие губернской земской управы и т.п. "У нас только народилось новое общественное учреждение — кружок любителей драматического искусства, устав которого утвержден министром внутренних дел в первых числах сентября... В новом кружке участвует вся местная интеллигенция", — пишет в 1901 году фатежский корреспондент "Курской газеты"[36]. Благодаря активности этой части населения в общества вливались и другие слои. Обратимся за примером к составу Миропольского общества любителей драматического искусства Суджанского уезда: в 1916 году в нем было 56 действительных членов, а членов-соревнователей — 47 человек (всего 103 человека)[37]. Можно проследить социо-профессиональный состав действительных членов этого общества:

учителя	24 чел.,	или 42,2 %
купцы	7	12,5
служащие	7	12,5
студенты	6	10,7
иждивенцы	4	7,1
представители администрации	3	5,4

[35] Курские губернские ведомости. 1864. 5 декабря. С. 396–397.
[36] Курская газета. 1901. 8 ноября. С. 2.
[37] ГАКО. Ф. 148. Оп.9. Д. 1. Л. 41–42.

церковные служащие	2	3,6
юрист	1	1,8
домовладелец	1	1,8
крестьянин	1	1,8

Еще интереснее состав членов-соревнователей. В связи с тем что действительными членами, согласно уставам, не могли быть несовершеннолетние, в списке членов-соревнователей в основном именно эта категория населения: из 47 человек 13, или 27,7%, являлись учащимися (семинаристами, ученицами), 10 человек, или 21,3%, — учителями; 5 человек, или 10,6%, — купцами; 4 человека, или 8,5%, были студентами и курсистками; количество крестьян увеличилось до 4; 3 члена-соревнователя, или 6,3%, являлись служащими в различных учреждениях; по 2 человека, или 4,3%, принадлежало к таким категориям, как врачи, домовладельцы, дьяконы; наконец, в данный состав входил 1 подрядчик и 1 дворянка (соответственно по 2,1%).

Мы видим, что доминирующую роль в основном составе (действительных членов) играли учителя, но начинает проявляться и активность купцов, для которых приобщение к творчеству служило целям самоутверждения и самовыражения. Кроме того, появляется еще одна энергичная и инициативная составляющая творческих объединений — студенты, приезжающие на каникулы к родственникам и сразу же включающиеся в общественную жизнь своих городов. Эта категория членов, можно сказать, являлась связующим звеном между столицами и провинцией, так как привносила в уездную жизнь почерпнутые в крупных городах новации.

Проследить динамику роста творческих обществ из-за отсутствия сведений не представляется возможным, но все же их численность, если и уступала общественным собраниям, была значительной. Так, по сведениям уездного исправника, в 1895 году Курское общество любителей музыкального и драматического искусств насчитывало более 100 человек[38], аналогичные общества в уездных городах Белгороде (1899 г.) — 67 действительных членов[39], Дмитриеве (1906 г.) — 60 чело-

[38] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5679. Л. 3.
[39] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5729. Л. 19об.

век[40], Фатеже (1910 г.) — 66[41], Льгове (1911 г.) — 47[42]. Что касается просветительных обществ, то, например, "Общество содействия начальному образованию в Курской губернии" в 1902 году насчитывало 560 действительных и 1 почетного члена[43].

Успешность повседневной деятельности общественных объединений, их внутренняя жизнь, взаимодействие с населением, а зачастую и их судьба зависели от удачно избранных правлений. Ведь функции последних состояли не только в подготовке собраний и выполнении их постановлений, правления осуществляли текущие сношения с различными учреждениями, организациями, официальными и частными лицами. Поэтому в состав подобных советов необходимо было привлечь людей влиятельных и уважаемых. Выборам правления придавалось большое значение. В первой официально созданной общественной организации Курской губернии — Курском общественном клубе (1864 г.) — в совет старшин на первом клубном собрании были избраны курский вице-губернатор К. П. Бутков, уездный предводитель дворянства Н.П. Болычевцев, жандармский полковник А.М. Герасимов, губернский прокурор Г. Т. Кущев, советник губернского правления В. Д. Ширмовский, инспектор врачебной управы И. Ф. Тихомиров, курский полицмейстер В. М. Скирмундт, купец, а впоследствии городской голова А. В. Тихонов, член губернского по крестьянским делам присутствия В. Н. Евреинов. Таким образом, руководящий центр клуба в основном состоял из представителей губернской администрации. Причем в этом "элитном" общественном объединении на протяжении всей его истории в совет старшин неизменно избирали наиболее влиятельных членов губернской верхушки, но в отдельные годы состав руководителей демократизировался. Так, в 1866 г. из 18 выбранных старшин и кандидатов к ним 10 человек являлись представителями администрации города, 6 — землевладельцами и 2 — купцами; в 1879 году на 11 выбранных в совет приходилось

---

[40] Там же. Д. 7776. Л. 8.
[41] Там же. Д. 8155. Л. 5.
[42] Там же. Л. 47.
[43] Отчет общества содействия начальному образованию в Курской губернии за 1902 год. Курск, 1903. С. 1.

4 представителя администрации, 3 военных, 2 представителя интеллигенции (учитель и инженер) и 2 чиновника; в 1912, юбилейном, году (клубу исполнилось 50 лет) старшинами клуба являлись 6 представителей администрации, 5 чиновников и 1 учитель[44].

Если не удавалось выбрать в правление общества влиятельных людей (особенно в уездной глубинке), их обязательно избирали почетными членами, чтобы повысить статус объединения. Например, почетными членами Белгородского общества любителей музыкального и драматического искусств в 1899 году были избраны "курский губернатор ...граф Алексей Дмитриевич Милютин, командир 31-й артиллерийской бригады генерал-майор Владимир Александрович Ярмерштадт, белгородский предводитель дворянства Николай Петрович Волков, председатель белгородской земской управы Вадим Карлович Сильверсван, директор белгородской гимназии Владимир Александрович Фукс, бывший белгородский предводитель дворянства князь Дмитрий Александрович Волконский, бывший председатель распорядительного комитета общества Михаил Васильевич Борисенко, председатель музыкальной комиссии Харьковского музыкального кружка Петр Иванович Кравцов..." (число действительных платных членов общества в этот период составляло 63 чел.)[45]. Звание почетного члена в принципе ни к чему не обязывало человека, которому оно присваивалось, но служило защитой в работе общества да и тешило самолюбие его участников. Именно поэтому курский губернатор был почетным членом почти всех создаваемых на территории губернии объединений.

Функции членов правления (совета) в основном распределялись следующим образом: председатель, его товарищ, секретарь, казначей и несколько членов. Обычно в правление входило до 12 человек. Иногда указанный орган имел более широкий круг должностей. К примеру, в Мирополь-ском обществе любителей драматического искусства в правление в 1916 году "выбраны следующие лица: председатель П. И. Слюнин, заместителем к нему Р. В. Куликов; секрета-

---

[44] Танков А. А. Указ. соч. С. 13–14.
[45] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5729. Л. 19–19об.

рем правления И. Ф. Былев, заместитель Н. П. Ерошничев; заведующим библиотекой — Н. Т. Куликову, заместителем Н. П. Лопаткину; кассиром — А. В. Рожкова, заместителем В.П. Баранова; заведующего хозяйственной частью П.В. Говоркова, заместителем — Т. Я. Маркова; режиссером Г. Г. Помаленького, заместителем Л. В. Богомаз; сценариусом Е. Н. Щеглинского, заместителем С. Т. Лазареву"[46].

Заседания правлений проходили по мере надобности, периодичность заседаний определялась каждым советом, исходя из объема текущей работы и целей общества. В обществах небольших (например, музыкально-драматических) их было немного: в Белгородском обществе любителей музыкальных и драматических искусств в 1899 г. — всего 5; в аналогичном обществе города Фатежа в 1909/10 г. — 8. Правления крупных обществ с разветвленной системой и большим объемом работы, естественно, собирались чаще: в Обществе содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 г. и до конца 1899 г. прошло 28 заседаний.

На заседаниях правлений рассматривались самые разнообразные вопросы. Первостепенное значение уделялось проблемам материальным, так как именно руководители объединений заведовали имуществом и капиталами, наблюдали за своевременной уплатой членских взносов, а также определяли "способы изыскания средств для жизни общества". В этой связи советы организовывали платные увеселительные мероприятия, публичные лекции, сбор средств по подписным листам, помещали средства общества в банки, а с целью получения дополнительного дохода организовывали при клубе буфет и обеды. Иногда это приводило к нарушению устава, как это было в случае с Суджанским общественным клубом. Суджанский уездный исправник в рапорте на имя курского губернатора от 26 августа 1908 г. сообщил, что совет старшин клуба без разрешения губернатора и управляющего акцизными сборами отдал в аренду за плату 1050 рублей в год кухню, буфет и бильярд крестьянину Даниилу Григорьеву Бухоненко, "не ограничив его в контракте к выполнению устава Клуба..." Арендатор с ведома старшин, чтобы извлечь больше денег, "стал допускать... в буфет, бил-

[46] ГАКО. Ф. 148. Оп.9. Д. 1. Л. 40.

лиардную и две будки в саду разнокалиберную публику, как то поваров, лакеев и лиц сомнительной репутации, а также учеников разных средних учебных и низших заведений, приезжающих в каникулярное время к родственникам...", продавая им водку и пиво, разрешая играть на бильярде и в карты на деньги. Урядник потребовал закрыть клуб, в связи с тем, что последний "превращен в грязный трактир и служит рассадником безнравственности". По этому факту по требованию губернатора была проведена проверка, и клуб не закрыли лишь потому, что сменился состав членов, куда "вошли многие из местной интеллигенции" и самого правления, которое возглавил предводитель дворянства, что, по мнению уездного исправника, "гарантирует порядок в клубе"[47]. Впрочем, подобные нарушения были редки. Ведь правление регулярно отсчитывалось о своей финансовой деятельности перед собранием и проверяло наличные суммы вместе с ревизионной комиссией. Так, в докладе ревизионной комиссии по проверке отчета Курского купеческого собрания за 1909/10 г. содержится настоящий панегирик в адрес совета старшин и их финансовой деятельности: "Приложив насколько только можно было все свои старания и труд, члены ревизионной комиссии могут с чувством засвидетельствовать здесь, что, во-первых, все отчетные статьи ...и оправдательные документы оказались совершенно правильными, что деятельность старшин была вполне успешно направлена к росту престижа нашего собрания и что, наконец, те меры, которые старшины принимали для поднятия доходности собрания, оказались в высшей степени разумными, даже такое рискованное, на первый взгляд, предприятие, как устройство на открытой сцене спектаклей и других развлечений, которые, несмотря на большие расходы, вполне оправдали себя и, кроме этого, доставили гг. членам Собрания большое развлечение. Почему мы, члены ревизионной комиссии, считаем нравственным долгом просить общественное собрание выразить благодарность старшинам за их выдающуюся деятельность..."[48]

---

[47] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7921.

[48] Отчет Курского купеческого собрания с 1-го ноября 1909 г. по 1-е ноября 1910 г. Курск, 1910. С. 3.

Кроме материальных вопросов правления занимались массой других насущных проблем, начиная от найма помещения для своего общества, приобретения мебели, устройства библиотеки и пр., до обязательного каждодневного дежурства по клубу (собранию, кружку). Вот, например, протокол рядового заседания 18 января 1871 г. старшин Курского общественного клуба, подписанный Чуриловым, Горошковским, Чеботаревским, Бесединым: "Старшины Курского общественного клуба в заседании своем имели суждение: 1) о том, что необходимо завести книгу для выписывания распоряжений гг. Старшин во время их заседаний, 2) чтобы каждому из членов клуба иметь у себя для известности список всех членов клуба, 3) чтобы не было никаких недоразумений в получении членских билетов, 4) были поставлены вопросы: могут ли члены клуба получать обеды и закуски из клуба на квартиру и 5) имеют ли право члены клуба заказывать в клубе обеды на столько кувертов, насколько каждый пожелает? Вопросы эти были разрешены так: ...2) немедленно отпечатать список всех наличных членов клуба в алфавитном порядке и раздать его членам клуба; 3) каждый из вновь избранных в члены клуба непременно должен расписаться в назначенной книге в получении членского билета и устава клуба; 4) не члены не имеют права брать обедов на квартиру; 5) каждый из членов клуба, по соглашению со старшиной-распорядителем, имеет право заказать столько обедов, сколько пожелает, но с тем условием, чтобы каждый гость, приглашенный к этому обеду, вносил установленную за вход в клуб плату (50 коп.) и был записан на имя пригласившего его члена..."[49]

Судя по отчету Белгородского общества любителей музыкального и драматического искусств, предметами занятий распорядительного комитета, стоявшего во главе объединения, были "приглашение лиц в оркестр и хор, назначение дней репетиций, назначение времени концертов, составление репертуаров, приглашение дирижеров для хора и оркестра, установление платы за место в концертах, приобретение движимого и недвижимого, необходимого для общества имущества, разрешенного общим собранием, составление

[49] Танков А. А. Указ. соч. С. 13–14.

годового отчета и созвание общего собрания"[50]. К этому в собрании правления Миропольского общества любителей драматического искусства добавлялись следующие рассматриваемые в 1916 году вопросы: "...1) открыть подписку на библиотеку; 2) принимать пожертвования; 3) вербовать членов общества, руководствуясь § 3 ...устава; 4) выписка журнала «Русская мысль»..."[51]

Члены правлений не только следили за исполнением постановлений общих собраний, но и предварительно подготавливали выносимые на них вопросы, а также рассматривали заявления членов. Если заявления касались важных проблем жизнедеятельности объединения, создавались специальные комиссии, детально их прорабатывающие. Примером служит история с арендой летнего сада Курским общественным клубом, о необходимости найма которого заявили в 1877 г. 30 членов клуба. Советом старшин была образована специальная комиссия из семи человек, которой поручалось составить проект и смету на устройство летнего помещения. Комиссия представила обстоятельный доклад с указанием возможных вариантов аренды городских садов: "...1) два смежных сада, принадлежащих Курскому уездному училищу и мещанину Гончарову на Московской улице... оба сада находятся в центре садов двойного городского квартала и вполне удалены от уличной пыли... Расход по приспособлению садов к помещению клуба... должен составить единовременно 6575 рублей или с некоторыми сокращениями 4800 рублей; 2) Лазаретный сад... Аренда этого сада оплачивается в 500 рублей в год...; 3) сад А.Д.Гофманнес — несколько меньше Лазаретного, с небольшим прудом, довольно хорошо устроен и чисто содержится, Сдается он за 2500 рублей в год". К своему докладу комиссия приложила смету на сооружение построек в саду, планы зданий, которые должны быть воздвигнуты. Совет старшин и общее собрание неоднократно возвращались к рассмотрению этого вопроса, но из-за отсутствия достаточных средств переход "на летние квартиры" состоялся лишь в 1890 году[52].

---

[50] ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5729. Л. 19об.
[51] ГАКО. Ф. 148. Оп.9. Д. 1. Л. 41.
[52] См.: Танков А. А. Указ. соч. С. 31–33, 57–58.

Именно члены правления занимались делопроизводством своего объединения. Большей частью это было ведение протоколов или специальных журналов, куда записывались постановления общественных собраний. В Курском общественном клубе по постановлению совета старшин была заведена "особая прошнурованная и скрепленная подписью секретаря книга для записи распоряжений совета старшин" и книга для записи заявлений членов клуба. Кроме того, старшины отвечали на входящую корреспонденцию, а также сами делали многочисленные запросы в разные инстанции по делам общества.

Труд членов правления чаще всего был безвозмездным в виду ограниченности средств обществ, но благополучные в материальном плане объединения (такие, как Курский общественный клуб) порой оплачивали деятельность председателя. "В начале 1906–1907 клубного года состоялось... важное постановление ...совета старшин...: упорядочить во всех отношениях дела клуба... избранием старшины-распорядителя, который бы ведал всеми отраслями клубного хозяйства... Такое мнение совета... одобрило общее собрание членов в клубе 1 декабря 1906 г. с назначением старшине-распорядителю вознаграждения по 2400 рублей в год. По единогласной просьбе совета старшин старшина клуба В. В. Чичинадзе изъявил согласие принять на себя обязанности старшины-распорядителя..."[53]

Естественно, что такой объем работы не всегда был под силу людям, желавшим быть в составе правлений. Когда за этим желанием не было ни организаторских способностей, ни умения вести кропотливую ежедневную работу, а дыры в бюджете общества постоянно приходилось "залатывать", в правлениях начинались конфликты, как это было в "Обществе благоустройства окраин города Курска", где в результате разногласий в руководстве объединением образовалось два параллельно работающих правления, что привело к развалу организации. Порой же конфликты в правлениях лихорадили и вполне устоявшиеся, старинные общества города, как, например, Курский общественный клуб: "1882–1883 г. в жизни клуба ознаменовались крупными разногласиями..., едва не

[53] Там же. С. 103.

приведшими к крушению клуба"; "...конфликты ... возникли на почве клубного хозяйства и клубных финансов и привели к тому, что в 1882/83 клубном году три раза избирали правление (23 ноября, 29 ноября и 19 февраля), так и не придя к согласию в решении наболевших вопросов, часть выбранных членов правления демонстративно покидало его". Эту ситуацию еще подогревала пресса: в Курском листке была напечатана полемическая статья о создавшемся в клубе положении. "...Мало-помалу единомыслие было восстановлено и нарушенное равновесие возобновилось..."[54]

Таким образом, амбиции людей, желающих быть у власти, но не умеющих этого, могли разрушить не одно доброе начинание. Тем более это касалось правлений, советов, распорядительных комитетов, являющихся стержнем любого общества, которые не только организовывали внутреннее функционирование организации, но и осуществляли постоянную связь с государственными органами и местным населением. В конечном итоге деятельность руководящих центров объединений зиждилась на конкретных людях, обладающих организаторским талантом и неуемной творческой энергией, и если такие энергичные руководители покидали общество, их деятельность порой сводилась на нет. Как бы подтверждением этого является небольшая корреспонденция из Дмитриева в "Курской газете" за 1902 год, в которой упоминается Э. К. Абрамович, председатель управы города, инициатор учреждения вольно-пожарной дружины и Дмитриевского общества любителей музыкальных и драматических искусств: "...его усилиями многое внесено в жизнь дмитриевцев хорошего..." Видимо, энергия и инициатива этого человека будоражила сонную жизнь городка, так как с его выездом музыкально-драматические вечера прекратились. "Пожарная дружина заснула: не видно их подготовки к выездам, но зато разгуливают везде в своих форменных фуражках... правду сказать у Дмитриева только и шику — форменные фуражки", — с горечью сетует корреспондент[55].

Деятельность общественно-культурных организаций Курской губернии (общественных клубов, просветительных и

---

[54] Танков А. А. Указ. соч. С. 36.

[55] Курская газета. 1902. 18 июля. С. 2.

художественных обществ) была универсальной, полифункциональной, то есть охватывала практически все сферы социально-культурной жизни: организация культурного досуга, просвещение, художественное воспитание и развитие населения, благотворительность, что, несомненно, популяризировало эти формы объединения среди местного населения (в основном интеллигенции), нуждавшегося в интеллектуальном общении и культурном досуге. Изучение социокультурного процесса на территории Курской губернии показывает огромную значимость общественной инициативы в российском обществе второй половины XIX — начала XX веков.

САРАТОВСКИЕ ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИКИ : ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОЙ ГРУППЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Мартина Меспуле

Как известно, земства были созданы законом от 1 января 1864 года. Задачей этой реформы являлось "по возможности полное и последовательное развитие начала местного самоуправления", — положение было введено в 34 губерниях Европейской России. В рамках закона земствам были поручены организация и финансирование некоторых обязательных услуг, например, содержание дорог, борьба с пожарами, страховое дело. Кроме того, в компетенцию земской деятельности входила организация здравоохранения и народного образования в губернии. В этой области земства располагали большой свободой.

Для выполнения всех подобных задач земствам, естественно, пришлось пригласить профессиональных специалистов. По данным В. К. Трутовского[1], в 1890 году число земских служащих составляло приблизительно 20 000, а в начале XX в. уже 80 000 человек. Среди них многие руководители отделениями и работами земской управы окончили университет и другие высшие учебные заведения Москвы или Санкт-Петербурга. Кроме высшего образования характерной чертой этих земских специалистов было участие в местной общественной жизни в разных областях: не только в управлении земскими делами, но и в обществах взаимопомощи, кружках самообразования и культуры.

Таким образом, возникает следующий вопрос: можно ли говорить относительно земских специалистов только как о провинциальной интеллигенции или их характер был более разносторонен? Чтобы ответить на него, необходимо рас-

[1] Трутовский В. К. Современное земство. Петроград, 1914.

смотреть конкретные формы участия земских специалистов в местной жизни губернии. Я остановлюсь на одной профессиональной группе — земских статистиках.

Статистические данные и местные исследования представляли абсолютную необходимость для целесообразной организации земского дела. Первые статистические бюро организовывались во второй половине 1870 годов, а большинство из них было открыто в следующем десятилетии. Выбранный мной пример Саратовского земства интересен тем, что оно начало проводить статистические исследования уже с середины семидесятых годов, а в 1882 г. открыло статистическое бюро. Как и во многих других губерниях, бюро было открыто тогда, когда необходимость сбора точных сведений о сельском хозяйстве стала совершенно очевидной: толчок к организации статистических работ в Саратовской губернии дал неурожай конца 1870-х годов. Губернское земское собрание 1880 года поручило избранной им продовольственной комиссии разработать меры по предупреждению в будущем бедствий населения от голода[2]. В числе других мер комиссия признала необходимым и предложила Саратовскому губернскому земскому собранию образовать при губернской управе особое статистическое отделение под непосредственным руководством специалиста-статистика. Очередное губернское земское собрание 1881 года утвердило предложение комиссии и губернской управы, отпустив средства на проведение статистических работ в 1882 году.

Характерные черты формирования группы саратовских земских статистиков: штат из приезжих

Первым директором статистического бюро был Л.С. Личков. Как и его преемники на посту главы бюро, он приехал из Москвы. Приезжими были не только директора и их помощники, но и большинство рядовых статистиков. Эту ситуацию объясняют следующие факторы: В начале 1880-х годов, окончив университет или институт, московские и петербургские студенты нередко вынуждены были заниматься поисками работы, в том числе и в провинции. С другой сто-

[2] ЦСУ РСФСР, 50 лет советской статистики в Саратовской области. Саратов, 1968. С. 34

роны, земства испытывали потребность в кадрах разных специальностей. Первыми саратовскими статистиками были выпускники юридического и физико-математического факультетов Московского университета[3]. Кроме того, некоторые из прибывших учились в Петровской земледельческой академии в Москве. Наконец, несколько человек получили образование в одной из семинарий Поволжья.

Что касается руководителей статистического бюро и их помощников, их прием на работу происходил по другой схеме. Как и в других губернских городах, земство в Саратове приглашало специалистов на должность директора статистического бюро по рекомендации известного московского земского статистика, В. И. Орлова. Сам Орлов, бывший ученик знаменитого статистика А. И. Чупрова, руководил статистическим бюро Московского земства. Именно он положил начало земской статистике во многих губерниях[4]. Вслед за изданием первых статистических трудов Московского земства многие губернские земские управы обратились к нему за содействием в организации местной статистики. Так, в 1880 году Орлов принял участие в выработке программ и в самом проведении статистических исследований в Тамбовской и Курской губерниях. В Самарской, Воронежской, Орловской и Смоленской губерниях он принимал активное участие в организации земских статистических бюро, а в Саратовской, Рязанской, Полтавской, Таврической и Пермской губерниях Орлов участвовал в выработке плана первых статистических исследований и в организации управой соответствующего отделения, особенно по вопросу о назначении директора. На эту должность он рекомендовал сотрудников или бывших сотрудников своего московского бюро. Большинство из них являлось выпускниками юридического факультета Московского университета или Петровской академии. Таким образом, по всей территории земств сформировалась сеть специалистов-статистиков, подготовленных к

---

[3] Государственный Архив Саратовской Области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3644.

[4] См.: Караваев В. Ф. Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы со времени учреждения земств, 1864–1903 г. СПб., 1906. Вып. 1. С. 273–277.

работе по методам Московского земского статистического бюро.

Не только В. И. Орлов, но и его помощники, в частности Н. А. Каблуков, играли значительную роль в организации статистических исследований разных губерний. Саратовские статистики, очевидно, были частью этой общеземской сети. Так, первый директор местного бюро Л.С. Личков окончил курс Петровской академии и впоследствии был принят на работу Саратовской губернской земской управой по рекомендации Орлова. До своего приезда в Саратов он работал статистиком под руководством Орлова в Рязанской губернии[5]. Кроме того, Л. С. Личков сосостоял членом Московского юридического общества, во правлении которого играли важную роль А. И. Чупров и В. И. Орлов. Все последующие руководители саратовским статистическим бюро были назначены по рекомендации В. И. Орлова, а после его кончины — по рекомендации его близкого помощника и преемника во главе московского бюро Н. А. Каблукова.

С 1885 по 1892 гг. саратовское бюро возглавлял С. А. Харизоменов. Выпускник юридического факультета Московского университета, он начал заниматься статистикой во Владимирской губернии в 1880 году, а затем работал в Таврической губернии под начальством помощника В. И. Орлова К. А. Вернера[6]. С. А. Харизоменова сменил Н. Н. Черненков. И он получил опыт профессиональной работы статистика в московском бюро при Н. А. Каблукове. В 1894 году Черненков пригласил в качестве помощника В. И. Серебрякова, будущего директора бюро.

С конца XIX в. система устройства на работу претерпела, однако, некоторые изменения. Хотя, как и предыдущие руководители, В. И. Серебряков стал сотрудником саратовского бюро по рекомендации бюро московского, он приехал в Саратов и как политический ссыльный. В 1890-е гг. большинство специалистов-статистиков приезжали в Саратов именно в таком качестве. Политическими ссыльными были почти все помощники Н. Н. Черненкова (за исключением одного человека), а с 1904 года и нового директора, В.И. Серебрякова.

---

[5] ЦСУ РСФСР, 50 лет советской статистики в Саратовской области. С. 33.
[6] Там же. С. 42.

Большинство ссыльных были бывшими студентами московских и петербургских высших учебных заведений, арестованными по политическим причинам или только по подозрению в политической деятельности, как в случае с арестом В.И. Серебрякова. Поскольку ссыльным был закрыт доступ в столицы и они лишались права работать в государственной администрации, им приходилось искать место либо в частных организациях, либо в городских или земских управах.

Биография В. И. Серебрякова в этом отношении типична. Он родился в семье московских мещан. Окончив Московское коммерческое техническое училище по специальности статистика, в 1881 году Серебряков занялся статистическими исследованиями под руководством В. И. Орлова в Московской и Рязанской губерниях. Затем служил в Курском и Орловском земствах. В Орле его и арестовали по доносу в 1888 году. После освобождения в следующем, 1889 году Серебряков был вынужден заняться поисками работы. До 1893 года он занимал различные временные должности в администрации Орловской и Нижегородской губерний — в земстве и в других учреждениях[7]. С апреля 1893 года он проживал под негласным надзором полиции в Саратове. Здесь Серебряков начал работать в губернском земстве. В первые месяцы он служил бухгалтером в ревизионной комиссии губернской управы, а весной следующего года стал статистиком управы. Наконец, благодаря Н. Н. Черненкову, который взял его на должность своего помощника, Серебряков получил постоянное место. После отъезда Черненкова из Саратова в 1904 году Серебряков стал во главе губернского земского статистического бюро и занимал эту должность вплоть до 1928 года, уже в советской администрации.

Профессиональная биография В. И. Серебрякова иллюстрирует главные особенности формирования профессиональной группы земских статистиков в России в конце XIX века: земские статистики составляли широкую сеть на всей территории земств; ее члены знакомились друг с другом еще в университете либо в одном земском статистическом бюро, а

[7] ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 48 (1893 г.)

старшие члены этой группы были знакомы скорее по обстоятельствам политической ссылки. Сплочению в едином коллективе особенно способствовала совместная работа при проведении исследований в уездах губернии. Каждая группа из нескольких человек проживала три-четыре месяца в какой-нибудь глухомани. Большинство статистиков знали друг друга — во всяком случае, по фамилии. Эту сеть отличала большая солидарность — ведь еще в 1921 г. на январской статистической конференции, обращаясь к своим коллегам, бывший земский статистик П. А. Вихляев говорил о "нашей статистической семье" [8].

Поскольку земские статистики в конце XIX века были одной из наиболее образованных групп земских служащих[9], эти кадры играли огромную роль, особенно в губерниях, где, как долгое время в Саратове, не было высших учебных заведений. Администрация самоуправления обретала в их лице экспертов и консультантов по экономическим и социальным вопросам земства. Когда земством управляли либеральные гласные, как, например, в Твери, Воронеже, Чернигове, Саратове, можно констатировать, что земские специалисты составляли вместе с гласными управы единую местную интеллектуальную элиту. Разумеется, несколько иная ситуация была в земствах, где за либералами не было большинства.

Исследование Саратовского земства тем более любопытно, что некоторые гласные губернской управы были видными деятелями российского земского либерального движения. Председателем губернской управы с 1899 по 1902 гг. был Н. Н. Львов — основатель вместе с П. Б. Струве либерального журнала "Освобождение", один из организаторов Союза Освобождения, а затем партии кадетов. Другой видный либерал Саратовской губернии, А. Д. Юматов, возглавлял земскую управу с 1903 по 1906 гг. Еще одним активным деятелем либерального движения местного земства был профессор Московского университета, член Союза Освобождения

---

[8] Доклад П. А. Вихляева, О постановке статистического образования // Вестник статистики. №№ 1-4. 1922. Приложение. С. 22.

[9] По данным А.В. Пешехонова, см.: Абрамов В. Ф. Земская статистика: организация и практика // Вопросы статистики. № 3. 1996. С. 65–72.

С. А. Котляревский. Здесь также можно упомянуть Д. А. Олсуфьева и А. М. Масленникова.[10]

Этих либеральных гласных и большинство статистиков объединяло полученное высшее образование в Москве или Петербурге, в особенности на юридическом факультете Московского университета; они разделяли стремления к новой политической системе — к конституционному и парламентскому режиму.

Формы участия статистиков в местной общественной жизни

Роль профессиональных экспертов делала саратовских статистиков частью административной элиты земства. Они принимали активное участие и в общественной жизни губернии. Так, С. А. Харизоменов был активным членом местного отдела Императорского московского общества сельского хозяйства; в 1889 году он организовал земскую выставку по сельскому хозяйству и кустарному промыслу. Харизоменов активно участвовал и в работе Саратовской ученой архивной комиссии. В последующем директора статистического бюро занимались деятельностью обществ взаимопомощи, устройством народных библиотек, а в 1906 г. в Саратове открылся Народный университет. Статистики были также членами ученых обществ, например, местного отделения Общества естествоиспытателей и любителей естествознания[11]. В этом и в Саратовском санитарном обществе, встречаясь с земскими врачами, ветеринарами и либеральными гласными земства, они обсуждали как профессиональные, так и общественно-политические вопросы.

В конце XIX века в Саратове существовала целая сеть разнообразных кружков и обществ. При Обществе любителей изящных искусств, созданном в начале 1890-х гг., были устроены студия живописи и музыкальная школа, проводились студенческие вечера. Такие вечеринки давали возможность представителям разных политических течений и кружков выступать с докладами и лекциями по литературным и

---

[10] См.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977.

[11] См.: Адрес-календари Саратовской губернии на 1898, 1900 и на 1906 гг.

политическим вопросам[12]. В деятельности этого общества участвовали вместе с другими земскими служащими и некоторые статистики.

В общем, радикалы и либералы в разных областях местной жизни соприкасались друг с другом, так что можно по праву говорить о "либерально-радикальном союзе"[13]. В начале XX в. статистики, как и в целом земские служащие, стали общепризнанными деятелями губернской общественной жизни; в том числе на разных выборах. Так, в 1906 году В.И. Серебряков и его помощник И. И. Гильгенберг были выборщиками по городу Саратову в Первую Государственную Думу. В июле 1917 года на выборах в городскую думу два служащих-статистика из партии эсеров проходили от общего эсеровско-кадетского списка.

Хотя статистики достаточно хорошо интегрировались в местную жизнь провинции, они были и частью общеземского профессионального круга.

Саратовские статистики в общеземской профессиональной среде

По данным В.Ф. Абрамова, накануне революции 1917 г. в земских статистических бюро насчитывалось около трех тысяч служащих, среди которых более 1200 — статистики[14]. Членов этой большой профессиональной группы объединяли профессиональные навыки исследования и обработки данных, поскольку, как указывалось, практическая подготовка помимо одних и тех же университетских факультетов была ими получена прежде всего в рамках единой школы В.И. Орлова. Таким образом, передача профессиональных знаний осуществлялась как в старых цеховых организациях: общим приемам и методам исследований учились у старших и более опытных сотрудников.

Кроме того, заведующие земскими бюро и их помощники регулярно встречались по случаю заседаний статистических обществ и съездов. В 1880-е гг. самым активным в организа-

---

[12] Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Т. 2. Ч. 1 (Под ред. И. В. Пороха). Саратов, 1995.

[13] Ср. Fallows Th. S. Forging the Zemstvo movement: Liberalism and radicalism on the Volga, 1890–1905. PhD. Harvard, 1981.

[14] Абрамов В.Ф. Указ. соч. С. 71.

ции земской статистики было Московское юридическое общество. В 1883 году в его отделении насчитывалось 59 членов, из которых 22 представляли провинциальные бюро. В 1887 г. здесь было организовано первое совещание земских статистиков. Большую роль в развитии земской статистики сыграли также Императорское вольное экономическое общество и Общество имени Чупрова, преемник Московского юридического общества.

На заседаниях обществ обсуждались вопросы по предметам и методике статистических исследований. На базе исследований в разных губерниях рассматривались итоги отдельных работ и намечались принципы и рекомендации для будущих губернских программ, которые каждое земское статистическое бюро пыталось затем применять самостоятельно. Таким образом, в конце XIX века обобщались опыт и новые методы, например выборочный метод[15].

Большую роль в развитии статистики сыграли также периодические съезды. По свидетельству В.Ф. Абрамова, "именно они способствовали выработке единого понимания основных задач статистических исследований и отдельных вопросов, способствовали единству программ, совершенствованию техники собирания материалов и их сводки, вскрывали недостатки"[16]. Важное значение имели и съезды различных обществ, прежде всего естествоиспытателей и врачей. Так, в 1894 г. около ста специалистов-статистиков обсуждали вопрос о продолжении подворных переписей; на совещаниях и съездах земских статистиков участвовали и представители академической статистики, например А.А. Кауфман. Т.о., общеземские совещания и съезды создавали единую базу теоретических знаний и практики, а также способствовали созданию общих для всей группы представлений и ценностей.

Но земские профессиональные съезды отличала и еще одна особенность — здесь обсуждались также экономические и политические вопросы[17]. Как общеземские, так и гу-

---

[15] См.: Mespoulet M. Personnel et production du bureau statistique de Saratov. Histoire d'une professionnalisation interrompue (1880–1930). Thèse de doctorat, EHESS. P., 1999.

[16] Абрамов В.Ф. Указ. соч. С. 70.

[17] Пнрумова Н. М. Указ. соч.

бернские съезды были своего рода политической ареной для земского либерального движения, что подчеркивало их общероссийское значение. Саратовские статистики играли активную роль и в издании местного земского журнала "Саратовская Земская Неделя", который издавался в 1893–1905 гг. и помещал в том числе много материалов общероссийского значения.

Как в итоге следует охарактеризовать самосознание саратовских земских статистиков? Можно ли считать их только провинциальной элитой? На основе вышеизложенного, мне кажется, стоит скорее говорить об их двойном самосознании или двойной принадлежности, поскольку политические представления, профессиональная практика и научные концепции объединяли служащих общеземской сферы, как и всех членов новой профессии — статистиков — по всей стране.

В профессиональном отношении между работой местных статистиков в Саратовской губернии и коллективными научными интересами не было никакого разрыва. Губерния служила обширным полем применения и эксперимента для приемов и методов, обсужденных общероссийскими научными и профессиональными обществами и совещаниями. В политическом отношении земство давало прежде всего ссыльным возможность участвовать в управлении экономическими и общественными делами, несмотря на их правовой статус. Дальнюю цель — перемену политического режима в России — они не теряли из виду и на службе земскому самоуправлению.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ГОРОДА ТАМБОВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.С. Туманова

Отличительной чертой российской интеллигенции являлась высокая социальная активность. Она выступала идейным вдохновителем целого ряда общественных движений, политических партий, определяла направления развития отечественной культуры. Отдельной страницей истории интеллигенции стало ее участие в формировании и деятельности легальных общественных организаций — добровольных, самоуправляющихся объединений, в значительном количестве появившихся в России в конце XIX — начале XX вв. Дореволюционные авторы называли их "обществами частной инициативы", подчеркивая их неформальный характер и нацеленность на удовлетворение частных интересов и потребностей.

Общества вторгались в такие сферы жизни, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, существенно дополняя здесь действия правительства и органов местного самоуправления. Изучение опыта и традиций общественной самодеятельности, роли интеллигенции в ней позволяет показать специфику и противоречия процесса формирования в России институтов гражданского общества.

В качестве модели нашего исследования взят отдельный губернский город средней России — дореволюционный Тамбов. Внешний облик города, состав и численность[1] на-

[1] Население Тамбова достигало к началу XX в. 50 тыс. человек. В составе населения преобладали крестьяне (49,7%), дворяне составляли 11%, мещане — 29%. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 42. Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. 54-55.

селения — все характеризовало его как типичный провинциальный губернский центр. Провинциальный уклад жизни накладывал отпечаток на содержание и направленность интересов, уровень культуры и способы проведения досуга горожан.

Нельзя отрицать, что по своей насыщенности общественная жизнь провинциального города уступала столичной. Однако изучение Тамбова рубежа веков опровергает бытовавший в литературе стереотипный взгляд на провинцию как на общество с невысокими стандартами быта и нравов, удаленное от основных путей развития национальной культуры. В основе своей социально-культурное бытие провинции и столиц мало отличалось: здесь происходили сходные процессы развития общественной самодеятельности, протекала по-своему интенсивная духовная и интеллектуальная работа, создававшая условия для занятий просветительством, наукой и искусством.

Начавшаяся с эпохой "Великих реформ" 60-70-х гг. XIX в. модернизация общественного строя затронула провинциальный Тамбов, способствуя уменьшению его отставания от культурных центров страны. Во всех областях жизни губернского города чувствовалось пробуждение новых веяний и настроений. Ранее всего они пробивали себе дорогу в области образования. Если в 1894 г. в городе насчитывалось 37 школ, то в 1913 г. их число возросло до 46 и 7 планировались к открытию[2]. О растущем в обществе интересе к образованию свидетельствовала пресса, быстро откликавшаяся на перемены и ощущавшая переломный характер переживаемой эпохи. "Время вековой тишины там — в глубине России — миновало безвозвратно; там уже требуют серьезных знаний"[3], — писала газета "Тамбовские отклики". "Общая тяга к культуре охватила и нашу губернию ... Книга, журнал и газета начинают входить в обиход обывательской жизни"[4], — вторила ей "Тамбовская жизнь".

---

[2] Народное просвещение // Памятная книжка Тамбовской губернии на 1894 год. Тамбов, 1894. С. 332; Тамбовский край. 1913. 6 декабря.

[3] Тамбовские отклики. 1914. 16 января.

[4] Тамбовская жизнь. 1914. 11 июня.

В начале века в Тамбове издавалось около пятнадцати периодических изданий различной идейно-политической направленности. В основном это были частные газеты и журналы. Они в большей мере, чем официальная периодика, удовлетворяли интерес к живому печатному слову, отражали многообразные стороны губернской жизни. Обогащалась городская жизнь и такими неизвестными ранее формами культурно-просветительской работы, как публичные лекции, литературные и музыкальные вечера. Возросшие интеллектуальные запросы горожан удовлетворяли библиотеки и читальни. Судя по содержанию читательских требований, литературные вкусы тамбовской публики были достаточно развитыми. Высокий спрос предъявлялся на произведения классиков русской литературы — Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Известностью пользовались столичные журнальные издания: "Вестник воспитания", "Русское богатство", "Современник"[5]. По числу подписчиков на популярный в среде либеральной интеллигенции историко-политический журнал "Вестник Европы" Тамбов занимал в 70-е гг. XIX в. одно из первых мест среди нестоличных городов России[6].

Позитивные перемены наблюдались в сфере художественной культуры. В Тамбове появился кинематограф, возникли театральные и художественные студии, стали устраиваться выставки, симфонические концерты, профессиональные оперные спектакли и театральные постановки, известные ранее лишь столицам. На сцене тамбовского театра гастролировали выдающаяся актриса Малого театра Г.Н. Федотова, актер МХАТа В. И. Качалов, состоялся дебют И.М. Москвина и т.д.

Изменение качества жизни происходило также благодаря развитию средств коммуникации. С отстроенной железнодорожной веткой через уездный город Козлов уходила в прошлое былая обособленность губернии, уменьшалось время трансляции культурных явлений, ускорялся обмен информа-

---

[5] Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 27, 80 об., 129, 165, 284, 286; Тамбовские отклики. 1914. 3 мая.

[6] См. таблицу в очерке: Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М., 1998. С. 179-180.

цией с другими городами империи. Способом интеграции в общероссийскую культурную среду стало участие в праздновании крупных юбилейных торжеств — таких, как столетие Отечественной войны 1812 г., трехсотлетие царствования дома Романовых, пятидесятилетие земских учреждений.

Расширению политического кругозора горожан, приобретению ими навыков практической деятельности способствовало участие в избирательных кампаниях и текущей работе органов самоуправления. Широкий общественный резонанс получали выборы в городскую думу, в ходе которых устраивались многолюдные предвыборные собрания, обсуждались альтернативные списки кандидатов.

Закономерным итогом общественного развития Тамбова на рубеже веков стало изменение социальных настроений горожан, рост их самосознания и гражданской активности. "Тамбовский обыватель сделал большой шаг вперед в сторону роста общественного самосознания, роста интереса к тому, что ... выходит за пределы нашего личного существования. Обывательщина сменяется общественностью..."[7], — отмечал журналист — социал-демократ В. Н. Подбельский. Опыт самостоятельной общественной и культурной работы делал городскую жизнь все менее изолированной от остального мира, гармонично включал ее в общую систему культурного взаимодействия.

Ведущую роль в общественной жизни Тамбова играла интеллигенция[8]. Отмена крепостной зависимости, либеральные преобразования в социальной сфере, бурное экономическое развитие страны на рубеже веков диктовали необходимость повышения уровня культуры и образованности российского общества и расширяли сферу приложения сил работников интеллектуального труда. Это повлекло за собой численное увеличение интеллигентской прослойки в городах. В Тамбове в 1897–1917 гг. численность интеллигенции возросла с 1054 до 2041 человек (в том числе работников

---

[7] Тамбовская жизнь. 1913. 26 мая.

[8] К интеллигенции автор относит людей, профессионально занимавшихся интеллектуальным трудом в различных сферах — учителей, медицинских работников, представителей свободных профессий, духовенство, инженеров, адвокатов, чиновников, учащихся высших и средних учебных заведений.

учебно-воспитательной и культурно-просветительной сфер — с 466 до 748 человек, медицинского персонала — с 420 до 502 человек)[9].

Говоря о мотивах общественной деятельности российской интеллигенции, следует заметить, что стремление к самоотверженному служению своему народу всегда было присуще лучшей ее части. Потребность интеллигенции в объединении с целью обсуждения волнующих вопросов общественной жизни, организации совместного досуга объяснялась также особенностями русского национального характера, такими его чертами, как общительность, открытость помыслов и чувств по отношению к окружающим. Размышляя об умонастроении русского интеллигента той эпохи, современный историк культуры Б. Ф. Егоров усматривает в нем "меньше прагматики и корысти, чем у западного специалиста, и больше романтического желания обсуждать все мировые проблемы, явления мировой культуры, способы преобразования родной страны"[10].

Как социальную группу, не принадлежавшую к какому-либо определенному сословию и стремившуюся представить себя выразителем интересов и чаяний разных категорий населения, интеллигенцию отличал широкий спектр форм и направлений работы. В Тамбове "образованный класс" занимался самыми различными вопросами, начиная от благоустройства города и заканчивая попечением о развитии образования, здравоохранения и культуры. Участие различных групп интеллигенции в общественных объединениях Тамбова зависело от целого ряда факторов экономического, социально-культурного и психологического порядка: материальной обеспеченности, образования, социального статуса данной группы. Так, влияние учительской интеллигенции было наиболее заметным в просветительских организациях, профессиональных учительских обществах взаимопомощи, ряде научно-краеведческих объединений. Творческая интелли-

---

[9] Канищев В. В. Тамбовская интеллигенция в XIX — начале XX вв.// Очерки истории культуры Тамбовского края: Сб. науч. работ. Тамбов, 1993. С. 54.

[10] Егоров Б. Ф. Русские кружки // Из истории русской культуры. Т.V (XIX век). М., 1996. С. 507.

генция проявляла себя главным образом в обществах культурно-досугового профиля.

Можно выделить три основных группы общественных организаций, объединявших тамбовскую интеллигенцию: просветительские, научные, общества в области искусства и культуры досуга. Все они действовали в социально-культурной сфере, где способности и стремления образованной общественности органично сочетались с конкретными социальными нуждами и потребностями горожан. Деятельность по развитию образования, научных и эстетических знаний населения способствовала самовыражению интеллигенции, ее профессиональному совершенствованию. В условиях провинциального города, где ритм общественной жизни не отличался особым накалом и напряженностью, культурно-просветительская миссия интеллигенции приобретала особую значимость и актуальность.

Первоочередным направлением общественной работы тамбовской интеллигенции стало распространение образования, что объяснялось сложным положением в этой сфере. Так, на рубеже веков показатель грамотности достигал в Тамбовской губернии всего 16,6% (25% у мужчин и 7% у женщин); в Тамбове количество грамотных людей составляло 54% населения[11]. Серьезные недостатки наблюдались в организации процесса школьного обучения: сказывалась нехватка материальных средств, помещений, подготовленных учительских кадров.

Диапазон просветительской деятельности тамбовской интеллигенции был достаточно широк: много внимания уделялось развитию начального и среднего образования, религиозно-нравственному воспитанию. Однако наибольшие результаты были достигнуты в области внешкольного образования детей и взрослых — отрасли образования, которой не уделялось достаточного внимания ни государственными, ни местными органами власти[12].

---

[11] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. 42. Тамбовская губерния. 1904. С. XIII, 1, 56–57.

[12] Расходы тамбовского земства на целн внешкольного образования составляли в 1914 г. всего 1% его затрат на образование: Задачи земства в области внешкольного образования // Тамбовский край. 1914. 25 марта.

Центром внешкольного образования в Тамбове стало открывшееся в 1893 г. Общество народных чтений. Устав общества был составлен специально для Тамбовской губернии, так как организаций подобного рода в России еще не существовало. Народные чтения проводились по инициативе преподавателя классической гимназии М. Т. Попова. Педагоги гимназии и реального училища составляли костяк организации. Финансовую поддержку учителям-общественникам оказал крупный тамбовский землевладелец и известный меценат Э. Д. Нарышкин. На его пожертвования было отстроено двухэтажное здание народной читальни, в котором размещались библиотека, читальный зал, историко-этнографический музей и большой зал для народных чтений на 600 мест.

В Тамбове и за его пределами — в городах и селах губернии — чтения проводились в течение восьми месяцев года, с сентября по май, по воскресным и праздничным дням. За год устраивалось в среднем до девяноста чтений, общее число посетителей которых достигало 40-50 тыс. человек (от четырехсот до пятисот и более человек на каждое чтение). О размахе деятельности общества и популярности его мероприятий у населения позволяют судить следующие факты. В 1902 г. чтения были проведены в 294 населенных пунктах губернии[13]. В Тамбове к 1909 г. действовало уже 14 отделений народной читальни[14], размещавшихся в учебных заведениях, больницах и воинских частях города.

О времени и программе чтений горожане узнавали из особых афиш. Чтобы сделать чтения более увлекательными и разнообразными, на них приглашался народный хор и военный оркестр. По-настоящему зрелищный характер эти мероприятия начали приобретать с 1913 г., когда было принято решение о трансляции на них кинематографических картин. Лекторами выступали члены общества — главным образом педагоги городских учебных заведений. Темы лекций и бесед были самые разнообразные: литературные, ис-

[13] Очерк десятилетней деятельности Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии в связи с историей его образования // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 225.

[14] ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 102.

торические, религиозные. При составлении годовой программы народных чтений учитывались памятные даты общероссийского культурного календаря. Особенно ярким и запоминающимся для горожан было чтение по случаю трехсотлетия царствования Дома Романовых, собравшее более 1,2 тыс. человек публики[15].

Успех народных чтений в Тамбове и губернии натолкнул руководителей общества на мысль о качественном расширении видов и форм работы. Следующим шагом стало устройство народных библиотек и читален. В правление общества поступали многочисленные письма с просьбой оказать помощь в открытии сельских библиотек. В итоге за период 1895–1903 гг. в губернии было основано 725 народных библиотек, в то время как до 1895 г. их численность не превышала и десятка. Создавая библиотеки и снабжая их литературой, общество не только изучало читательские вкусы населения, но и целенаправленно их формировало, прививало интерес к серьезному чтению.

Разноплановая культурно-просветительская деятельность Общества народных чтений способствовала росту его популярности среди населения, привлечению в его ряды способных и инициативных сотрудников. К 1915 г. общество насчитывало уже 232 члена[16]. По своему профессиональному составу Общество народных чтений оставалось типично интеллигентской организацией. Его основной костяк составляли преподаватели учебных заведений (по данным на 1915 г. около 47% членов), священнослужители (27% членов в 1915), врачи, адвокаты, земские деятели[17].

С точки зрения партийной принадлежности состав Общества народных чтений являлся достаточно разнородным. Сюда входили представители партий и движений самой различной политической ориентации, от крайне правого крыла до социалистов-революционеров: монархисты (М. Т. Попов, А. А. Щеголев), националисты (С. О. Шадров), прогрессисты (С.И. Комсин), кадеты (Л.Д. Брюхатов, Н.Н. Сатин, А.Я. Ти-

---

[15] Отчет правления Общества по устройству народных чтений в г. Тамбове и Тамбовской губернии за 1913 год. Тамбов, 1915. С. 14.

[16] ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 142. Л. 126.

[17] Подсчитано по: ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 142. Л. 126.

мофеев), эсеры (К. Н. Шатов). Идеи просветительства, популярные в городской образованной среде, сплачивали общественных деятелей, заставляли их зачастую забывать о своих политических пристрастиях и уживаться в рамках одной организации и даже в составе одного правления.

Вместе с тем партийные интересы оказывали воздействие на взаимоотношения членов Общества народных чтений в определенные периоды его жизни. Так, в годы Первой русской революции либерально настроенное руководство общества в составе члена губернской земской управы Л. Д. Брюхатова, присяжного поверенного А. Я. Тимофеева, инспектора народных училищ Т. Е. Остроумова и члена городской думы И. И. Золотухина отправило в отставку его председателя, директора губернской гимназии Л. И. Успенского — человека "правых" убеждений. Народная читальня становится в это время местом проведения оживленных митингов и собраний, обсуждения злободневных политических вопросов. Прежний "верноподданнический" характер общество приобрело лишь благодаря "героическим" усилиям губернатора Н. П. Муратова, пустившего в ход весь арсенал имевшихся в его распоряжении административных мер: Брюхатов был арестован, Остроумов выслан из губернии и т.п[18].

Общество народных чтений заложило прочную основу развития в Тамбове внешкольного образования. Спустя 20 лет, в 1912 г., начинание тамбовских педагогов было поддержано юристами, основавшими в городе организацию со схожими задачами — Общество библиотеки. Численность его членов за весь период существования не превышала пятидесятишестидесяти человек, в основном из юридической, педагогической и земской среды. Председателем Общества библиотеки стал известный в городе общественный деятель, один из лидеров местного отдела конституционно-демократической партии князь В. П. Ишеев. В актив молодой организации вошли адвокаты Н. М. Назарьев, И. Н. Спасский, М. К. Вольский — тоже кадеты. С первых своих шагов Общество библиотеки становится объектом пристального внимания Тамбовского губернского жандармского управления. В секретном письме к его начальнику В. М. фон-Оглио от

[18] ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 142. Л. 90 об.-91.

8 декабря 1912 г. тамбовский губернатор Н. Ф. Ошанин делился своими сомнениями относительно политической лояльности общества, большинство учредителей которого принадлежало к кадетской партии, и проявили высокую активность на выборах в IV Государственную Думу. Не является ли Общество библиотеки лишь ширмой для объединения тамбовских кадетов и получения ими легального права собраний, — таким вопросом задавался губернатор[19]. По его указанию за обществом устанавливается строгое наблюдение, но опасения властей оказались безосновательными. Общество соответствовало своему названию и занималось решением чисто просветительских задач.

Силами членов общества в городе были созданы библиотека и читальня. В 1916 г. в библиотеке насчитывалось уже более 10,5 тыс. томов книг, а число ее посетителей достигало почти 2 тыс. человек[20]. В отличие от библиотек Общества народных чтений, эта библиотека обслуживала преимущественно образованную публику. Лица с высшим и средним образованием, включая учащихся средних и средне-специальных учебных заведений, составляли 70-80% ее посетителей[21]. С лекционной программой по приглашению Общества библиотеки в Тамбов приезжали писатель Ф. К. Сологуб, художественный критик С. Глаголь, московские литературоведы Ю. И. Айхенвальд и Н. Ю. Абрамович.

В межреволюционное десятилетие 1907–1916 гг. спектр деятельности тамбовских просветительских организаций обогатился новыми, нетрадиционными видами работы. Так, Обществом среднего образования (1916) в Тамбове была основана мужская гимназия с благотворительной поддержкой неимущих гимназистов, а преподавательский клуб — Педагогическое собрание — выступил в 1910 г. инициатором устройства судов совести над героями популярных литературных романов, проводившихся начиная с 1913 г.

---

[19] ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 9. Л. 23 об.

[20] Отчет Общества Тамбовской библиотеки за 1916 год. Тамбов, 1917. С. 5, 11.

[21] Подсчитано по: Отчет Общества Тамбовской библиотеки за 1913 год. Тамбов, 1914. С. 8, 9; Отчет Общества Тамбовской библиотеки за 1916 год. С. 5, 6.

Отдельная группа общественных организаций тамбовской интеллигенции действовала в области искусства и культуры досуга. Исходные условия для развития этого вида деятельности в Тамбове не представлялись особенно благоприятными. Даже в конце XIX в. в городе насчитывалось крайне мало культурно-образовательных учреждений, весьма малочисленным оставался слой людей, подготовленных к восприятию искусства. Поэтому первоначально объединения тамбовских любителей искусства носили неформальный характер. Действовали кружки любителей рисования и фотографии, частные собрания, созывавшиеся от случая к случаю и собиравшие вокруг себя городскую элиту. Однако по мере развития в обществе интереса к художественному творчеству интеллигенция стала подумывать о создании объединений с определенной организационной структурой и программой деятельности, работающих на постоянной основе.

Переломным этапом в развитии музыкальной культуры в губернском Тамбове стало открытие здесь в 1882 г. отделения Русского музыкального общества (РМО). В целом по России в дореволюционный период возникло около 50 подобных филиалов РМО. Функции управления Тамбовским отделом были возложены на дирекцию в составе губернского предводителя дворянства Н. Н. Чолокаева, уездных дворянских предводителей В.М. Петрово-Соловово и К.А. Бенкендорфа, городского головы И. А. Гуаданини и ряда других лидеров местного сословного и общественного самоуправления.

При обществе действовали музыкальные классы, преобразованные позднее в музыкальное училище — учебное заведение более высокого ранга, по окончании которого выдавался аттестат о среднем музыкальном образовании. Музыкальное училище было открыто в Тамбове в 1900 г. Спустя три года оно переехало в недавно отстроенное здание на пересечении двух центральных улиц города — Большой и Дворянской. Возглавил его выпускник Московской консерватории талантливый пианист и дирижер С. М. Стариков, приехавший в город по приглашению тамбовского отдела РМО. Имя Старикова связано с музыкальным училищем неразрывными узами: он был инициатором его создания, наладил в нем учебный процесс, воспитал целое поколение

профессиональных музыкантов. Помимо этого Стариков организовал первый в губернском центре симфонический оркестр, восстановил отделение хорового пения и немало содействовал развитию хорового дела.

Под эгидой Музыкального училища в городе начали устраиваться симфонические концерты. По приглашению Тамбовского отделения РМО здесь гастролировали певцы Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. В. Неждановa, А. Д. Вяльцева, пианисты А. Зилоти, А. Гольденвейзер, Э. Фрей и др. Им аккомпанировал ученический симфонический оркестр под управлением Старикова. Среди первых педагогов училища нашлось много талантливых музыкантов, поэтому уровень исполнительского мастерства молодых оркестрантов был достаточно высоким. Произведения для симфонических концертов выбирались и проигрывались на домашних музыкальных собраниях, проходивших по четвергам в здании училища. Каждый сезон общество давало несколько симфонических и камерных концертов, представляло на суд зрителей ученические вечера и концерты, собиравшие постоянную аудиторию.

Временем испытаний явился для Музыкального общества период 1909–1912 гг. Управлявший Тамбовской губернией Н. П. Муратов стал препятствовать творческой деятельности существовавшего при обществе музыкального училища. Причиной тому послужили антисемитские настроения губернатора. По его признанию, в течение почти всего своего пребывания на данном посту он "боролся с еврейским засильем во всех сторонах жизни губернии и, конечно, не мог обойти вниманием, что представителем Императорского русского музыкального общества в г. Тамбове является некрещеный еврей Стариков"[22]. Училище было взято под пристрастный надзор губернатора, следившего за каждым его шагом. На концерты симфонического оркестра училища, возглавляемого Стариковым, был наложен негласный запрет, его перестали приглашать на торжественные музыкальные вечера и собрания, где присутствовал губернатор и высшее городское общество. Однако чинимые администрацией препятствия не снизили размаха деятельности общества. В са-

[22] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 123.

мый разгар травли отделения РМО, в сезон 1910–1911 гг., им было устроено 8 концертов, 3 ученических вечера и оперный спектакль, причем все они были проведены на высоком исполнительском уровне[23].

Поведение губернатора в отношении Музыкального общества вызвало негативную реакцию местной общественности. На сторону опального руководителя встала известная в губернии меценатка статс-дама А. Н. Нарышкина, обратившаяся к Муратову с требованием прекратить "поход против педагогов" училища и стать "умереннее и спокойнее". Поддержал общество в трудный момент его жизни и губернский предводитель дворянства князь Н. Н. Чолокаев. В то время как Муратов закрывал перед музыкантами двери городских учреждений, Чолокаев предоставил для проведения концертов зал Дворянского собрания и стал их первым слушателем. Интересы общества и его руководства Чолокаев неоднократно отстаивал в Петербургской дирекции (благо председательница ИРМО принцесса Е. Г. Альтенбургская очень ценила и поддерживала Старикова) и Министерстве внутренних дел[24].

То, что Муратов так и не сумел добиться смещения Старикова с поста руководителя Музыкального училища, было во многом заслугой Чолокаева — старейшего земского деятеля, авторитетного и влиятельного лидера тамбовского дворянства, бессменно проработавшего на этом посту с 1891 г. вплоть до Октября 1917 г. Помимо работы в сословном и общественном самоуправлении Чолокаев — активный участник добровольных самодеятельных объединений: Сельскохозяйственного общества, Общества народных чтений, Попечительного общества о бедных и ряда других, председатель правления тамбовских отделений Музыкального общества и Общества плодоводства и огородничества.

В области изобразительного искусства культурно-просветительскую деятельность направляли Общество любителей художеств и Фотографическое общество (оба возникли в 1906 г.). Силами активистов этих организаций — главным

---

[23] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 48-49.

[24] Там же. Л. 23-24, 123; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 26. Л. 156об., 176.

образом, преподавателей рисования городских учебных заведений — в городе было налажено ежегодное проведение художественных и фотографических выставок, на которых экспонировали свои работы такие известные живописцы, как В. Д. Поленов, А. М. Васнецов, К. А. Коровин и др., организованы художественные мастерские и фотографические лаборатории.

Значительную группу организаций составляли в Тамбове досуговые объединения, деятельность которых отражала интересы определенных групп городского населения, делая их досуг более полнокровным. Так, Тамбовский отдел С.-Петербургского общества детских развлечений занимался организацией детского досуга, Общество любителей граммофона (1908) ориентировалось преимущественно на медицинский персонал губернской земской больницы, проявлявший наибольший интерес к молодому граммофонному делу. В Обществе правильного физического воспитания (1909) численно преобладали педагоги и медицинские работники, по роду своих занятий сознававшие значимость физкультуры и спорта.

Определяющую роль играла тамбовская интеллигенция в научных обществах. Их значение в губернском центре было чрезвычайно велико. Поскольку высшие учебные заведения, а также научно-исследовательские учреждения здесь отсутствовали, научные общества являлись единственными интеллектуальными центрами, ставившими перед собой задачу распространения научных знаний. Недостаток научных кадров делал участие в них доступным для большого числа горожан. Своей деятельностью они решали целый комплекс задач: приобщали к научному знанию широкую публику, способствовали созданию в Тамбове собственной школы профессиональных исследователей, сокращали разрыв в уровне научного развития провинциального города и столичных центров.

Пути создания научных обществ Тамбова были схожими: все они формировались вокруг одной или нескольких незаурядных личностей, являвшихся специалистами в данной области научного знания. Для Ученой архивной комиссии это были краеведы И. И. Дубасов и А. Н. Норцов, для Общества любителей природы — геолог Ф. В. Лунгерсгаузен и

врач В. Н. Левчук, для Военно-исторического общества — начальник гарнизона генерал-лейтенант Е.З. Корбут, для Физико-медицинского общества — доктор медицины Э.Х. Икавитц и губернский врачебный инспектор В. К. Зедергольм. Исследовательские интересы большинства из них были сосредоточены в сфере исторического краеведения. Это объяснялось слабым развитием данной отрасли знания, а также стремлением тамбовских краеведов опровергнуть распространенный взгляд на провинциальную историю и культуру как на нечто неяркое и нежизнеспособное и показать неповторимую самобытную роль провинции в жизни страны. Уместным здесь будет вспомнить высказывание тамбовского историка-краеведа Дубасова, что "именно русская провинция есть суть русской жизни".

Старейшим историческим обществом Тамбова стала Губернская ученая архивная комиссия (ТУАК), учрежденная по указу императора в числе первых четырех архивных комиссий в 1884 г.[25] Она проектировалась одновременно как полугосударственный орган, выполнявший задачи архивного строительства в губернии, и как самостоятельная научно-исследовательская организация. Основная задача ТУАК как научно-архивного общества состояла в сборе, обработке и хранении исторических документов. Однако определение приоритетных форм и направлений деятельности комиссии в разные периоды ее жизни во многом зависело от научных вкусов и пристрастий председателей. За всю историю ТУАК их у нее было двое: И. И. Дубасов и А. Н. Норцов. Первый — выходец из духовного сословия, историк-краевед, одним из первых занявшийся системным исследованием истории Тамбовского края и оставивший обширное научное наследие, второй — дворянин, почувствовавший вкус к исследовательской работе после своей отставки с военной службы. Всегда питавший интерес к публичной деятельности Норцов так и не стал кабинетным ученым и являлся известным в среде архивистов общественным деятелем.

Первый этап жизни ТУАК с момента ее основания и до 1900 г. — отъезда ее руководителя Дубасова из Тамбова —

---

[25] Всего в дореволюционной России действовало 39 губернских ученых архивных комиссий.

прошел под эгидой сбора документальных материалов и создания исторического архива. Заслуга первого председателя ТУАК состояла прежде всего в привлечении в нее активных и надежных сотрудников, часть которых приняла участие в организации исследовательской деятельности комиссии, другие сумели оказать материальную поддержку. Налаживалась научная работа ТУАК, причем ни одно публичное собрание не обходилось без научного доклада или сообщения ее председателя. Членский состав ТУАК был весьма многочисленным, насчитывая в 1904 г. около двухсот, а к 1917 г. около трехсот человек[26]. В списках ее иногородних членов значились известные историки и архивисты В. О. Ключевский, И. Е. Забелин, Д. Я. Самоквасов, Д. И. Иловайский, С. Ф. Платонов, С. М. Середонин, А. С. Лаппо-Данилевский. Однако активной исследовательской деятельностью в комиссии занималось не более десятой части ее сотрудников, принадлежавших в основном к местной интеллигенции.

Работа ТУАК сводилась к двум основным направлениям: внутренней деятельности, связанной с задачами архивной комиссии как ученого общества и деятельности внешней, направленной на популяризацию научных знаний и просвещение горожан. Научная работа комиссии состояла в сборе исторических документов в единое архивохранилище и их систематизации. Сотрудникам Тамбовской архивной комиссии удалось собрать в свое хранилище около ста тысяч дел. В коллекции ее исторического архива содержались уникальные документы по колонизации окраин древней Московской Руси, богатые материалы по истории тамбовской церкви, дворянства, быта населения провинциального города. В целом сфера научных интересов членов Архивной комиссии этого времени сводилась к изучению истории повседневной жизни населения края. Это во многом обуславливалось взглядами ее председателя Дубасова, полагавшего, что "будничная, ежедневная народная жизнь с ее злобами дней и с ее массовыми интересами, где бы она ни развивалась — в цен-

[26] Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской ученой архивной комиссии (далее — ТУАК). 1884–1904 // Губернские ученые архивные комиссии и их значение. Тамбов, 1904. С. 9; Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (далее — ИТУАК). Тамбов, 1917. Вып. 57.

тре или в глуши и на окраинах — есть наиболее важный предмет для историка-исследователя"[27].

Не желая ограничиваться сбором только архивных источников, члены ТУАК включили в круг своих занятий исследование и описание памятников материальной истории. В музее комиссии хранились самые разнообразные предметы по археологии и минералогии, нумизматике и церковным древностям, материалы по местному фольклору. В начале XX в. его посещало в среднем от тридцати до пятидесяти человек в день[28]. Для обмена информацией и пополнения фондов своего архива, музея и библиотеки ТУАК наладила постоянные контакты с целым рядом научных учреждений, в том числе с Русским историческим и Московским археологическим обществами, Казанским обществом археологии, истории и этнографии и др.

Просветительская деятельность ТУАК нацеливалась на донесение исторических знаний до населения и пробуждение в нем интереса к своему прошлому. За время своего существования она опубликовала 74 печатных издания (58 сборников "Известий ТУАК" и 16 отдельных изданий). По объему издательской деятельности ТУАК занимала одно из первых мест среди архивных комиссий России, уступая лидерство лишь Тверской комиссии[29].

С назначением председателем Норцова началась новая веха в жизни Архивной комиссии, характеризовавшаяся заметным поворотом в сторону изучения памятников материальной культуры. Важное место в ее работе начали занимать археологические экскурсии по территории Тамбовской губернии, в ходе которых осматривались памятники старины, делались фотографии старых церквей и городищ, производились раскопки. Отдельным направлением деятельности становится охрана памятников старины.

Революция 1905–1907 гг. внесла изменения в работу ТУАК. Значительно ухудшилось материальное положение комиссии, поскольку начались перебои в поступлении член-

---

[27] Дубасов И. И. Очерки истории Тамбовского края. Вып. 2. М., 1883. С. 1.
[28] ГАТО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 66. Л. 4; Д. 72. Л. 6.
[29] Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли в конце XIX — начале XX века // История СССР. 1989. № 1. С. 167.

ских взносов и пособий от земств, основные плательщики которых — помещики и чиновники — сильно пострадали от аграрных беспорядков. Сотрудники Архивной комиссии перестали посещать научные съезды, опасаясь, что беспокойное настроение, охватившее российское общество, может отразиться на их работе, придав ей "характер политической партийности", ограничили контакты с другими историческими объединениями и всецело отдались исследовательской деятельности[30]. Подобная линия поведения была вызвана мировоззренческой позицией руководства комиссии. Она отражала его отношение к происходящему в стране и представление о месте человека науки в неспокойное для общества время. Председатель ТУАК Норцов писал в те годы: "Наука — это единственное благородное средство удалить себя от всех партийных крайностей, даже совсем игнорировать их и сохранить тем самым свое сердце и ум для чистого и бескорыстного служения Родине"[31]. Ученый, стремящийся объективно оценивать исторические явления, должен находиться вне партий и политики, — такого убеждения придерживался руководитель комиссии.

Аполитичность и консерватизм, проявленные Архивной комиссией в революционный период, объяснялись также неприятием ее руководством классовой борьбы в качестве средства преобразования общества. Знакомство с историей своей страны убеждало архивных деятелей в предпочтительности эволюционного пути общественного развития, позволяющего достаточно полно учесть опыт исторический жизни, менталитет и культурные достижения русского народа. Характер действий руководства ТУАК был вызван также ее особым статусом в системе научных учреждений. Во многом благодаря стараниям и личным связям Норцова Тамбовская комиссия первой из ГУАК была принята в 1904 г. под императорское покровительство.

Характеризуя действия ТУАК по развитию культуры губернского центра, заметим, что ни одно знаменательное событие в жизни города не обходилось без ее участия. ТУАК сыграла важную роль в организации и проведении в Тамбове

---

[30] ИТУАК. Вып. 52. Тамбов, 1906. С. 1.
[31] Там же. Вып. 53. Тамбов, 1909. С. 13.

крупных юбилейных дат общероссийского и местного календаря, причем очерки и статьи о наиболее знаменательных событиях из истории и современной жизни страны и местного края публиковались на страницах ее "Известий".

В 1912 г. ТУАК обратилась к городской думе с пожеланием о переименовании ряда улиц и скверов губернского центра, не носивших исторических названий (Большой, Гимназической, Долгой и др.), и присвоении им имен известных государственных и общественных деятелей, внесших вклад в развитие Тамбова. К их числу относили тамбовского наместника Г. Р. Державина, основателя города воеводу Боборыкина, поэта М. Ю. Лермонтова, бывавшего в Тамбове и описавшего его в "Тамбовской казначейше", губернатора Гамалея, подарившего городу Александринский институт, Коннозаводское и дворянское собрания, публичную библиотеку, Э. Д. Нарышкина[32]. Эта инициатива членов комиссии опередила свое время. Лишь немногие из отмеченных деятелей получили вторую жизнь в названиях улиц и скверов современного Тамбова.

Плодотворная и разносторонняя деятельность ТУАК способствовала развитию исторического краеведения в Тамбовской губернии, оказала существенное влияние на формирование гражданского сознания горожан. На это ориентировали комиссию руководители — И. И. Дубасов, характеризовавший ее работу как "учено-патриотическую" и А. Н. Норцов, видевший ее задачи в образовании современного и грядущего поколений, пробуждении "народного самосознания, любви к родине и благородной национальной гордости"[33].

Итак, интеллигенция играла заметную роль в общественных объединениях Тамбова рубежа XIX–XX вв. В основе ее работы лежало стремление повысить уровень и качество жизни горожан, сделать ее более цивилизованной и просвещенной. В процессе становления и функционирования общественных организаций отчетливо проявилась насущная для российской интеллигенции того времени дилемма: какой путь развития предпочтительней для России — путь коренных революционных перемен или путь эволюции и "малых

---

[32] Тамбовский край. 1912. 18 сентября.
[33] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5178. Л. 8 об.

дел", требующий скрупулезной конструктивной работы. В рамках легальных общественных организаций интеллигенция осуществляла вторую альтернативу — постепенного и поэтапного улучшения всех сторон жизни без болезненной революционной перестройки.

Характер и направления работы общественных объединений способствовали изменению менталитета городского населения. Предоставляя населению возможность объединяться и самостоятельно решать вопросы своей повседневной жизни, общества содействовали приобретению навыков гражданской деятельности.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА РОССИЙСКОЙ, РОССИЙСКО-НЕМЕЦКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX — НАЧ. XX ВВ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

А. Г. Айрапетов, В. В. Канищев

Сразу оговоримся, что под интеллигенцией мы понимаем работников творческого умственного труда (учителей, врачей, средних медицинских, культурно-просветительных работников, литераторов, работников искусства) в отличие от административно-канцелярских служащих. При этом следует учитывать, что большинство российских интеллигентов находилось на государственной службе. Это обстоятельство, с одной стороны, затрудняет выделение "чистой" интеллигенции, а с другой — создает благоприятные источниковые условия для историков, поскольку в архивных фондах государственных учреждений отложилось множество документов, характеризующих разные параметры социального облика служилой интеллигенции.

В лаборатории социальной истории Тамбовского государственного университета создаются несколько электронных баз данных на основе таких документов. В частности, формулярные списки чиновников содержат подробную информацию о находившихся на государственной службе интеллигентах (возраст, семейное положение, жалованье, имущество, прохождение службы, награды и др.). К этого рода источникам близки погубернские "Справочные книжки служащих", в которых имеются сведения о фамилиях, именах, отчествах, чинах, должностях, домашних адресах лиц интеллигентских занятий, находившихся на службе в государст-

венных, общественных, сословных и других учреждениях, нередко и частнопрактикующих интеллигентах (лицах свободных профессий). Окладные книги недвижимых имуществ (дома, торговые, промышленные и другие предприятия) позволяют подробно выяснить структуру имуществ интеллигентов-собственников (количество, размеры, стоимость, доходность владений). Помимо документации государственных учреждений сохранилось немало нарративных источников (газет, воспоминаний, писем, произведений художественной литературы), вышедших из интеллигентской среды или отразивших взгляд на нее со стороны представителей других слоев общества.

Проведенный к данному моменту анализ нескольких комплексов первичных архивных источников позволил сделать интересные сравнительные наблюдения социального облика русской и российско-немецкой интеллигенции Тамбовской губернии второй половины XIX — начала XX в. В данном случае наиболее интересны сведения о российских интеллигентах немецкого происхождения. Они могли бы стать основным моментом предлагаемого сравнительного исследования и показать, насколько немецкие выходцы, занятые в России в сфере творческого умственного труда, сохранили свои национальные особенности и насколько они вжились в российскую среду.

Изученные источники свидетельствуют, что доля российских немцев в составе интеллигенции Тамбовской губернии была на несколько порядков выше, чем лиц немецкой национальности среди всего населения губернии (десятки процентов против десятых долей процента). Особенно много российских немцев работало в учебных заведениях Тамбовской губернии. Так, в 1914 г. их насчитывалось более 50 человек. В основном они вели иностранные языки (не только немецкий). Некоторые преподавали и другие учебные предметы. В "Справочной книжке служащих" за 1914 г. упоминаются также 13 врачей, 5 агрономов, 3 библиотекаря, 2 фельдшера, 1 акушерка с немецкими фамилиями. Ясно, что для всего периода XIX — начала XX века речь может идти о нескольких сотнях немцах, так или иначе связанных с деятельностью в сфере культуры Тамбовской губернии.

Обратим внимание также на то, что среди упомянутых в 1914 г. около 80 работников интеллигентского труда с немецкими фамилиями почти 40 имели русские, а около 25 человек — смешанные имена и отчества (чаще всего — русское имя и немецкое отчество), около 15 человек — полностью немецкие имена. Конечно, в первой группе могла находиться какая-то часть русских женщин, вышедших замуж за немцев. Но встречается и немало мужчин с немецкими фамилиями и русскими именами и отчествами. Отсюда возникает интересный вопрос о степени обрусения немцев.

На основании других источников можно изучить вопросы о принятии немцами православия, русского языка в качестве основного, русских обычаев и т.п. Перспективным могло бы стать совместное исследование российских и германских историков об особенностях демографического поведения интеллигенции из обрусевших немцев путем сравнения их важнейших жизненных показателей (детская смертность, продолжительность жизни, брачный возраст, число детей в семье и др.) с "чистыми" русскими и немецкими интеллигентами.

Проанализированные нами источники также свидетельствуют о том, что провинциальная интеллигенция немецкого происхождения весьма успешно продвигалась в служебной карьере, но почти не имела недвижимой собственности. Интересно было бы провести сравнение (в сопоставимых для своих стран показателях) доходов, размеров имущества, социальной стратификации и мобильности русской, русско-немецкой и немецкой провинциальной интеллигенции.

Как известно, в современной германской историографии ведутся исследования по истории национальной интеллигенции, раскрывающие ее социальный облик и менталитет (Й. Кокка, С. Браун, Й. Фурман, Х. Хеннинг, Х. Шпайер, Г. А. Риттер и другие). В источниках есть сведения о сословной принадлежности интеллигенции. Среди живших в Тамбовской губернии немцев-интеллигентов был выше, чем у их русских коллег, удельный вес выходцев из дворян, но практически не было представителей духовенства и крестьянства по сословному происхождению. Сравнение происхождения русских, российско-немецких и немецких интеллигентов позволило бы выяснить общие и особенные черты

социального "рекрутирования" интеллигенции в двух европейских странах. В документах начала XX в. можно найти данные о существовании в Тамбове частной начальной школы Лидии Карловны Кюн, аптек Александра Андреевича Вернера и Александра Александровича Лана, в Моршанске — частной гимназии Наталии Алексеевны Струве и др. В связи с этим возможно изучение темы о вкладе немцев-интеллигентов, как и российских немцев вообще, в частное предпринимательство, сравнение их роли в этом с "чистыми" русскими и немцами.

Среди российских немцев-интеллигентов немалое число являлось известными местными общественными деятелями. Так, преподаватель физкультуры нескольких учебных заведений Тамбова Иван Иванович Гюттель состоял членом правления Общества правильного физического воспитания, а его коллега из Козлова Владимир Дмитриевич Бауэр был одним из руководителей местного отделения гимнастического общества "Сокол". Среди руководителей Тамбовского физико-медицинского общества известны врач Николай Иванович Финк и провизор Александр Андреевич Вернер. В Козлове председателем общества помощи ученицам женской гимназии была Александра Викторовна Краузе, а в Лебедяни аналогичное общество при мужской гимназии возглавляла Лидия Гавриловна Диш. Так что вопрос об участии немцев в общественной жизни российской провинции мог бы стать еще одной темой для специального изучения.

В распоряжении тамбовских историков есть материалы о происхождении российских немцев, путях их переселения в Россию. Мы готовы предложить изучение жизненных судеб немцев Тамбовской губернии, создание на этой основе электронной базы данных и постепенное (по мере накопления материала) издание биографических материалов. Естественно, материалы одной российской губернии недостаточны для построения широких обобщений. Предлагаемый проект мог бы стать, так сказать, экспериментальной моделью сравнительных исследований на материалах разных регионов России и Германии. На начальном этапе изучения было бы целесообразно сопоставить облик интеллигенции Тамбовской губернии и близкого ей по социально-экономическому положению аграрного региона Германии.

Возможен еще один интересный, на наш взгляд, аспект сравнительного изучения интеллигенции европейских стран. Известно, что в первой половине XIX в. в России, в том числе и в Тамбовской губернии, среди иностранцев преобладала интеллигенция французского происхождения. Во второй половине этого столетия она почти исчезает в российской провинции. Несомненно, интересно было провести сравнительное исследование процессов адаптации в российском обществе интеллигентов французского и немецкого происхождения. Предложенный подход близок широким компаративистским исследованиям германских историков, в частности, работам Г. А. Риттера об эволюции социальных групп в европейских странах в новое и новейшее время.

ВЫБОРОЧНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Академии XVII-XVIII вв., 80-86 passim
Академии научные, 196-235 passim
Антиинтеллектуализм (-интеллигентство), 58, 150-170
Антифеминизм, 177 passim
Аристократия: польская, 129; русская, 10, 12
Артельные мастерскне, 143, 144
Библнотекн: XVII-XVIII вв., 79-80, 97 passim; Варшавского университета, 105; частные варшавские, 125; в Тамбове, 288
Большевики, 17, 162, 165
Буржуазия, 10, 13 прим., 61, 65, 68, 76, 109, 113, 129; в противопоставлении к интеллигенции (в т.ч. "мещанство"), 154 passim, 169
Возрождение, 71, 73, 81-83, 102
Гнозис, 33-35
Город как нсторнческий феномен, 67
Дворянство, 10, 12, 61, 70, 171-172, 237, 252-254
Демократия, 56, 58
Духовенство, 10, 12, 27, 61, 259, 286, 293
Женщина в интеллигенции: 7, 171-195; женское высшее образованне, 171, 174
Журфиксы, 8
Земства, 65, 155, 269-278 passim
Инквизиция, 75
Интеллектуалы, 24-27, 37, 56-58, 69-70, 107, 157, 210 прим., 223; придворные и., 98
Интеллектуальная жизнь Вены XVII-XVIII вв., 96 passim
Интеллектуальный (пишущий, мыслящий) пролетариат, 11, 12, 140
Интеллектуальный арнстократизм, 43
Интеллигент: как термин, 157; пассивные и., 157
Интеллигентные предпринимателн, 155
Интеллигентный образ (стиль) жизни, интеллигеитство, 153-156, 164-165
Интеллигентоведение, 5
Интеллигенты-обрусевшие немцы, 8, 299-303
Интеллигенция: 5-8, 11-31 passim, 31-32, 45, 51, 55; 71 passim; 150 passim; академнческая, 199; варшавская (польская), 8, 50, 103-138; византийская, 36; "государственная", 160; грузинская, 162; еврейская, 27, 151 (и. и антисемитизм, 159, 180, 290); земская, 49; истинно-русская, 160; марксистская, 161; местная (региональная, провинциальная), 7, 8, 27, 159 прим., 236-303 passim; народная, 167, 169-170; оппозиционная, 13, 20; протоннтеллигенция, 21; профессиональная, 19; рабочая, 27,

162-165; радикальная, 7, 10-11, 17, 22-23; 139-149; разночинная, 142 passim; религиозная, 25; советская, 17-19, 21-22; как антигосударственная и антинародная сила, 158-159; как религиозный орден, 156-157, 168; как термин, 151 passim; как умственная способность и концепт культуры, 33 passim; церковная, 55
"Ирредентизм" польскнй, 106
Исихазм, 35, 37, 41
Историография нителлигенции: западная, 9-30; советская, 14
История: интеллектуальная, 21; культурная, 21, 65; сравнительная, 6-8, 27, 31 passim, 302-303; социальная, 19; социально-культурная, 7
Кадеты, 190, 192-193, 286, 288
Камерализм, камералисты, 57
Капитализм, 18-19, 140
Католицизм, католическое духовенство и церковь, в т.ч. отношение к образованию и образованным людям, 57, 73 passim
Кафе (кавярни), 8, 126-128
Клирик (clericus, clerc), 38
Кннжность, книжники, 43
Книжный рынок XVII-XVIII вв., 79 passim, 87 passim
Коммунизм, 18, 22
Контрреформацня, 57, 73, 77
Крестьянскнй вопрос, 139
Крестьянство, 10, 253-254
Критическое мышление, критицизм, 21, 209
Кружки: варшавские, 108; русские, 12, 238
"Культурный человек", 157
Купечество, 10, 12, 237, 253-254, 258
Ленинизм, советская система, 18, 23, 170
Либерализм, либералы, 10, 22-23, 56, 67, 186-188
Литераторы, 12, 74, 168
Литература: автобиографическая XVII-XVIII вв., 77 passim; русская, 12, 14-15, 25, 142-145; философская XVII-XVIII вв., 72 passim, 98 passim; этнографическая и географическая XVII-XVIII вв., 76 прим.
Лоялизм ("угодовство"), 112, 115
"Мандарииская идеология", 198, 199 прим., 206, 210, 212 прим., 219
Марксизм, 16, 63, 161
Меньшевики, 16, 162, 165
Меценатство науки, 107
"Мистическая" (христианская) педагогика, 33-36, 38
Молинизм, 96
"Мортусы", 144 passim
Народничество, народники, 160-161, 166
Научная периодическая печать XVII-XVIII вв., 75 passim
Научное (ученое) сообщество международное, 7, 70, 196-235
Неославянофнлы, 209 прим., 211, 214
Нигилизм, нигилисты, 141 passim, 156
Ницшеанство, 166
Новое время, 5, 6, 32, 34, 52, 60
Номенклатура, 20
Образ и подобие Божие, 34
Образование как концепт, модель, система, 32 passim; 56, 58
Образованный класс, 10

Образованный слой, 5, 6, 7, 8, 31, 64
Образованный человек (люди), 5-7, 10, 31, 37, 43-44, 54, 56-57, 63; полуобразованные, 10
Общества (союзы, организации, ассоциации, общества "частной инициативы", клубы) в целом, 8, 66, 81 прим.; в Курской губернии, 236-268 passim; в Тамбове, 279-298; научные, 196, 234
Общественная (публичная) жизнь (Geselligkeit), 59, 103 passim
Общественность (гражданская/буржуазная, bürgerliche Öffentlichkeit, public sphere), 58-61, 218, 282
Общество: буржуазное, 20, 55; городское, 66; гражданское (civil society, Zivilgesellschaft), 8, 63 passim, 279; образованное, интеллигентное в Варшаве, 7, 103-138; провинциальное, 7; секулярное, 5; университетское, 68
Октябристы, 191
Освободительное движение (в России), 8, 22, 139-149, 155, 156 прим.
Офицерство, офицеры, 10, 27, 159, 237, 261, 293
Пайдея, 33
Пангерманизм, 215, 220-221, 226
Пасторы, 57
Пауперизм, 11
Первая мировая война, 7, 196-235 passim
Позитивизм польский, 106 passim, 112 passim, 137-138
Пролеткульт, 17-18
Просветитель, 42, 167, 171
Просветительство, 44, 280
Просвещение: как культурный концепт, христианское, 32 passim; Век Разума, Aufklaerung, Lumières, 38, 46, 57-58, 73, 95, 100-102; гражданское, 48 прим.
Профессии (интеллектуальные, свободные), профессионалы, специалисты, эксперты, 19-20, 22-23, 27, 33, 54, 58, 153, 169, 209; в т.ч. врачи, 19, 168, 173, 179, 185, 187, 246, 253; инженеры, 19, 253; профессора, 19, 40, 198; статистики, 8, 19, 269-278 passim; учителя, 19, 173, 253, 258, 259, 286; экономисты, 19; юристы, 19, 57
Рабочие (см. также интеллигенция рабочая), 10, 11, 161-162
Разночинцы, 11-12, 20, 139-149
Раскольники, 24
Рационализм, 39, 142, 147
Революция, 10, 12-13, 22; Великая Французская, 10, 39, 45, 95; научная, 5; Октябрьская, 22, 24; 1905 года, 19, 159, 165, 287, 295
Реформация, 81
Реформы: политические, 10; "великие" 1860-х гг., 139, 172, 239, 280
Салоны: литературные русские, 12; варшавские XIX в., приемы, вечера, 108-109, 112-125, 129, 134-136, в т.ч. музыкальные, 124
Самообразование, 12
Святость, святые, 36, 42, 52, 53
Сети (networks), 7, 62, 65 passim, 107-108 passim, 112, 129, 134
Служащие, 70, 259; государственные, 57
Служение народу, 168

Социал-демократы, 190, 193-194
Социализм, 16, 23, 142, 187
Социальная мобильность, 20
Союзы интересов, 62
Средние слои (сословия, средний класс), 12, 50, 54-55, 77, 169
Студенчество, 17, 19, 104, 190, 258; русские студенты заграницей, 201
Схоластика, 36-37
Террор, 144, 147
Университеты: американские, 199; русские, 11, 12, 68, 140, 271, 275; западноевропейские, 37-38, 70, 72, 80 passim, 83; польские, 134 (Школа Глувна/Szkoła Główna, 104, 106-107, 131; Варшавский императорский университет, 104 passim); германские, 40, 197-198; французские, 198-199
Утилитаризм, 147
"Флотские профессора", 202
Чиновничество, чиновники, администрация 10, 12, 27, 61, 68, 157, 159, 237, 254, 261
Элита/элиты, 6, 10, 20, 63, 74, 109, 111, 113
Эмиграция русская, 15-16
Эрудит, эрудиция, 74, 76, 101-102
Эсеры, 19, 287
Январское восстание в Польше 1863-1864 гг., 103, 135, 138
Янсенизм, 96

Agent de culture, 21
Ausbildung, 57
Bildung, 38-41, 47, 54, 57
Bildungsbürgertum (образованное бюргерство), 6, 40, 53
Bürger, 59 прим.
Bürgertum, 61
Bürgertumsforschung, 65
Gebildete, 31, 40, 54, 56
Hommes cultivés, 10
Inteligencja, 6, 50
Intellectuals, 54
Intellectuels, 6, 31, 54, 55
Intellektuelle, 21
Intelligence, 10, 45 прим.
Intelligentia/νοῦς, 33, 36, 49, 51
Intelligenz, 12, 13, 41, 50
Res publica doctorum/республика ученых, 7, 69-102 passim, 196
Scientia, science, 38, 40

СОДЕРЖАНИЕ

- **ПРЕДИСЛОВИЕ** (Д. А. Сдвижков) 5

I. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ:

- **Ютта Шеррер**
  (Высшая Школа Социальных Наук, Париж)

Русская дореволюционная интеллигенция в западной историографии 9

- **Д. А. Сдвижков**
  (Институт Всеобщей Истории РАН, Москва)

Сравнивать несравнимое: общее и особенное в понятиях об "образованном человеке" 31

- **Манфред Хильдермейер**
  (Университет Гёттинген/
  Центр Сравнительной Истории Европы, Берлин)

Образованный слой и гражданское общество: развитие в России до 1917 г. в сравнительном отношении 56

II. ФОРМИРОВАНИЕ СРЕДЫ И САМОСОЗНАНИЯ

- **И. Е. Андронов**
  (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва)

Европейская "республика ученых" XVII–XVIII вв.: механизмы общения 69

- **Магдалена Мичиньска**
  (Институт Истории Польской Академии Наук
  им. Т. Мантейфеля)

Общественная жизнь и меценатство науки и просвещения в Варшаве после Январского восстания (1863) до 1890-х гг., основы и формы 103

- **Е. И. Щербакова**
  (Академия ФСБ, Москва)

Синдром разночинца: социально-психологические истоки радикализма русской интеллигенции 139

• **Б. И. Колоницкий**
(Институт Истории РАН, С.-Петербург)
Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (кон. XIX - начало XX вв.) 150
• **В. А. Веременко**
(Институт Истории РАН, С.-Петербург)
"Ученая женщина": дискуссии в российском обществе (вторая половина XIX — начало XX вв.) 171
• **А. А. Дмитриев**
(СПБФ ИИЕТ, Санкт-Петербург)
Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество 196

III. СРЕЗЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

• **И. Г. Косихина**
(Курский государственный университет)
Общественные организации российской провинции в 1864–1917 гг. (на примере обществ культурного профиля Курской губернии) 236
• **Мартина Меспуле**
(Университет Анжер —
Высшая Школа Социальных Наук, Париж)
Саратовские земские статистики: исследование одной группы провинциальной интеллигенции 269
• **А. С. Туманова**
(Тамбовский Государственный Уиверситет)
Интеллигенция и её роль в общественных организациях г. Тамбова на рубеже XIX–XX вв.: опыт регионального исследования 279
• **В. В. Каиищев /А. Г. Айрапетов**
(Тамбовский Государственный Университет)
Сравнительный анализ социального облика российской, российско-немецкой и немецкой провинциальной интеллигенции XIX — нач. XX вв. К постановке вопроса 299

УКАЗАТЕЛЬ 304

TABLE DES MATIÈRES

- Introduction (Denis A. Sdvizkov) 5

I. FORMATION DES CONCEPTS:

- **Jutta Scherrer**
  (EHESS, Paris)

L'intelligentsia russe avant la révolution dans l'historiographie occidentale 9

- **Denis A. Sdvizkov**
  (IHU ASR, Moscou)

Comparer ce qui n'est pas comparable: le commun et le particulier dans les concepts de l'intellectuel 31

- **Manfred Hildermeier**
  (Université de Göttingen/Centre d'histoire comparée de l'Europe, Berlin)

La couche cultivée et la société civile: leur développement en Russie avant 1917 sous l'aspect comparatif 56

II. FORMATION DES MILIEUX ET DES IDENTIFICATIONS:

- **Ilya J. Andronov**
  (Université d'Etat Lomonossov de Moscou)

"La république des lettres" en Europe aux XVIIe-XVIIIe siècles: mécanismes de la sociabilité 69

- **Magdalena Micińska**
  (Institut d'Histoire T. Manteuffel, Académie des Sciences de Pologne, Varsovie)

La vie publique et le mécénat de la science et de l'instruction à Varsovie après l'insurrection du Janvier (1863) jusqu'aux années 1890e – les fondements et les formes 103

- **Ekaterina I. Chtcherbakova**
  (Académie des Services de Sécurité d'Etat, Moscou)

Le syndrome de l'intellectuel-roturier (raznochinets): les racines socio-psychologiques du radicalisme de l'intelligentsia russe 139

• **Boris I. Kolonitskij**
(Institut d'Histoire, Académie des Sciences de la Russie, St.-Pétersbourg)
Les identifications de l'intelligentsia russe et l'anti-intellectualisme à la fin du XIXe- au début du XXe siècles 150
• **Valentina A. Veremenko**
(Institut d'Histoire, Académie des Sciences de la Russie, St.-Pétersbourg)
La "femme savante": les discussions dans la société russe (deuxième moitié du XIXe-début du XXe siècles) 171
• **Alexander A. Dmitriev**
(Institut d'Histoire des Sciences Naturelles et de la Technique, St.-Pétersbourg)
La mobilisation de l'intellect: la Première Guerre Mondiale et la communauté scientifique internationale 196

III. LA SITUATION REGIONALE: LA PROVINCE RUSSE:

• **Irina G. Kosichina**
(Université d'Etat de Koursk)
Les sociétés publiques dans la province russe, 1864-1917 (modèle des associations culturelles au gouvernement de Koursk) 236
• **Martine Mespoulet**
(EHESS-Université d'Angers)
Les statisticiens de zemstvo de Saratov: recherche sur un groupe de l'intelligentsia provinciale 269
• **Anastasija S. Tumanova**
(Université d'Etat de Tambov)
L'intelligentsia et sa fonction dans les sociétés publiques de Tambov (fin du XIXe- début du XXe siècles): l'expérience d'une recherche régionale 279
• **Valerij V. Kanichtchev/Arutjun G. Airapetov**
Analyse comparative des traits sociaux de l'intelligentsia provinciale russe, russo-allemande et allemande à la fin du XIXe – début du XXe siècles. Réflexions préalables sur la question 299

INDEX 304

Интеллигенция в истории:
образованный человек в представлениях
и социальной действительности

Л.Р. ИД № 01776 от 11 мая 2000 г.

Подписано в печать 14.11.2001
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Объем - 19,5 п.л. Тираж - 500 экз.

ИВИ РАН. Ленинский пр., 32А

Интеллигенция в истории - всегда величина переменная. Авторы настоящего сборника не задаются целью предложить очередную универсальную формулу для решения этой задачи. Главная область их исследований - описание культурных и социальных реалий, связанных с феноменом образованного человека, сравнимых в разных странах. В статьях авторов из России, Франции, Германии и Польши обрисованы различные эпизоды жизни интеллигенции - жизни, которая на наших глазах уходит в историю.